

INSPIRIA

Люсинда
Райли

Семь Сестер

Сестра ветра

INSPIRIA

Семь сестер. Мировые хиты Люсинды Райли

Люсинда Райли

Семь сестер. Сестра ветра

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Райли Л.

Семь сестер. Сестра ветра / Л. Райли — «Эксмо», 2015 — (Семь сестер. Мировые хиты Люсинды Райли)

ISBN 978-5-04-105648-3

Алли Делеси собирается принять участие в одной из самых опасных яхтенных гонок в мире, но внезапно получает весть о смерти своего приемного отца Па Солта. Она спешит в дом детства, где собираются пять ее сестер, чтобы вскрыть завещание. Обнаруживается, что каждой из них Па Солт оставил зашифрованные подсказки о тайне их рождения. Но готовы ли они разгадать этот ребус? История рождения Алли оказывается удивительным образом связана с судьбой певицы Анны Ландвик и знаменитой пьесой «Пер Гюнт», написанной более 150 лет назад. Алли отправляется на встречу ледяной красоте Норвегии, где, как она верит, сокрыты загадки не только ее происхождения, но и личности великого путешественника Па Солта и... седьмой сестры, которую Па Солт в свое время так и не смог отыскать.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-105648-3

© Райли Л., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Алли	8
1	9
2	21
3	29
4	37
5	43
6	51
7	60
8	70
9	81
10	87
11	99
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Люсинда Райли

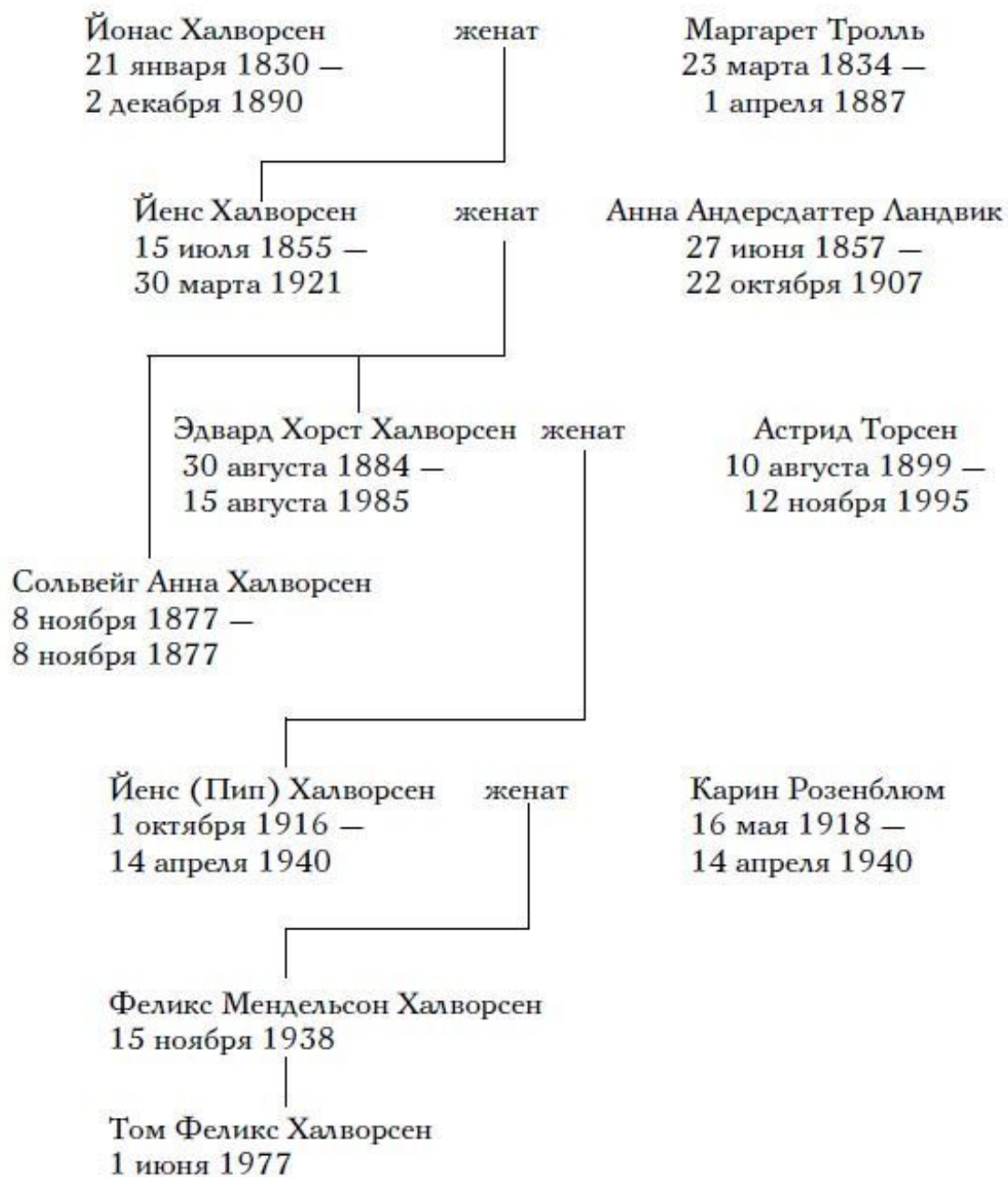
Семь сестер. Сестра ветра

Посвящается Сьюзен Мосс, моей «задушевной» сестре

*«Нет, я не буду жаться к берегам,
А в море по звездам направлю путь».
Джордж Элиот «Миддлмарч»*

Генеалогическое древо семьи

Действующие лица романа

Атлантис

Па Солт — *приемный отец сестер (умер)*

Марина (Ма) — *гувернантка сестер*

Клавдия — *экономка*

Георг Гофман — *нотариус Па Солта*

Кристиан — *шкипер, капитан катера*

Сестры Деппеси

Майя

Алли (Альциона)

Стар (Астеропа)

Сиси (Келено)

Тигги (Тайгете)

Электра

Меропа (отсутствует)

Алли

Июнь 2007 года

«Утреннее настроение»

Эдвард Григ

1

Эгейское море

Я всегда буду с предельной точностью помнить, где была и чем занималась в тот самый момент, когда мне сообщили о смерти отца.

Нежилась на солнышке абсолютно голой, а рука Тео уютно покоилась на моем животе. Все происходило на борту яхты «Нептун». Вдалеке виднелся остров и золотился в лучах заходящего солнца пустынный пляж. Солнце уже вот-вот готово было закатиться, спрятавшись за скалистыми утесами небольшой бухты. Прозрачно-чистая вода ослепительно-бирюзового цвета лениво пыталась изобразить некое подобие волн, которые неспешно накатывались на прибрежный песок, образуя пышную пену, наподобие той, которая обычно зависает над чашкой с капучино.

«Сегодня море такое умиротворенное, – подумала я и мысленно добавила: – Как и я сама».

Вчера вечером мы бросили якорь в небольшой бухте рядом с крохотным греческим островком Мачерес и сразу же устремились на берег с двумя вместительными охлажденными коробками с провизией. В одной лежала недавно выловленная красная кефаль и сардины. Весь богатый улов Тео за утро. В другой коробке стояли бутылки с вином и пресной водой. Я опустила свою поклажу прямо на песок, несколько запыхавшись от усилий. Тео нежно поцеловал меня в кончик носа.

– Ура! – воскликнул он, широко разведя руки, словно приглашая и меня полюбоваться той идиллической картиной, которая предстала нашему взору. – Вот и у нас появился собственный необитаемый остров. Ну разве не здорово? Пойду-ка прогуляюсь по пляжу, поищу хворост, чтобы развести костер и поджарить нашу рыбу.

Я смотрела ему вслед, а он, повернувшись ко мне спиной, направился к скалам, протянувшимся в форме полумесяца по периметру всей бухты. Видно, решил поискать там сухой валежник и засохшие ветки редких кустарников, которыми поросли горные расселины. Глядя на худощавое, почти хрупкое телосложение Тео, трудно было поверить в то, что он – моряк мирового уровня, яхтсмен экстра-класса и что за изящной фигурой скрывается недюжинная физическая сила. В сравнении с другими яхтсменами, с которыми мне доводилось выступать на различных соревнованиях, – накачанные мускулы, мощный торс, как у Тарзана, – так вот, на фоне всех этих атлетов Тео производил впечатление весьма тщедушного малого. К тому же я почти сразу же заметила, что и походка у него неровная. Слегка припадает на одну ногу при ходьбе. Позднее он рассказал мне, что еще ребенком свалился с дерева и сломал лодыжку, но, видно, срослось плохо, и перелом давал о себе знать до сих пор.

– Кстати, это одна из причин, побудивших меня к тому, чтобы постоянно жить на воде. Когда я иду под парусом, то никому и в голову не придет предположить, как неуклюже я передвигаюсь, когда хожу по суше, – закончил он свой рассказ коротким смешком.

Мы поджарили рыбу. Потом занимались любовью под звездным небом. Следующее утро должно было стать последним, которое мы проведем вместе на яхте. И вот, как только я преисполнилась решимости снова восстановить связь с внешним миром и подключила свой мобильник, почти сразу же он принес мне весть, после которой вся моя жизнь рассыпалась на тысячи, миллионы мельчайших осколков. А пока я лежала рядом с Тео абсолютно умиротворенной. В легкой полудреме, похожей на такой разноцветный сюрреалистический сон, мысленно прокручивала в памяти чудесные картинки того, как у нас с Тео все начиналось и как в итоге мы оказались в этом поистине райском уголке...

* * *

Впервые я увидела Тео где-то год с небольшим назад на Карибах. Там, на острове Сент-Мартен, проходила знаменитая регата «Хейнекен». Команда-победительница закатила грандиозный банкет по случаю своей победы. И вот на банкете я с изумлением узнала, что шкипером у победившего экипажа был Тео Фейлис-Кингс. Известная личность в мире парусного спорта, можно сказать, самая настоящая знаменитость. За минувшие пять лет участия в гонках в открытом море ни одному другому капитану не удавалось столько раз приводить свои команды к победному финишу.

– А я представляла себе его совсем другим, – полушепотом прокомментировала я свои первые впечатления от увиденного давнему приятелю Робу Беллани, с которым мы неоднократно защищали честь национальной сборной Швейцарии, участвуя в различных соревнованиях в составе одного экипажа. – Смотрится как самый заправский ботаник в этих своих очках в роговой оправе. И походка какая-то странная, – добавила я, наблюдая за тем, как Тео поднялся из-за своего столика и, слегка ковыляя, направился к соседнему столику.

– Да, он явно не вписывается в твои представления о крепком мускулистом яхтсмене, – согласился со мной Роб. – Но поверь мне, Алли, этот парень – самый настоящий гений. У него чертовски развита интуиция. Пожалуй, он единственный, с кем бы я не побоялся выйти в открытое штормовое море.

На этой же вечеринке Роб и познакомил меня с Тео, коротко представив нас друг другу. Я заметила, как Тео, пожимая мне руку, внимательно оглядел меня своими зелеными в рыжую крапинку глазами.

– О, так вы и есть та самая знаменитая Алли Деплеси?

Несмотря на легкий английский акцент, голос звучал уверенно и доброжелательно.

– Да, я действительно Алли Деплеси, – согласилась я с последней частью его высказывания, немного растерявшись от столь неожиданного комплимента. – Но если уж говорить о знаменитостях, то это *вы* у нас знаменитый.

Последние слова я произнесла, изо всех сил стараясь сохранять выдержку и не отводить глаза в сторону под его внимательным, изучающим взглядом. Черты его лица моментально разгладились, и Тео издал короткий смешок.

– Что смешного? – требовательно спросила я у него.

– Если честно, я просто не ждал *вас*.

– Что означает «не ждали *меня*»? – удивилась я.

Но тут Тео отвлек фотограф, который уже приготовился запечатлеть групповой снимок всей команды-победительницы. Так я никогда и не узнала, что именно Тео имел в виду.

После первой встречи последовали и другие. Я постоянно сталкивалась с ним на всяких светских вечеринках, которые неизбежно случались на тех регатах, в которых мы оба участвовали. Тео мгновенно притягивал к себе какой-то неуловимой живостью своей натуры, добродушным, жизнерадостным смехом, а потому, несмотря на всю свою внешнюю сдержанность, немедленно оказывался в самой гуще народа. На официальных мероприятиях он всегда появлялся в модных летних брюках из твида и изрядно помятом льняном пиджаке – такая своеобразная дань уважения протоколу и спонсорам-устроителям гонок, но стоптанные парусиновые туфли на толстой каучуковой подошве и непокорные вихры каштановых кудрей всегда придавали ему облик человека, только что спрыгнувшего на берег со своей яхты.

Поначалу складывалось впечатление, что мы просто ходим кругами вокруг друг друга. Часто встречались взглядами, но Тео не предпринял ни единой попытки продолжить наш прерванный при первой встрече разговор. И лишь полтора месяца тому назад, когда экипаж, в составе которого я выступала, занял первое место на регате вблизи острова Антигуа и мы, как

водится, с размахом отмечали это событие, а заодно и завершение регаты, в ресторане «Бал в честь лорда Нельсона», Тео неожиданно подошел ко мне сзади и слегка тронул за плечо.

– Хорошая работа, Алли, – коротко обронил он.

– Спасибо, – так же коротко поблагодарила я, испытывая внутреннее удовлетворение от того, что нашей команде удалось одержать верх над его экипажем. Так, скажем, для разнообразия, но все равно ведь приятно.

– Наслышан о ваших успехах в этом сезоне, Алли. Не хотели бы поучаствовать вместе со мной в регате на островах Киклады в июне месяце?

Я уже получила приглашение от другой команды, правда, согласия пока еще не давала. Тео мгновенно уловил мою нерешительность.

– Вас уже забронировали?

– В каком-то смысле да.

– Что ж, вот вам моя визитка. Обдумайте мое предложение и, если надумаете, сообщите мне о своем решении до конца следующей недели. Полагаю, что, имея рядом такого члена команды, как вы, мы бы совместными усилиями смогли сделать кое-что путное.

– Спасибо за добрые слова. – Мысленно я уже отмела прочь все свои сомнения. Да и кто бы в здравом уме отказался от такого заманчивого предложения? Выступить в одной команде с человеком, которого все величают не иначе как «Королем морей и океанов»! – Между прочим, – окликнула я его, когда он уже повернулся, чтобы отойти от меня, – почему в прошлый раз вы в разговоре со мной обронули, что не ожидали «меня»?

Он остановился, скользнул по мне внимательным взглядом.

– Видите ли, я с вами до того нигде не сталкивался лично. Правда, был много наслышан о ваших успехах в парусном спорте. Но вы оказались совсем не такой, какой я ожидал вас увидеть. Доброй ночи, Алли.

Возвращаясь к себе в номер в небольшой гостинице, расположенной в бухте острова Сент-Джон, я мысленно еще раз прокрутила в памяти наш разговор с Тео. Вдыхая полной грудью свежий морской воздух, я снова и снова спрашивала себя: так что же именно так удивило во мне Тео? Уличные фонари ярким многоцветием отражались на фасадах домов, окутывая их теплым ночным светом. Откуда-то издали доносился веселый гомон толпы: прибрежные бары и кафе были полны посетителей. Однако все это оставило меня совершенно безучастной. Меня переполняли эмоции совсем иного толка. Во-первых, одержанная победа в гонках, а во-вторых, предложение Тео Фейлис-Кингса.

Едва я переступила порог своей комнаты, как тут же ринулась к ноутбуку. Включила интернет и сразу же отстучала письмо Тео. Сообщила ему о своей согласии. Но, прежде чем отправить письмо адресату, приняла душ, потом снова перечитала текст, даже немного покраснела от того, как сильно я рвусь попасть в команду Тео. Решила пока повременить с отправкой, пусть текст потомится пару дней в черновиках. После чего улеглась в постель и с наслаждением выпростала руки, чувствуя, как с меня постепенно спадают напряжение и усталость от целого дня изнурительных соревнований.

– Спокойствие, Алли, – прошептала я сама себе и улыбнулась. – Впереди тебя ждет *преинтереснейшая* регата.

Электронное письмо ушло, как и планировалось, через два дня, и Тео связался со мной незамедлительно. Сказал, что очень рад тому, что я вольюсь в его команду. А две недели спустя я, заметно нервничая, уже вступила на борт парусной яхты *Hanse 540*, оснащенной для участия в предстоящих гонках по самому высшему разряду. Яхта стояла на приколе в бухте острова Наксос. Там мы и начали тренироваться, готовясь к участию в регате Киклады.

Сами соревнования не имели квалификации сугубо спортивного мероприятия, когда на первое место команду выводят показатели и очки. Да и состав участников регаты тоже был довольно пестрый: от заправских яхтсменов, имеющих серьезную репутацию в мире парусного

спорта, до спортсменов-любителей, выходящих под парусом лишь по выходным дням. Однако все участники пребывали в самом приподнятом настроении. Перспектива провести восемь дней, участвуя в знаменитой регате, да еще в таком красивом месте, среди таких прекрасных островов, пожалуй самых прекрасных на земле, не могла оставить равнодушным никого. Наша команда, судя по всему, была одной из самых опытных. А потому мне с первых же минут стало понятно, что мы нацелены на победу, и только на победу.

Тео всегда подбирал себе в команду молодых. Я бы даже сказала, предпочитал совсем зеленых. Вот и сейчас мы с моим приятелем Робом Беллами, обоим уже по тридцать, были самыми взрослыми членами экипажа. Старшими, так сказать, и по возрасту, и по опыту участия в парусных регатах. Я и раньше была наслышана о том, что Тео предпочитал искать таланты именно среди начинающих яхтсменов, еще не испорченных дурными привычками и навыками. В нынешней команде трое из шести были представлены молодежью, всем троим едва за двадцать: Ги, англичанин, здоровяк Тим, сдержанный на вид парень, уроженец Австралии, и, наконец, Мик, наполовину немец, наполовину грек, яхтсмен, знающий акваторию Эгейского моря как свои пять пальцев.

Несмотря на то что я горела желанием начать работать с Тео, я все же не стала бросаться в новую для себя авантюру вслепую и предварительно постаралась собрать как можно больше информации об этом таинственном явлении, имя которому «Король морей и океанов». Для начала внимательнейшим образом прошерстила интернет, поговорила с теми спортсменами, кто выступал с ним раньше в составе одной команды.

Мне сказали, что он англичанин, учился в Оксфорде. Что частично объясняет его несколько необычный акцент с проглатыванием отдельных звуков и даже целых слогов. Однако в его профиле в интернете я нашла иные сведения. Там было указано, что у него американское гражданство и что он неоднократно возглавлял студенческую команду Йельского университета, которая под его руководством одерживала уверенные победы на множестве регат. Один мой приятель доверительно сообщил мне, что Тео родился в богатой семье. Правда, другой знакомый сказал, что он постоянно обитает на своей яхте.

«Перфекционист». «Перестраховщик, привык все держать под контролем». «Трудоголик». «Женоненавистник». Такие комментарии я получила от других людей, причем последнее высказывание принадлежало спортсменке, которая пожаловалась мне, что ее откровенно третировали в команде Тео и все время держали на вторых ролях. Такие высказывания настораживали и наводили на определенные размышления. Но все сомнения перевешивал один убедительный, несмотря на свою простоту, аргумент:

– Лучший из всех шкиперов, с кем мне приходилось когда-либо выступать. Чертовски талантлив.

Уже в самый первый день своего пребывания на яхте до меня дошло, почему Тео пользуется таким непререкаемым авторитетом среди членов своей команды. За свою довольно продолжительную спортивную карьеру я привыкла к горластым капитанам, которые только и делали, что кричали, отдавали команды исключительно на повышенных тонах и устраивали нагоняй по поводу и без. Они мне чем-то напоминали таких капризных шеф-поваров, диктаторски заправляющих на вверенной им кухне. Манера поведения Тео отличалась в корне. И это стало для меня самым настоящим откровением. Наш капитан был немногословен, коротко выдавал очередное задание, а потом молча наблюдал, как мы с ним справляемся. По завершении тренировок он собирал нас и устраивал такой своеобразный «разбор полетов». Скрупулезно перечислял все наши недочеты и просчеты, отмечал сильные стороны и говорил все это спокойно, уравновешенно. Про себя я отметила, что от его зоркого глаза не ускользает ни одна мелочь. Вот и получается, что авторитет Тео естественен и закономерен, а весомость каждого произнесенного им слова зиждется на том крючке, на котором все мы болтаемся.

– Да, вот еще что, Ги. Пора завязывать с этой твоей порочной практикой дымить папироской втихаря. Предупреждаю, никаких сигарет во время гонок, ясно? – Слегка улыбнувшись, Тео завершил очередное совещание и распустил нас по домам.

Ги, покрывшись краской стыда до самых корней своих белокурых волос, пробормотал вполголоса, когда мы уже спускались на берег:

– У него явно глаза на затылке.

На берегу мы сразу же направились в душевые, после чего нас ожидал коллективный ужин.

Это был наш первый вечер, который мы проводили всей командой. Веселой гурьбой мы вышли из пансиона, в котором жили. Лично я пребывала на седьмом небе от счастья, что согласилась поучаствовать в гонках в составе такого экипажа. Мы медленно брели вдоль бухты острова Наксос. Старинный каменный замок горделиво возвышался над поселком, раскинувшись внизу. Обилие домиков, все выкрашены в белый цвет, а между ними – петляющие улочки и переулки, сбегające прямо к воде. Все рестораны на набережной были забиты яхтсменами и туристами, с удовольствием уплетающими свежие морепродукты и запивающими деликатесные блюда изрядными порциями знаменитой греческой водки «узо». Мы нашли небольшое заведение семейного типа на одной из прилегающих улочек. Расшатанные деревянные стулья, разнокалиберные тарелки. Зато еда была домашней. Именно то, что нам и требовалось после долгого дня тренировок. У всех нас от стольких часов, проведенных на воде, проснулся просто зверский аппетит.

Я набросилась на еду с жадностью, что не осталось незамеченным мужской частью команды. Уплетая за обе щеки вкуснейшую мусаку, я подложила себе еще одну щедрую порцию риса и глянула на парней.

– Что уставились? – набросилась я на них. – Или не видели никогда, как женщина ест? – саркастически добавила я и, слегка подавшись вперед, ухватила очередной кусок свежего хлеба.

Тео не включился в наш шуточный разговор, лишь рассеянно скользнул по мне взглядом и сразу же после ужина ретировался к себе, отказавшись продолжить наше совместное времяпрепровождение за стойкой бара. Вскоре за ним последовала и я. За долгие годы занятия профессиональным спортом я уже успела усвоить, что не стоит смотреть на то, как расслабляются наши мальчики с наступлением ночи, это не самое лучшее зрелище. Во всяком случае, мне категорически не хотелось созерцать их кривляние.

В последующие несколько дней все мы, члены команды, еще больше сплотились и довольно быстро под пристальным взглядом строгих зеленых глаз Тео превратились в весьма работоспособный коллектив, в котором все отлажено до последнего винтика. Само собой, мое восхищение тем, как Тео руководит экипажем, лишь возросло. На третий вечер нашего пребывания на острове Наксос после очередного тяжелого и изнурительного дня тренировок на воде, да еще под палящими лучами солнца, зависшего над Эгейским морем, я чувствовала себя совершенно разбитой, а потому за ужином поднялась из-за стола первой.

– Все, ребята. Я отчаливаю к себе.

– Пожалуй, я тоже, – подхватился со своего места Тео. – Хорошего вам вечера, парни. Но чтобы завтра явились на тренировки без опозданий, ладно?

Тео догнал меня уже на улице.

– Можно присоединиться к вам?

– Конечно. Что за вопрос! – ответила я и тут же почувствовала некое внутреннее напряжение. Впервые мы с ним остались наедине.

Мы медленно брели по мощенным булыжником улочкам, возвращаясь к себе в пансион. Ярko светила луна, озаряя своим матовым светом крохотные белоснежные домики с выкрашенными в голубой цвет дверями и такими же голубыми ставнями на окнах. Я изо всех сил ста-

ралась поддерживать разговор. Но на все мои усилия Тео реагировал лишь короткими репликами «да» или «нет». В конце концов подобная неразговорчивость стала действовать мне на нервы.

Но уже в вестибюле пансиона Тео внезапно развернулся ко мне лицом.

– А вы – прирожденный моряк, Ал. Заткнете за пояс любого члена нашей команды. Кто научил вас так ловко обращаться с парусом?

– Отец, – ответила я, несколько ошарашенная столь неожиданным комплиментом. – Он меня с малых лет брал к себе на яхту, и мы вместе бороздили воды Женевского озера.

– Ах, так вы из Женевы. Вот откуда у вас этот французский акцент.

Я уже приготовилась услышать какую-нибудь банальность, на которую так падки мужчины, как только речь заходит о французских женщинах, но ничего подобного не прозвучало.

– Судя по всему, ваш отец, что называется, моряк от бога. И из вас он вырастил прекрасного яхтсмена.

– Спасибо, – поблагодарила я, немного растроганная столь щедрым комплиментом.

– А как вам у нас? Не давит на психику, что вы единственная женщина в нашей команде? Впрочем, уверен, вам ведь не привыкать к подобным ситуациям, – поторопился Тео загладить некоторую неловкость от своего прямолинейного вопроса.

– Если честно, то я об этом даже не задумываюсь.

– Вот как? – Он окинул меня внимательным взглядом сквозь стекла очков в массивной роговой оправе. – Позвольте не поверить. Я полагаю, что вы очень даже задумываетесь над проблематикой слабого пола. И именно тогда, когда вы начинаете задумываться о том, кто вы и где вы, и пытаетесь каким-то образом компенсировать возникающее несоответствие, вы и допускаете свои главные ошибки. Я бы посоветовал вам расслабиться и оставаться самой собой. Доброй вам ночи.

Он коротко улыбнулся на прощание и заторопился вверх по выложенной белой плиткой лестнице к себе в номер.

Ночью, лежа в своей узкой кровати под туго накрахмаленными простынями, которые больно покалывали при малейшем соприкосновении с телом, я чувствовала, как пылает от стыда мое лицо. Критика, высказанная Тео в мой адрес, показалась мне просто убийственной. Разве это *моя вина*, размышляла я, кипя от негодования, что женщины в парусном спорте до сих пор большая редкость? А некоторые мои коллеги-мужчины откровенно сказали бы, что женщина-яхтсмен – это самая настоящая диковина. Однако что этот Тео Фейлис-Кингс возомнил о себе? Тоже мне доморощенный психоаналитик выискался! Шляется по белу свету и анализирует поступки и характеры людей, которые вовсе не нуждаются в его анализах.

Мне всегда казалось, что я держу под полным контролем проблему «Женщина в мужском коллективе». Во всяком случае, я всегда достойно воспринимала всяческие шуточки и подколки в свой адрес. Пусть себе треплются на здоровье, думала я обычно в таких случаях. Я уже давно выстроила непроницаемую, глухую стену между Алли в мире спорта, где меня все звали просто Ал, и Алли дома, в кругу родных и близких. В сущности, это были две разные Алли, не имеющие ничего общего между собой. Да, не всегда было просто, но я уже научилась помалкивать. Как говорится, держать язык за зубами, особенно если слышала комментарии откровенно сексистского характера или намеренные колкости, связанные с моей блондинистой внешностью. Дескать, блондинка, чего с нее взять? Но чтобы подобных высказываний было поменьше, я и сама кое-что предпринимала. Например, свои золотисто-рыжие кудри стягивала в тугий конский хвост, никаких прядей на челе, никаких следов косметики на лице, никаких ухищрений, вроде того, чтобы подкрасить глаза или замаскировать веснушки каким-нибудь тональным кремом. А работала я всегда на равных с мужчинами, с которыми выступала в составе одного экипажа. Быть может, думала я в глубине души, я вкалываю даже много больше их.

Проведя почти всю ночь без сна – настолько меня раздосадовал разговор с Тео, – я уже вдруг под самое утро неожиданно вспомнила, как отец однажды сказал мне, что люди обычно раздражаются в ответ на критику, высказанную в их адрес, только потому, что в этой критике содержится большая доля правды. Обдумав еще раз слова Тео, я вынуждена была согласиться, что он прав. Я действительно не была собой.

На следующий вечер мы с Тео на пару снова возвращались после ужина в пансион. Несмотря на то что внешне он казался довольно щедушным, я странным образом, чувствуя его присутствие рядом, мгновенно словно уменьшалась в размерах. Даже стала запинаться, с трудом подбирая нужные слова, чтобы хоть как-то объяснить ему двойственность своей натуры. Он слушал меня внимательно, не перебивая. И лишь когда я закончила, последовала ответная реакция.

– Знаете, мой отец, чье мнение, если честно, я ставлю не очень высоко, тем не менее высказал однажды весьма любопытную мысль. Он сказал, что женщины могли бы легко править миром, если бы пустили в ход все свои силы, а главное – перестали стараться стать мужчинами. Возможно, именно это вам и нужно: перестать стараться быть мужчиной.

– Легко вам говорить! Вот ваш отец, к примеру... Ему доводилось хоть раз работать исключительно в женском коллективе? Хотела бы я посмотреть, смог бы он остаться самим собой, оказавшись в подобной ситуации? – возразила я раздраженно. Покровительственный тон Тео мне категорически не понравился.

– Замечание в точку, – согласился он со мной. – Что ж, быть может, вам хоть чуть-чуть станет легче, если я буду звать вас Алли? Это имя вам подходит больше, чем просто Ал. Не возражаете?

Я не успела ответить, потому что он резко остановился и застыл как вкопанный на живописной набережной бухты. Рыбачьи лодки лениво покачивались на воде, затерявшись среди больших яхт и круизных судов. На море царил полнейший штиль. Лишь волны прибоя неспешно накатывались на стоящие на приколе суда и ударялись об их борта. Этот звук почему-то действовал успокаивающе. Я увидела, как Тео задрал голову к небу и втянул в себя порцию ночного воздуха с такой силой, что даже ноздри раздулись. Старый моряцкий прием: так бывалые моряки определяют, какой будет роза ветров рано поутру. Я невольно издала короткий смешок, представив Тео в образе седовласого морского волка былых времен.

Он повернулся ко мне и растерянно улыбнулся.

– Что смешного?

– Да так, ничего особенного. Можете называть меня Алли, если вам так больше нравится.

– Благодарю. Что ж, пора в пансион. Надо хоть немного поспать. Завтра у всех нас будет очень напряженный день.

И снова, вторую ночь кряду, я долго мучилась без сна, мысленно прокручивая в голове свой разговор с Тео. И это я, которая обычно засыпает мертвецким сном, стоит лишь коснуться головой подушки. Особенно после изматывающих тренировок или парусных гонок.

Увы-увы! В ближайшие пару дней совет Тео принес плоды, прямо противоположные тем, на которые он был рассчитан. Я без конца совершала глупейшие ошибки, одну хуже другой, чувствуя себя таким желторотым первогодком, случайно затесавшимся в компанию профессионалов. Мысленно я бичевала себя самыми последними словами. Остальные члены экипажа беззлобно подтрунивали над моими промахами. Но, что интересно, Тео не сделал мне ни единого замечания.

На пятый вечер я, абсолютно убитая тем, как ужасно я выступаю, что, в общем-то, было совершенно нетипично для спортсмена моего уровня, даже не пошла на наш традиционный совместный ужин. Устроилась на небольшой террасе рядом с пансионом и стала уплетать то, чем меня угостила доброжелательная хозяйка: хлеб, сыр фета и оливки, попутно заливая свое горе самодельным красным вином. Хозяйка щедрой рукой наполняла мой бокал, и после

нескольких порций, принятых на грудь, я окончательно расклеилась. Мне стало нестерпимо жалко себя. Слегка пошатываясь, я поднялась из-за стола, чтобы направиться напрямик к себе в номер, но в эту минуту на террасе возник Тео.

– С вами все в порядке? – спросил он и даже слегка спустил очки на нос, видно чтобы получше разглядеть меня.

Я тоже прищурилась в ответ, старательно фиксируя его образ, но очертания его фигуры расплывались. Изображение было нечетким и двоилось в глазах.

– Да, со мной все в полном порядке, – хрипло ответила я и поспешно плюхнулась на стул, чувствуя, как все поплыло перед глазами.

– Все наши расстроились из-за того, что вы не присоединились к нам за ужином. Надеюсь, вы не заболели?

– Нет, со мной все в порядке. – Внезапно я почувствовала, как горло мое наполняется желчью. – Все в полном порядке.

– Знаете, если вам нездоровится, то скажите мне об этом прямо. Клянусь, я не применю против вас штрафные санкции. Можно мне присесть?

Я не ответила. Потому что в этот момент отчаянно боролась с позывами на рвоту. Тео уселся на пластиковый стул напротив меня.

– Тогда что с вами происходит?

– Ничего, – с трудом выдавила я из себя.

– Алли, у вас ужасный вид. С вами правда все в порядке?

– Я... прошу прощения...

Я с трудом поднялась со своего места и, пошатываясь, кое-как добрела до края террасы. И меня тут же стошнило на асфальт внизу.

– Бедняжка! – Я почувствовала, как две сильных руки крепко обняли меня за талию. – Вам действительно сильно нездоровится. Позвольте, я помогу вам подняться в комнату. Какой у вас номер?

– Я... Мне хорошо... просто отлично, – пробормотала я с глуповатым выражением на лице. На самом деле я была в полнейшем шоке от того, что со мной только что случилось. Надо же! Устроила рыгальку, и перед кем? Перед самим Тео Фейлис-Кингсом, перед человеком, на которого я по каким-то неизвестным причинам отчаянно пыталась произвести должное впечатление. Нет, более дурацкой ситуации нельзя себе и вообразить.

– Пошли! – Он положил мою вялую руку себе на плечо и потащил, почти поволок, мимо других обитателей пансионата, собравшихся на террасе. Все они взирали на меня с явным осуждением.

Оказавшись у себя в комнате, я тут же почувствовала очередной приступ тошноты. К счастью, на сей раз я успела добежать до туалета. Приступы повторились еще несколько раз. Но, выходя из туалета, я видела, что Тео терпеливо ждет и готов помочь уложить меня в постель.

– Честное слово, к утру я буду в норме... Обещаю, – простонала я.

– За последние два часа, что вас рвало не переставая, вы повторяли это уже несколько раз, – прагматично заметил Тео и бережно промокнул пот с моего лба полотенцем, смоченным в холодной воде.

– Ступайте к себе, Тео, – пробормотала я срывающимся голосом. – Честное слово, мне уже полегчало. А сейчас мне надо просто поспать.

– Через какое-то время я обязательно уйду к себе, – пообещал Тео.

– И спасибо, что помогли мне, – прошептала я, чувствуя, как мои глаза закрываются сами собой.

– Не стоит благодарностей, Алли.

Уже засыпая, уже погружаясь в сладостную полудрему, я вдруг улыбнулась и услышала собственный голос:

– По-моему, я люблю вас.

И моментально отключилась.

Проснувшись на следующее утро, я почувствовала себя гораздо лучше, хотя меня все еще водило из стороны в сторону. Я сползла с кровати и чуть не споткнулась о Тео, который крепко спал, примостившись прямо на полу, подложив под голову вторую подушку. Закрыв за собой дверь в ванную комнату, я безвольно опустилась на край ванны и вдруг вспомнила свои слова. Боже! Неужели я действительно произнесла их вслух вчера вечером?

«По-моему, я люблю вас».

И откуда мне вдруг пришла в голову столь дикая мысль? А может, я ничего такого и не говорила и все это мне только приснилось? В конце концов, вчера мне было действительно очень скверно. Вполне возможно, это всего лишь плод моих галлюцинаций. «Дай-то бог! Дай-то бог!» – простонала я мысленно, обхватив голову руками. Да, но если я ничего не говорила, тогда почему так живо помню эти слова? Они буквально врезались мне в память. Конечно, все это полная ерунда, ничего даже отдаленно похожего на правду. Но Тео вполне может вообразить, что так оно и есть на самом деле. Но ведь это же не так! Ничего подобного!

Я робко высунулась из ванной комнаты и увидела, что Тео уже собрался уходить. Стараюсь не встречаться с ним взглядом, я молча выслушала, что он идет сейчас к себе, хочет принять душ, а минут через десять заскочит за мной и поведет на завтрак.

– Нет, Тео, пожалуй, мне сегодня лучше обойтись без завтрака. Не хочу рисковать.

– Алли, вам обязательно нужно поесть. Хоть немного. Вы же не хуже меня знаете, что, если после приема пищи у вас снова возобновится рвота, нам придется временно списать вас на сушу. Пока вы окончательно не придете в норму. Увы, но правила есть правила.

– Ладно! Будь по-вашему, – согласилась я самым несчастным голосом.

Стоило Тео скрыться за дверью, как у меня мелькнула мысль, что я отдала бы сейчас все на свете за то, чтобы превратиться в человека-невидимку. Еще никогда мне так страстно не хотелось бросить все и бежать прочь куда глаза глядят.

Однако пятнадцатью минутами позже мы вместе с Тео вышли на террасу. Наши уже сидели за столом. Они понимающе переглянулись с такими самодовольными ухмылками на физиономиях. Если бы я могла, то в эту минуту поубивала бы их всех до единого.

– У Алли проблемы с желудком, – объявил Тео, садясь за стол. – Но, судя по твоей физиономии, Роб, у тебя сегодня тоже была бессонная ночь.

Остальные ребята отреагировали на слова Тео веселыми смешками, Роб смущенно опустил голову, а Тео спокойно продолжил разговор. В частности, о том, какие упражнения у нас запланированы на сегодняшнюю тренировку.

Я сидела молча, благодарная Тео за то, что он заговорил о делах практических. И одновременно отлично представляла, что именно думают в этот момент мои товарищи по команде. Но главное даже не то, что они думают, а то, что, по иронии судьбы, все, что они там нафантазировали, неправда. В свое время я дала себе зарок никогда не спать с членами своего экипажа, хорошо зная, как быстро расходятся слухи, порочащие репутацию женщины, в замкнутом мире парусного спорта. И вот вам, пожалуйста! Я, что говорится, по умолчанию, по ошибочному умолчанию, стала одной из таких опороченных женщин.

Хорошо было лишь то, что мне все же удалось кое-как переварить свой завтрак и меня допустили к тренировкам. И с этого момента я повела себя так, чтобы всем на борту яхты, особенно ему, стало предельно понятно, что у меня нет ни малейшего интереса к персоне Тео Фейлис-Кингса. Во время тренировок я прикладывала максимум усилий, чтобы держаться от него как можно дальше. Правда, на тесном суденышке соблюдать дистанцию было не так-то просто, но я старалась изо всех сил. Если он что-то спрашивал у меня, я отвечала односложно: «да», «нет». А вечерами после ужина, скрипя зубами, оставалась вместе с ребятами коротать

время в баре, а Тео сразу же по завершении трапезы поднимался из-за стола и уходил к себе в пансионат.

Ну и что мне за дело до него, твердила я про себя. Я ведь его не люблю. И не хочу, чтобы так думали про меня другие. Но чем сильнее я старалась убедить в этом всех окружающих, тем все большие сомнения одолевали уже меня саму. Я подолгу паялилась на Тео, особенно когда была уверена, что он на меня не смотрит. Меня восхищало, как спокойно и уравновешенно он работает с командой, какими глубокими и содержательными всегда были его комментарии по поводу наших успехов или их отсутствия. В любом случае такой стиль руководства экипажем сплавивал всех нас и заставлял выкладываться по полной. А еще, несмотря на хрупкое телосложение Тео, я все равно отмечала глазом, какой он крепкий физически и как играют мускулы у него под одеждой. Я уже неоднократно становилась свидетелем того, что из всех нас, членов команды, Тео был, несомненно, самым сильным и самым подготовленным.

Всякий раз, когда мои мысли предательски скатывались именно в *это направление*, я тут же предпринимала отчаянные попытки пресечь их на корню. Между тем совершенно неожиданно для себя я стала замечать, что в последнее время Тео часто разгуливает по яхте без рубашки. Конечно, днем жара стояла невыносимая, но так ли уж нужно ему демонстрировать свой голый торс, когда он, к примеру, просматривает маршрутные карты предстоящих гонок?

– Тебе что-то нужно, Алли? – поинтересовался он у меня однажды, резко отвернувшись от бумаг и перехватив мой взгляд.

Не помню, что я там промямлила в ответ, но тут же отвернулась от него, покраснев до самых кончиков волос.

К счастью, Тео ни единого разу не обмолвился о том, что за чушь я плела ему в ту ночь, когда заболела. Постепенно я почти убедила себя в том, что ничего такого я и не говорила вовсе. Наверняка это все приснилось мне в каком-то кошмарном сне. Однако, вопреки самовнушению, я чувствовала, что со мной творится что-то не то. Что-то такое, что случилось в моей жизни впервые. Потому что впервые я не могла совладать со своими эмоциями. К тому же у меня пропал сон, да и мой здоровый аппетит тоже куда-то улетучился. А если я погружалась в полудрему на какой-то час-другой, то мне тут же снился Тео. Сновидения были такими яркими и живыми, да еще и такими раскованно смелыми, что, просыпаясь, я невольно краснела, вспоминая все то, что мне только что приснилось. А в результате мои контакты с ним стали еще более затруднительными и неловкими. Помнится, в подростковом возрасте я прочитала несколько любовных романов, но очень быстро отказалась от подобного чтения, отдав предпочтение душераздирающим, кровавым триллерам. Однако сейчас, анализируя все симптомы того, что творится со мной, я вынуждена была с глубоким прискорбием констатировать, что все признаки любовной лихорадки, как ее описывали в этих романах, налицо. Не знаю, как и почему, но я умудрилась втюриться в Тео Фейлис-Кингса по уши.

В последний вечер сборов Тео по завершении ужина поднялся из-за стола и произнес короткий спич. Поблагодарил нас за впечатляющую, по его словам, работу. Сказал, что у нас есть все шансы стать победителями на предстоящей регате и он на это очень сильно рассчитывает. Затем провозгласил тост. После чего я уже собралась отчалить к себе в пансионат, но тут Тео глянул в мою сторону.

– Алли, я бы хотел кое-что обсудить с вами. Как вы знаете, согласно правилам проведения соревнований, в команде должен быть человек, отвечающий за оказание первой медицинской помощи в случае экстренной необходимости. Честно говоря, пустая формальность. Обычная бюрократическая заковыка. Но необходимо подписать несколько бланков, только и всего. Вы не возражаете?

Он жестом указал на файл с бумагами и кивнул в сторону свободного столика.

– Но я и понятия не имею, как оказывать эту самую первую медицинскую помощь, – совершенно искренне возмутилась я, садясь за указанный столик на некотором расстоянии от

всех остальных ребят. – Вы решили меня назначить, потому что я женщина, да? То есть как бы изначально готова нянчиться с другими, и у меня это будет получаться лучше, чем у мужчин. Так вот, ничего подобного! Я не умею нянчиться. Предложите эту роль Тиму или кому-то еще.

– Алли, прошу тебя, помолчи, пожалуйста. Для меня наш разговор – это предлог, и только. Взгляни! – Тео придвинул ко мне поближе два абсолютно чистых листа бумаги, которые он извлек из файла. После чего протянул авторучку. – Давай сделаем вид, что все идет по плану, и не станем устраивать дальнейшие дискуссии на тему, кто из членов команды должен отвечать за оказание первой медицинской помощи. У нас есть более интересные темы для обсуждения. В ту ночь, когда ты так сильно расхворалась, ты сказала, что, судя по всему, любишь меня. И вот мое ответное признание, Алли. Думаю, я испытываю к тебе аналогичные чувства.

Тео замолчал, я ошарашенно уставилась на него, пытаюсь понять, уж не разыгрывает ли он меня. Но он сделал вид, что всецело занят изучением бланков. После короткой паузы он продолжил:

– Предлагаю найти способ выяснить, что значат для нас обоих эти наши признания. Завтра я намереваюсь устроить себе короткую передышку и отплыть на своей яхте куда-нибудь подальше на все выходные. Приглашаю тебя присоединиться ко мне. – Он снова замолчал и глянул мне прямо в глаза. – Так ты согласна?

Я открыла рот и тут же снова закрыла его. Наверное, в эту минуту я была сильно похожа на золотую рыбку, вытащенную из воды и жадно хватающую ртом воздух. И потом, я просто не знала, что ему ответить.

– Ради всех святых, Алли, прошу тебя, скажи «да». Прости за избитое сравнение. Но не забывай, мы с тобой сейчас в одной лодке. И мы оба точно знаем, что между нами все же проскочила какая-то искра. Еще тогда, год назад, при нашей первой встрече. Я ведь и до того был много наслышан о тебе и о твоих успехах, а потому, честно говоря, ожидал увидеть такую мужеподобную спортсменку с накачанными мускулами. И вдруг появляешься ты, огромные синие глаза, шикарные золотисто-рыжие волосы, словно ты только что сошла с полотна Тициана. Ты меня тогда полностью покорила. Можно сказать, ошеломила и уничтожила.

– Да? – воскликнула я, растерявшись настолько, что все слова попросту вылетели у меня из головы.

– Итак, – Тео слегка откашлялся, и я вдруг поняла, что он тоже нервничает, – давай совершим небольшой совместный круиз. Проведем какое-то время в нашей любимой стихии – на воде, а заодно и посмотрим, есть ли будущее у наших с тобой отношений. Если ты сочтешь, что нет, то все равно тебе понравится попутешествовать на моей яхте. Она очень комфортабельная. К тому же быстроходная.

– На борту... кто-нибудь еще будет? – спросила я, обретя наконец голос.

– Нет.

– То есть ты будешь капитаном, а я – твоей командой?

– Именно так. Но обещаю, я не заставлю тебя карабкаться на такелаж или торчать всю ночь в «вороньем гнезде» на верхушке мачты, чтобы вести наблюдения за акваторией моря. – Тео доброжелательно улыбнулся, и взгляд его зеленых глаз, обращенный на меня, тоже был теплым и доброжелательным. – Алли, ты только скажи, что согласна.

– Ладно! – кивнула я в ответ.

– Вот и отлично! – обрадовался Тео. – А теперь для соблюдения проформы поставь свою подпись здесь... и вот здесь... Скрепи подписью свое согласие. – Его палец уперся в нижний угол чистого листа бумаги.

Я глянула на Тео и увидела, что он по-прежнему улыбается, глядя на меня. И я тоже улыбнулась в ответ. А потом поставила свою подпись там, где было указано, и подвинула бланк

назад. Некоторое время Тео изучал его с самым серьезным выражением лица, а затем аккуратно вложил в файл.

– Вот и все дела! – проговорил он достаточно громко, чтобы нас смогли расслышать другие члены команды, которых и так распирало от любопытства, и они, ушки на макушке, напрягались изо всех сил, чтобы услышать, о чем это мы там беседуем. – После обеда прогуляемся до пристани, и я коротко введу вас в круг ваших новых обязанностей.

Тео снова перешел на официальный тон, но при этом заговорщицки подмигнул мне, когда мы с ним поднялись из-за стола, чтобы присоединиться к остальным. Я старалась двигаться неспешно, но внутри меня все бурлило от радостного возбуждения.

2

Сказать по правде, в тот момент, когда мы отошли от острова Наксос и вышли в открытое море на элегантной, мощной моторной яхте под названием «Нептун», ни я, ни Тео не были до конца уверены в том, чем конкретно может закончиться наше совместное предприятие. Яхта была футов на двадцать длиннее, чем яхта класса *Hanse*, на которой мы тренировались, готовясь к регате. Но я уже настолько привыкла к тесноте, царящей на борту нашей яхты, что теперь, оказавшись только вдвоем с Тео уже на его личной яхте, нашла ее просто огромной. Каюта капитана поражала своим роскошным интерьером: полированные панели из тикового дерева и все в том же духе. А когда я увидела широкую двуспальную кровать, то невольно поежилась, вспомнив, при каких обстоятельствах мы с Тео недавно провели нашу первую совместную ночь в одной комнате.

– Я приобрел эту яхту пару лет тому назад, можно сказать, по дешевке. Прежний владелец разорился и был вынужден продать ее за долги, – сообщил Тео между делом, выводя судно из бухты Наксос. – И с тех пор у меня появилась постоянная крыша над головой.

– Ты все время живешь на яхте? – удивилась я.

– Иногда, когда выпадают длинные выходные, гошу у мамы в ее лондонском доме, но последний год живу здесь безвылазно. Парусные гонки следуют одна за другой, так что свободного времени практически не остается. Хотя, сказать по правде, я уже созрел до того, чтобы обзавестись собственным домом и на суше. Более того, я даже купил себе кое-что из недвижимости. Но там еще надо проделать поистине гигантский объем работ, чтобы привести дом в надлежащий вид. Бог его знает, когда мне только удастся выкроить время для всех этих реноваций.

Я с детства привыкла к отцовской яхте «Титан», мощному суперлайнеру, способному бороздить не только моря, но и океаны. Папина яхта оснащена самыми современными навигационными средствами, к тому же полностью компьютеризированными. Так что некоторое представление о том, как управлять моторной яхтой, «рулить», по выражению Тео, я имела. Поначалу я держалась довольно скованно, боясь выйти за рамки официальных отношений. Если Тео обращался ко мне с просьбой сделать то-то и то-то, я с трудом сдерживалась, чтобы не гаркнуть в ответ: «Есть, капитан!»

Собственно, неловкость испытывали мы оба, ибо ни Тео, ни я сама толком не знали, как перешагнуть через правила, диктуемые протоколом, и от формальных рабочих отношений перейти на обычный дружеский уровень общения. Разговоры у нас никак не клеились. Я старательно контролировала каждое произнесенное слово. То есть атмосфера царила довольно странная, и мы предпочитали ограничиваться лишь короткими репликами. Тео тоже в основном молчал. Словом, к тому моменту, когда мы бросили якорь, сделав остановку на ланч, я уже пребывала в полнейшей уверенности, что ничего путного из нашей затеи не получится. Во всяком случае, начало совместного круиза показалось мне просто ужасным.

Я с благодарностью оценила попытку Тео немного разрядить обстановку, когда он выставил на стол бутылку охлажденного розового вина «Провансаль» в качестве дополнения к салату. Я никогда особенно не увлекалась спиртными напитками, тем более на воде. Но как-то мы с ним умудрились опустошить бутылку до дна. Чтобы хоть как-то вывести Тео из его затяжного молчания, я завела разговор о парусном спорте. Мы стали обсуждать стратегию наших предстоящих гонок на регате Киклады, потом немного поговорили о том, каково это будет – выступать на Олимпиаде в Пекине. Ведь там соревнования будут проходить совсем по другим правилам. Я рассказала, что в конце лета должны пройти квалификационные испытания, по итогам которых окончательно решится моя судьба: буду ли я выступать на Олимпиаде в составе

сборной Швейцарии или же нет. В свою очередь, Тео сообщил мне, что он будет выступать за сборную Америки.

– Так ты американец? Но акцент у тебя явно британский.

– Отец у меня американец, а мама – англичанка, – пояснил он. – Вначале я учился в закрытой школе в Хэмпшире, потом продолжил обучение в Оксфорде. Через какое-то время перебрался в Йельский университет. Словом, я такой занудливый зубрила по жизни.

– А что ты изучал?

– Классическую литературу в Оксфорде, а в Йельском университете практиковался в области психологии. Мне повезло, потому что меня почти сразу же зачислили в университетскую сборную по парусному спорту, а через какое-то время я стал капитаном команды. Вот такой я субъект, существующий преимущественно в своей башне из слоновой кости. А чем занималась ты?

– Я окончила консерваторию в Женеве по классу флейты. Что же до тебя... Это многое объясняет. – Я улыбнулась, глянув на Тео.

– Что «это»? – недоуменно переспросил Тео.

– Ты хорошо разбираешься в людях, всегда очень точно анализируешь их поступки. Думаю, пятьдесят процентов твоих успехов как капитана заключается именно в том, что ты умеешь ладить с членами своей команды. Вот, к примеру, и ко мне нашел свой подход. Особый подход, я бы сказала. – Вино уже ударило в голову, и я неожиданно расхрабрилась. – Твои замечания очень помогли мне, правда. Хотя, сознаюсь, порой было неприятно слушать твои комментарии.

– Спасибо. – Он смущенно кивнул головой, выслушав мой комплимент. – В Йельском университете мне предоставили полную свободу, я мог рулить командой по собственному усмотрению. Вот я и постарался совместить свою любовь к парусному спорту со знанием психологии. Словом, выработал свой индивидуальный управленческий стиль, который принципиально отличается от иных стандартных методов руководства. Но мой метод работает.

– А твои родители поддерживают твоё увлечение парусным спортом?

– Мама – да. А отец... Дело в том, что они расстались, когда мне было одиннадцать. Пару лет спустя последовал весьма болезненный развод. После развода отец вернулся к себе в Штаты. Когда я учился в школе, то гостил у него на каникулах. Но он всегда был всецело занят работой, много колесил по миру, а присматривать за мной нанимал всяких нянек и гувернанток. Во время учебы в Йельском университете он пару раз присутствовал на соревнованиях, где я выступал. Но, если честно, я плохо знаю своего отца. А с учетом непростых отношений, которые у него сложились с мамой... Думаю, мамина неприязнь к нему наложила свой отпечаток и на мое восприятие отца. Знаешь, а я бы с удовольствием послушал твою игру на флейте, – резко поменял он тему нашего разговора и глянул на меня в упор своими зелеными глазами. Зеленое на голубом... Пожалуй, неплохо смотрится. Но уже в следующую секунду Тео отвел взгляд в сторону и, слегка пошевелившись на стуле, уставился на море.

Немного раздосадованная тем, что мне так и не удалось разговорить Тео по-настоящему, я тоже погрузилась в раздраженное молчание. Мы снесли грязные тарелки на камбуз, после чего я прыгнула с борта и поплыла рядом с яхтой. Энергично работала руками и ногами, стараясь побыстрее протрезветь и выбросить всякую пьяную дурь из головы.

– Может, прежде чем двинуться в путь, поднимемся на верхнюю палубу и немного позагорает? – предложил мне Тео, когда я снова вскарабкалась на борт.

– Не возражаю, – согласилась я, хотя и знала, что для моей белой веснушчатой кожи солнца и так хватило в избытке. Обычно во время выступлений на воде я всегда натягиваю на себя плотный солнцезащитный костюм. Он отлично предохраняет мою чересчур нежную кожу от загара, но вот вид у этого костюма – увы-увы! – не самый привлекательный. Короче, никакой сексапильности. Этим утром я намеренно нацепила на себя легкий солнцезащитный козырек,

чтобы предохранить лицо от прямых солнечных лучей, но неожиданно для себя подумала, что, пожалуй, немного загара мне не повредит.

Тео достал две бутылки с водой из переносной сумки-холодильника, и мы отправились с ним на верхнюю палубу, комфортно устроившись в носовой части яхты, где была удобная площадка для принятия солнечных ванн. Мы улеглись на роскошные лежаки, совсем рядом друг с другом. Я исподтишка глянула на Тео. Впервые он лежал так близко ко мне. Сердце мое невольно забилося сильнее при виде его полуобнаженного тела. Я даже подумала, что если он не отодвинется от меня, то я, пожалуй, не сдержусь и, забыв обо всех светских приличиях, брошусь ему прямо на грудь. Чтобы отогнать прочь соблазнительные мысли, роем теснившиеся в моей голове, я отвернулась.

– Алли, расскажи мне о своих сестрах и о том доме, в котором вы все обитаете на Женевском озере. Мне лично рисуется такая идиллическая картина...

– Ты прав... Полнейшая идиллия... Я...

Отуманенный выпитым вином и страстными желаниями, мой мозг менее всего хотел напрягаться в рассказе о моих семейных делах. К тому же наша семейная история представляется мне такой запутанной и сложной, что даже не знаешь, с чего и начать.

– Знаешь, что-то меня немного разморило на солнце, – сказала я, переворачиваясь на живот. – Пожалуй, вздремну немного. Можно я расскажу тебе о нашей семье немного попозже?

– Конечно, можно, Алли.

Я почувствовала, как его пальцы легко коснулись моей спины.

– Что такое? – Я резко перевернулась на спину и взглянула на Тео. В горле у меня мгновенно пересохло от радостного предчувствия. Вот сейчас оно начнется, мелькнуло в голове.

– Мне кажется, у тебя уже сгорели плечи.

– Правда? Спасибо, что предупредил! – рубанула я почти грубо. – Тогда спущусь на нижнюю палубу и посижу где-нибудь в теньке.

– Мне идти с тобой?

Я не ответила, лишь молча пожала плечами, поднялась с лежака и побрела, пробираясь сквозь узкую носовую часть, в направлении кормы. Внезапно Тео схватил меня за руку.

– Алли, что с тобой?

– Ничего. Почему спрашиваешь?

– Ты... ты вся как натянутая струна.

– Ха-ха-ха! И ты не лучше! – парировала я.

– Ты так считаешь? – совершенно искренне удивился он.

– Да, – сказала я как отрезала.

Тео молча поплелся за мной по трапу вниз. Дойдя до кормы, я тяжело плюхнулась на скамейку в тени.

– Прости, Алли. – Тео тяжело вздохнул. – Но у меня всегда плохо получалось по этой части.

– По какой такой «части»?

– Ну ты же прекрасно понимаешь, о чем я... Все эти ухаживания, заигрывания, прелюдии... Так вот, знай! Ты мне нравишься, я уважаю тебя... А потому не хочу, чтобы ты чувствовала себя так, будто я пригласил тебя к себе на яхту только затем, чтобы в первый же удобный момент завалить тебя в стог сена. Ты, наверное, думаешь, что у меня в голове лишь одна-единственная мысль: как покувыркаться с тобой. Тем более что ты так остро реагируешь на любые проявления сексизма. Одним словом, женщина в мужском коллективе. И потом...

– Ради всех святых, Тео, ничего подобного я и в мыслях не держу!

– Правда, Алли? Честное слово? – недоверчиво воскликнул он. У него даже глаза расширились от удивления. – Признаюсь тебе как на духу, все мы, современные мужики, страшно боимся попасть в какой-нибудь глупый переплет, когда тебе с ходу начнут предъявлять обви-

нения в сексуальных домогательствах. А порой для этого достаточно лишь одного восхищенного взгляда на женщину. Между прочим, со мной однажды случилась такая неприятная история. Кстати, та женщина выступала в одной команде со мной.

– Неужели? – делано удивилась я.

– Представь себе, да. Дурацкая история вышла. Я ей сказал что-то типа: «Привет, Джо! Как приятно видеть тебя членом команды. Ты сумеешь поднять настрой всем нашим ребятам. Сейчас у нас точно все будет торчком». И баста! С этого момента я был обречен.

Я уставилась на него в немом изумлении.

– О нет! Не может быть, чтобы ты *сказал* такое!

– Ради бога, Алли! Я имел в виду вовсе не то, о чем ты подумала. У этой барышни была репутация отменного яхтсмана, и я просто хотел подчеркнуть, что в ее присутствии все мальчишки будут выкладываться по полной. Только и всего. Но она, по каким-то непонятным мне причинам, истолковала мои слова превратно.

– Так уж и «непонятным»? – ядовито поинтересовалась я.

– Честное слово, не знаю почему.

– Тео, прости мне неудачную шутку. Но на самом деле я отлично понимаю эту женщину. И понимаю, почему она смертельно обиделась на тебя. Ты даже представить себе не можешь, какого рода комментарии нам, женщинам-яхтсменам, приходится порой выслушивать в свой адрес. Неудивительно, что и твои слова она восприняла в таком же негативном ключе.

– Понятно. Но как бы то ни было, а взяв тебя в свою команду, я поначалу тоже сильно опасался. Тем более ты такая красивая.

– А что ты мне говорил, помнишь? – набросилась я на него. – Критиковал за то, что я стараюсь во всем подражать мужчинам, советовал оставаться женщиной...

– Туше! – весело ухмыльнулся Тео. – Но сейчас несколько иная ситуация. Мы с тобой вдвоем... одни на моей яхте... А я выступаю с тобой в одной команде. И ты можешь подумать...

– Тео! Перестань нести чушь! Сдается мне, что это не у *меня*, а у тебя куча проблем! – воскликнула я, окончательно выйдя из себя. – Я права? И потом, не забывай, ты сам пригласил меня к себе на яхту, а я сама, по своей воле, приняла твое приглашение.

– Все так, Алли. Все так. Но, если честно, вся эта затея... – Тео сконфуженно умолк, потом бросил на меня чистосердечный взгляд. – Алли, ты слишком много значишь для меня. Прости, если я веду себя как самый последний идиот... Но я уже попросту забыл, когда ухаживал за женщиной в последний раз. Вот я и боюсь сделать что-нибудь не так.

Сердце мое тут же растаяло.

– А что, если попробовать перестать анализировать все вокруг себя и немного расслабиться, а? Тогда, быть может, и я тоже расслаблюсь. И запомни: я сама *захотела* оказаться здесь.

– Ладно, буду стараться.

– Вот и отлично! А сейчас, – я внимательным взглядом обозрела свои обгоревшие предплечья, – поскольку я все больше и больше напоминаю себе перезрелый томат, то пойду-ка я лучше вниз, подальше от солнца. Отдохну немного. Можешь присоединиться, если захочешь. – Я поднялась со скамейки и направилась к трапу. – Обещаю, никаких обвинений в сексуальных домогательствах я тебе не предъявлю. Скажу даже больше, – добавила я, зажмурившись от собственной храбрости, – я восприму их, если таковые случатся, весьма позитивно.

Я спустилась вниз, мысленно похохатывая над бесцеремонностью своего приглашения. Интересно, как отреагирует на него Тео? Я вошла в каюту, улеглась на кровать и сразу же почувствовала себя необыкновенно могущественной особой. Пусть Тео остается боссом на работе, но в наших личных взаимоотношениях, если они у нас сложатся, я добьюсь с ним паритета. Непременно добьюсь!

Минут через пять Тео робко заглянул в дверь и тут же с порога стал снова извиняться за то, что повел себя «по-дурацки». В конце концов нервы у меня сдали. Я приказала ему заткнуться и лечь в кровать.

И как только у нас случилось *это*, мгновенно все стало хорошо. Более того, в последующие дни оба мы поняли, что нас притягивает друг к другу отнюдь не только физическое влечение. Случился редкий триумвират, когда совпали не только наши тела, но и наши сердца, и наши души. Оба мы словно погрузились в некий транс, испытывая нескончаемый восторг от того, что наконец обрели друг друга.

Наша взаимная близость нарастала стремительно, может быть, частично так было и потому, что до того мы уже успели хорошенько узнать слабые и сильные стороны друг друга. Впрочем, о собственных недостатках мы предпочитали говорить меньше всего. Просто наслаждались осознанием того, что кажемся друг другу верхом совершенства. Мы часами занимались любовью, попивали вино, ели свежую рыбу, которую Тео ловил, сидя на корме яхты, а я в это время, лениво устроившись у него на коленях, читала книгу. Наша физическая ненасытность дополнялась такой же неумолимой жаждой узнать как можно больше друг о друге. Оказавшись наедине с Тео на безбрежных просторах моря, спокойного и величавого, я чувствовала себя так, будто мы с ним выпали из пространства и времени и нам ничего и никто не нужен. Только он и я.

В нашу вторую ночь я лежала в объятиях Тео, смотрела на звездное небо и рассказывала ему о своих сестрах и о Па Солте. История нашей семьи ошеломила Тео не меньше, чем других, кому доводилось ее услышать. Он внимал мне с неослабным вниманием, слушая как зачарованный рассказ о моем необыкновенном и волшебном детстве.

– Итак, давай еще раз уточним все детали. Имя Па Солт отцу придумала твоя старшая сестра. А твой отец удочерил шесть девочек, включая тебя, когда вы еще были младенцами, так? Привез вас к себе домой из самых разных мест, путешествуя по миру. Наподобие того, как туристы привозят из своих поездок всякие сувенирные магнитики.

– В общем, да, так все и есть. За исключением того, что мне хочется думать, что я представляю для отца все же бóльшую ценность, чем какой-то там магнитик.

– Поживем, увидим, – ответил Тео, нежно покусывая меня за ухо. – Отец сам вас растил?

– Нет. У нас была Марина, которую мы привыкли звать просто Ма. Папа нанял ее в качестве няни и гувернантки еще тогда, когда удочерил Майю, мою старшую сестру. Марина фактически заменила всем нам мать. Мы ее просто обожаем. Она родом из Франции, и это объясняет, почему мы свободно говорим по-французски. Ну к тому же французский, как ты знаешь, является одним из государственных языков Швейцарии. У папы была идея фикс: чтобы все его дочери свободно разговаривали на двух языках. А потому сам он общался с нами исключительно на английском.

– Что же, надо сказать, в этом он неплохо преуспел. Я бы никогда не догадался, что английский тебе не родной язык, если бы не твой шикарный французский акцент, – признался Тео, привлекая меня к себе и целуя в волосы. – А отец никогда не рассказывал, почему он удочерил именно вас? И почему не одну, а шестерых?

– Я как-то спросила Ма об этом. Но она ответила весьма расплывчато. Сказала, что ему было одиноко в нашем огромном доме. К тому же у него много денег и он с радостью поделился ими. Но если честно, то мы, девочки, никогда не задавались вопросом, как и откуда мы появились. Особенно в детстве. Мы просто были, и все тут. К тому же мы всегда были семьей и воспринимали друг друга как единую семью. Словом, мы – это *мы*, и все дела.

– Похоже на сказку. Богатый благодетель берет себе на воспитание шестерых сироток. А почему все девочки?

– Мы порой шутили на эту тему. Говорили, что коль скоро отец начал давать нам имена звезд из созвездия Плеяд, то мальчик никак бы не вписался в эту его концепцию и нарушил

бы всю последовательность. – Я издала короткий смешок. – Но, по правде говоря, никто из нас толком не знает ответ на этот вопрос.

– Созвездие Плеяд? Семь сестер? Следовательно, если ты вторая по старшинству, то твое настоящее имя Альциона? Звучит внушительно. Не то что какая-то там Ал, – шутливо добавил он.

– Да, меня на самом деле зовут Альциона. Но никто и никогда не называл меня так. Разве что Ма, и то когда она была недовольна моим поведением. – Я состроила веселую рожицу. – Так что не смей называть меня Альциной! Понятно?

– А мне это имя нравится, моя ты безмятежная маленькая птичка. И мне кажется, имя Альциона очень подходит тебе. Но тогда скажи, почему вас только шестеро? Ведь, согласно мифологии, сестер должно быть семь.

– Понятия не имею. Да, если бы папа привез в Атлантис седьмую девочку, то ее бы нарекли Меропой. Но она так и не появилась у нас в доме.

– Печально.

– Да. Хотя, с другой стороны, если вспомнить, каким кошмаром обернулось появление у нас Электры, самой младшей из сестер, то не скажу, что мы, старшие девочки, так уж горели желанием заполучить в дом еще одну вечную плаксу.

– Электра? – переспросил меня Тео. – Уж не та ли всемирно известная фотомодель?

– Она и есть, – с некоторой досадой в голосе ответила я.

Тео уставился на меня в немом изумлении. Я очень редко, а точнее, никогда не упоминала о том, что связана с Электрой родственными узами. Иначе не избежать было бы бесконечных и докучливых расспросов о том, что скрывается за одним из самых фотографируемых лиц в мире.

– Понятно-понятно, – протяжным голосом обронил Тео. Он меня очень обрадовал тем, что не стал больше ничего спрашивать об Электре. – А что же твои остальные сестры?

– Самая старшая моя сестра – Майя. И самая главная. Она переводчик. Унаследовала таланты отца к языкам. Боюсь сбиться со счета, когда начну перечислять все языки, которые она знает. Но скажу тебе лишь одно. Если ты Электру находишь красивой, то ты просто не видел нашей Майи. В отличие от меня, рыжеволосой и веснушчатой, Майя – роскошная смуглолицая дама с шикарными темными волосами. Прямо скажем, выглядит как самая настоящая южноамериканская красавица. Хотя по темпераменту она совсем не похожа на всех этих латинских див. Любит уединение. Можно сказать, ведет отшельнический образ жизни. Живет постоянно в Атлантисе. Говорит, что хочет быть рядом с отцом, чтобы в случае чего всегда прийти ему на помощь. Но все мы, ее сестры, считаем, что она просто прячется в отцовском доме... вот только от чего? – Из моей груди непроизвольно вырвался тяжелый вздох. – Я и сама толком не знаю. Но почти не сомневаюсь, что с ней что-то произошло, когда она поступила в университет. Она тогда полностью переменилась. Стала совсем не похожа на прежнюю Майю. Но как бы то ни было, а ребенком я ее обожала. Да и теперь тоже. Хотя, как мне кажется, за последние несколько лет она заметно отдалилась от меня. Впрочем, как и от всех остальных сестер тоже. А ведь когда-то мы с ней были очень близки.

– Знаешь, если постоянно тусуешься в большой компании, то иногда хочется побыть и одному. Понимаешь меня? – задумчиво бросил Тео. – Вместе иногда бывает тесно.

– Очень глубокомысленное замечание, – подначила я его с улыбкой. – Хотя все зависит от того, насколько тебе тесно.

– А твоя следующая сестра?

– Ее зовут Стар. Она на три года младше меня. Мои две средних сестры образовали такую своеобразную сладкую парочку. Спустя всего лишь три месяца после того, как у нас появилась Стар, папа привез в Атлантис Сиси. И эти двое с тех пор неразлучны. После окончания университета они ведут такой кочевой образ жизни. Колесят по Европе, путешествуют по странам

Дальнего Востока. Но, кажется, сейчас у них созрело желание обосноваться в Лондоне. Сиси хочет пройти там какой-то фундаментальный курс по живописи. А вот что касается Стар, то не могу рассказать тебе о ней ничего конкретного. Спроси у меня, какие у нее есть таланты или амбиции и планы, и я честно признаюсь, что не знаю. Сиси полностью задавила Стар своим авторитетом и подчинила ее своей воле. Говорит Стар мало, позволяя Сиси озвучивать мысли и суждения за них двоих. У Сиси очень сильный характер. В чем-то она похожа на Электру. Как ты понимаешь, девчонки не сильно ладят между собой. Электра у нас – это же просто оголенный электрический провод. Вся такая взрывная, непредсказуемая. Одно слово – Электра. Имя говорит само за себя. Хотя, как мне кажется, внутри у нее скрывается доброе и участливое сердце. Я всегда так считала.

– Да, твои сестры представляют собой поистине уникальный материал с точки зрения психологических исследований. Что правда, то правда, – согласился со мной Тео, немного помолчав. – А кто у нас следующий?

– Тигги. О, вот о ней говорить одно удовольствие. Она у нас душка. Просто прелесть. Окончила биологический факультет. Какое-то время занималась научной работой в зоопарке Сервион в Женеве. А потом перебралась в шотландское высокогорье. Работает там в заповеднике, в котором занимаются разведением и охраной оленей. Тигги, она у нас такая... – Я задумалась на мгновение в поисках подходящего слова. – Особенная, что ли... Неземное создание... И у нее весьма необычные духовные запросы и верования. Воистину, она постоянно парит где-то между небом и землей. Мы все иногда подшучивали над ней, и довольно бессердечно, надо сказать. Например, когда она заявляла, что слышит голоса. А однажды она рассказала нам, что видела ангела, восседающего на дереве в нашем саду.

– Получается, что ты не сильно веришь во все эти разговоры о потустороннем мире?

– О нет. Я совсем другая. Твердо стою на земле обеими ногами. Точнее, на воде, – добавила я с улыбкой. – К тому же я по натуре человек очень практичный. Недаром сестры с самого раннего детства безоговорочно признавали меня своим вожаком. Словом, в нашем маленьком коллективе я всегда верховодила. Что, впрочем, вовсе не означает, что я без всякого пиетета отношусь к тому, чего я не знаю или не понимаю. А ты сам?

– Сразу же сознаюсь, что, в отличие от твоей сестры, ангелов на деревьях я не видел никогда. Но, знаешь, я всегда чувствую какую-то защиту извне. Что-то оберегает меня свыше, это факт. Особенно когда я нахожусь в открытом море. Со мной пару раз случались пренеприятнейшие истории, но пока – постучу по дереву! – я выходил сухим из воды. Может, сам бог Посейдон взял меня под свое покровительство, если уж снова обратиться к мифологии.

– Что ж, дай бог, чтобы это покровительство пребывало с тобой и впредь, – с горячностью пробормотала я.

– И наконец, последнее, но, пожалуй, самое интригующее. Расскажи мне о своем необычном отце. – Тео нежно погладил мои волосы. – Чем, например, он зарабатывает себе на жизнь?

– Опять же признаюсь тебе как на духу, никто из нас, его дочерей, толком ничего не знает. Что у него за бизнес, понятия не имею. Скажу лишь одно. Судя по всему, дела у него идут успешно. Скажем, его «Титан» – это элитная океанская мегаяхта от самого Бенетти, – привела я пример с прославленной фирмой, занимающейся строительством океанских яхт супер-класса, вполне понятный Тео, чтобы продемонстрировать ему уровень благосостояния отца.

– Вау! – восхищенно воскликнул он. – По сравнению с яхтой твоего отца наше утлое суденышко – это детский кораблик, и только. Итак, у вас, моя принцесса, есть дворцы и на суше, и на море, – шутливо подначил меня Тео. – Ты у меня действительно самая заправская принцесса, только тайная.

– Мы и правда живем безбедно. Что да, то да. Но при этом отец всегда приучал нас к мысли, что надо быть самостоятельными и учиться зарабатывать на жизнь. Когда мы стали взрослыми, он не баловал нас щедрыми подачками. Никаких безлимитных кредитных карто-

чек ни у кого из нас нет. Правда, если речь идет о нашем образовании, то тут он денег никогда не жалел и не жалеет.

– Очень разумно. Ты близка с отцом?

– Очень! Он так много значит для меня. Для всех нас, его дочерей. Это мой самый дорогой человек на свете. Думаю, впрочем, что каждая из нас, сестер, считает, что у нее свои особые, доверительные отношения с отцом. Вот и я тоже так считаю. Частично потому, что мы с ним оба очень любим парусный спорт. Когда я росла, то проводила с отцом много времени на воде, он и я и больше никого. Кстати, он обучал меня не только тому, как правильно управляться с парусом. Ведь Па Солт – самый добрый, самый мудрый человек из всех, кого я знаю.

– Словом, ты у нас папенькина доченька. О, еще ко многому мне надо привыкать! – Рука Тео переместилась с моих волос, и он принялся ласково гладить мою шею.

– Однако хватит обо мне. Теперь я хочу узнать кое-что и о тебе, – сказала я, чувствуя, как его нежные касания начинают сводить меня с ума.

– Потом, Алли, потом, ладно? Ты же знаешь, как умопомрачительно действует на меня твой неподражаемый французский акцент. Я готов слушать тебя целую ночь напролет.

Тео приподнялся на локте и наклонился ко мне, чтобы поцеловать в губы уже по-настоящему. После чего потребность в дальнейших разговорах отпала сама собой.

3

На следующее утро мы решили отправиться на остров Миконос, чтобы пополнить запасы провизии. Я снова нежилась под солнцем на верхней палубе, но тут меня окликнул Тео и попросил подняться к нему на мостик.

– Угадай, что я тебе сейчас скажу! – воскликнул он с довольным выражением лица.

– Что?

– Я только что беседовал по радиосвязи с Энди, одним моим приятелем. Он тоже яхтсмен и сейчас как раз бороздит просторы Эгейского моря на своем катамаране. Он предложил нам встретиться в заливе неподалеку от острова Делос. Поболтать, выпить... Среди прочего он упомянул весьма интересную вещь. Оказывается, буквально рядом с его катамараном встала на прикол огромная океанская суперяхта «Титан». Как ты понимаешь, такую новость я не мог пропустить мимо ушей.

– «Титан»? – изумленно воскликнула я. – Ты уверен?

– Энди сказал, что яхта сделана у Бенетти. Сомневаюсь, что они рискнули изготовить две одинаковые яхты. А еще он сказал, что в этот момент в заливе появился еще один плавучий дворец, который стремительно надвигался на его катамаран. И он предпочел ретироваться, чтобы не начались приступы клаустрофобии от присутствия рядом двух таких гигантов. Словом, отплыл на пару миль от берега и укрылся по другую сторону залива. Так что у нас с тобой появился шанс не только повидаться с Энди, но и выпить чашечку чая в компании твоего отца. Как думаешь?

– Поражена до глубины души, – чистосердечно призналась я. – Папа ничего не говорил мне о том, что собирается сюда. Хотя, конечно, я прекрасно знаю, что он обожает совершать круизы на яхте по Эгейскому морю – это его любимое место.

– Ну, наверное, ничего не сказал потому, что не предполагал, что ты окажешься так близко от него. Но ты сама вскоре сможешь рассмотреть в бинокль и убедиться в том, что это именно яхта твоего отца. А потом свяжешься по радиосвязи с капитаном яхты и сообщишь ему, что мы уже на подходе. Так, на всякий случай, чтобы избежать возможных недоразумений. Вдруг это яхта какого-нибудь русского олигарха, доверху забитая водкой и проститутками? Такой вариант тоже нельзя исключать. – Внезапно Тео глянул на меня внимательным взглядом. – А твой отец, случаем, не сдает свою яхту в аренду?

– Никогда! – твердо ответила я.

– Тогда, моя принцесса, вооружайся биноклем и отправляйся снова принимать солнечные ванны. А твой преданный капитан в это время встанет за руль. Дашь мне знак через иллюминатор, когда увидишь «Титан», и я сразу же отправлю по радиации сообщение о том, что мы приближаемся.

Я снова вскарабкалась на верхнюю палубу и приклеилась к биноклю, застыв в ожидании того момента, когда на горизонте появятся знакомые очертания отцовской яхты. Интересно, размышляла я, как пройдет первая встреча этих двух мужчин, одного из которых я люблю больше всего на свете, а во второго влюбляюсь с каждым днем все сильнее и сильнее. Потом я принялась вспоминать, знакомила ли я в прошлом отца с кем-нибудь из моих бывших бойфрендов. Вполне возможно, с кем-то и знакомила, из числа тех, с кем я крутила романы еще во время учебы в Женевской консерватории. Но ведь это было так давно. А если честно, то за все минувшие годы у меня ни с кем не было ничего серьезного. Ни одного ухажера, которого мне бы захотелось представить отцу или другим членам моей семьи.

Но так было до недавнего времени...

Минут через двадцать я разглядела в бинокль знакомые очертания отцовской яхты. Я увеличила резкость, вглядываясь в кромку горизонта. Сомнений быть не могло, это точно

папин «Титан». Я повернулась к иллюминатору на мостике и вскинула палец вверх, давая условленный знак Тео. Он кивнул в ответ и снял трубку радиопередатчика.

А я спустилась в каюту, чтобы привести себя немного в порядок. Собрала растрепавшиеся волосы в аккуратный конский хвост, натянула на себя майку и шорты, буквально кожей чувствуя, как внутри стремительно нарастает радостное возбуждение. Вот сейчас удивлю отца так удивлю, думала я, предвкушая нашу встречу с Па Солтом. Да и то правда! Не все же ему меня удивлять. Я поднялась на мостик и поинтересовалась у Тео, ответил ли ему Ганс, папин шкипер.

– Представь себе, нет. Я уже отправил второе сообщение. А если и оно останется безответным, что ж, тогда нам придется заявиться к твоему отцу без приглашения. Напроситься, так сказать, на чай. – Тео поднес к глазам бинокль и стал разглядывать вторую яхту, бросившую якорь рядом с «Титаном». – О, а я хорошо знаю владельца второго плавучего дворца, о котором рассказал мне Энди. Это яхта «Олимпия». Она принадлежит финансовому магнату Кригу Эсзу. Он владеет компанией «Лайтнинг Коммьюникейшнс». Эта компания, между прочим, спонсировала несколько моих экипажей на регатах. Я даже пару раз встречался с Кригом Эсзу.

– В самом деле? – удивилась я. Криг Эсзу в своем роде личность не менее известная и популярная, чем моя сестра Электра. – И как он тебе?

– Не скажу, что ему удалось обаять меня. Однажды за ужином мне довелось сидеть рядом с ним. И весь вечер он говорил только о себе и о своих финансовых достижениях. Впрочем, его сынок Зед еще хуже. Испорчен до крайности. Такой, знаешь ли, стопроцентный мажор, который совершенно искренне думает, что за папины деньги он может заполучить себе все что угодно.

В глазах Тео вспыхнуло нескрываемое раздражение.

Я же сразу наострила уши. Уже не впервые я слышу от близких мне людей имя Зеда Эсзу.

– Неужели он настолько плох?

– Да! *Насколько!* – повторил Тео с явным нажимом в голосе. – Одна моя приятельница увлеклась им когда-то, но он относился к ней... Как бы это помягче выразиться. Для него она была что пыль на дороге. В любом случае...

Тео снова поднес бинокль к глазам.

– Надо нам послать еще одну радиogramму на «Титан». У меня такое впечатление, что яхта снялась с якоря и тронулась в путь. Попробуй ты, Алли, поговорить с ними по рации. Если на яхте сейчас находится твой отец, то он наверняка узнает твой голос. И шкипер его тоже узнает.

Я сняла трубку, пытаюсь установить радиосвязь с «Титаном». Тщетно. Уже невооруженным глазом было видно, как яхта отца набирает скорость и стремительно удаляется от нас.

– Ну что будем делать? Бросимся за ними вдогонку? – спросил у меня Тео, наблюдая за тем, как «Титан» уходит все дальше и дальше в открытое море.

– Пойду возьму внизу свой мобильник и постараюсь связаться с папой напрямую, – ответила я.

– А я пока прибавлю скорость. Конечно, догнать их будет чертовски трудно. К тому же они уже имеют приличную фору. Но я еще никогда не соревновался с супер-яхтой. Это даже забавно, – несколько саркастически заметил он.

Оставив Тео в капитанской рубке играть в догонялки с папиной яхтой, я снова вернулась в каюту, немного замешкавшись в дверях, потому что наша яхта резко набрала скорость и понеслась вперед на всех парах. Порывшись у себя в рюкзаке, я наконец отыскала мобильник и попыталась включить его. Какое-то время я молча пялилась на безжизненный экран, с нетерпением ожидая, когда же он наконец оживет. Но тусклый экран, в свою очередь, недовольно пялился на меня с таким видом, как это делает домашний любимец, которого забыли

покормить. Так и есть! Мобильник разрядился. Я снова полезла в рюкзак, на сей раз в поисках зарядного устройства. Потом стала искать американский адаптер, который подходит к розетке у изголовья кровати. Наконец все нашла и поставила мобильник на подзарядку, моля лишь об одном – чтобы он поскорее ожил.

Когда я снова поднялась на мостик к Тео, то он уже изрядно сбавил скорость, вернувшись в нормальный режим.

– Никаких шансов догнать твоего отца, – пояснил он мне. – Даже если мы будем идти на предельной скорости. Кстати, и «Олимпия» тоже уходит от нас на очень высокой скорости. Так ты дозвонишься отцу?

– Пока еще нет. Поставила мобильник на подзарядку.

– Возьми мой. Вот!

Тео вручил мне свой мобильник, и я тут же набрала номер отца. Сразу же включилась голосовая почта. Я оставила коротенькое сообщение, объяснив ситуацию и попросив папу связаться со мной как можно скорее.

– Глядя со стороны, складывается такое впечатление, что твой отец намеренно бежит от тебя прочь, – пошутил Тео, словно дразня меня. – А может, ему в данную минуту не хочется ни с кем встречаться. Но как бы то ни было, а я сейчас свяжусь с Энди, узнаю его точные координаты, и мы прямиком отправимся на randevу с ним.

Видно поняв по моему лицу, в каких расстроенных чувствах я нахожусь, Тео крепко обнял меня.

– Прости, дорогая. Это всего лишь неудачная шутка. Ты не забывай, все сообщения передаются в прямом эфире. Вполне возможно, на «Титане» просто не обращают на них внимания, воспринимают как такой побочный информационный шум. А то и вовсе отключают радиосвязь. Я и сам так часто поступаю. Попробуй еще раз набрать отца по мобильнику.

– Хорошо, – безропотно согласилась я.

Наша яхта на медленной скорости направилась в сторону острова Делос на встречу с другом Тео. И тут я внезапно вспомнила, что отец, с которым я провела бесчисленное количество часов на воде, занимаясь парусным спортом, не раз повторял мне, что радиосвязь должна работать всегда, при любых обстоятельствах. Да и Ганс, шкипер папы, постоянно отслеживает все сообщения, поступающие на судно.

Меня охватила тревога. Помнится, и весь остаток дня я провела в тревожном ожидании. Наверное, это был тот случай, про которые обычно говорят: предчувствие не обмануло.

* * *

На следующее утро я проснулась в объятиях Тео, в живописной пустынной бухте Мачереса. На сердце у меня было по-прежнему тяжело, а при одной мысли, что во второй половине дня мы снова возьмем курс на Наксос, делалось еще хуже. Тео уже начал строить планы подготовки к предстоящей регате, которая должна стартовать через несколько дней. Судя по всему, время нашего безмятежного существования наедине друг с другом подошло к концу. Во всяком случае, на данный момент.

Лежа абсолютно голой на верхней палубе рядом с Тео, я попыталась стряхнуть с себя мечтательное настроение, отрешиться от всех тех чудесных мгновений, которыми одарило нас с Тео совместное времяпрепровождение, и вернуться в день сегодняшний. Снова окунуться в реальную жизнь. Мой телефон все еще стоял на подзарядке, со вчерашнего дня, с того самого момента, как я включила его в сеть.

Я поднялась со своего лежака, чтобы пойти вниз и забрать мобильник.

– Куда ты? – Крепкая рука Тео остановила меня.

– Пойду возьму свой мобильник. Нужно прослушать все поступившие сообщения.

– И сразу же назад, ладно?

Я выполнила его просьбу. А Тео тут же предложил отложить пока телефон в сторону. На некоторое время. Излишне говорить о том, что мне стало уже не до телефона и прошел по меньшей мере еще час, пока я наконец включила его.

Я не сомневалась, что в почте наверняка уже скопились послания от друзей и сестер. Я осторожно сдвинула руку Тео, лежавшую на моем животе, стараясь не разбудить, и включила мобильник. Сразу же бросилось в глаза необычно большое количество писем. Плюс целый ряд голосовых сообщений.

И все они были от моих сестер.

«Алли, пожалуйста, незамедлительно свяжись со мной. Люблю. Майя».

«Алли, это Сиси. Мы все тщетно пытаемся отыскать тебя. Пожалуйста, перезвони Ма или кому-то из нас».

«Дорогая Алли, это Тигги. Мы не знаем, где ты. Но ты нам срочно нужна».

Послание Электры заставило меня вздрогнуть.

«Алли! Боже мой! Какой ужас! Невозможно в это поверить, да? Лечу домой из Лос-Анджелеса. Сейчас как раз в пути».

Я поднялась с лежака и побрела в носовую часть яхты. Вне всякого сомнения, случилось что-то страшное. Трясущимися пальцами я нажала на кнопку голосовой почты в надежде прояснить ситуацию. Почему сестрам вдруг так срочно понадобилось связываться со мной?

Прослушав последнее сообщение, я получила ответ на свой вопрос.

«Привет, это снова Сиси. Все, судя по всему, боятся сказать тебе правду. Но тебе следует срочно приехать домой. Алли, мне жаль, что именно я должна сообщить тебе печальную новость, но так уж вышло. Па Солт умер. Прости... прости меня... И, пожалуйста, перезвони при первой же возможности».

Сиси, видимо, решила, что уже закончила разговор, но прежде чем в трубке раздался звуковой сигнал, означающий конец голосового сообщения, я услышала, как сестра громко всхлипнула.

Невидящим взглядом я уставилась на море. Как такое может быть? Ведь еще вчера я своими собственными глазами разглядывала в бинокль папину яхту «Титан». *Нет, наверняка произошла какая-то ошибка*, стала я успокаивать себя. Но, прослушав сообщение от Марины, которая была для меня матерью во всех смыслах этого слова, разве что не по крови, и которая сейчас буквально умоляла меня поскорее вернуться домой, а потом такие же душераздирающие послания от Майи, Тигги, Электры, я поняла...

– Боже! Господи боже мой!

Чтобы не упасть, я ухватилась за поручень. Телефон выскользнул из моих рук и с тяжелым стуком упал вниз. Я наклонилась, чтобы поднять его, в глазах у меня все поплыло. Я почувствовала, что еще немного, и я потеряю сознание. Тяжело дыша, я опустилась на палубу и закрыла лицо руками.

– Не может быть! Этого не может быть! – с громким стоном воскликнула я.

– Дорогая, что случилось? – Рядом со мной возник Тео. Он все еще был без одежды. Опустился на корточки и взял меня за подбородок. – Ради всех святых, что стряслось?

Я лишь молча указала ему на валявшийся рядом мобильник.

– Плохие новости, да? – спросил Тео, поднимая мобильник с пола. Лицо его мгновенно приобрело озабоченное выражение.

Я кивнула головой.

– Ты сейчас сама похожа на привидение. Давай я отведу тебя в тенек и дам воды.

Не выпуская мой мобильник из рук, Тео кое-как поднял меня и помог спуститься в каюту, а там усадил на кожаную банкетку. И почему это ему всегда выпадает участь видеть меня в таком беспомощном состоянии, мелькнуло у меня где-то на задворках сознания.

Тео быстро натянул на себя шорты, достал какую-то свою майку и облек в нее мое безжизненное тело. Потом налил изрядную порцию бренди и принес стакан воды. Мои руки продолжали трястись, а потому я попросила Тео помочь снова включить голосовую почту и прослушать оставшиеся сообщения. Глотнув бренди, я тут же поперхнулась, но в желудке сразу же стало тепло, и это помогло мне немного успокоиться.

– Готово! – Тео протянул мне мобильник, и я повторно прослушала сообщение от Сиси, а потом и все остальные, включая три от Майи и одно от Марины. Потом послышался чей-то незнакомый голос, незнакомец представился Георгом Гофманом. Я смутно припомнила, что, кажется, это папин нотариус. Было еще несколько пустых сообщений. Видимо, абонент набирал мой номер и тут же вешал трубку, не зная, что сказать.

Тео смотрел на меня не отрываясь. Я положила мобильник на соседний стул.

– Па Солт умер, – прошептала я едва слышно и отрешенно уставилась в пустоту, погружившись в затяжное молчание.

– Боже! Но как? Почему?

– Понятия не имею.

– Но, может, произошла какая-то ошибка? Ты уверена, что это правда?

– Уверена. Только у Сиси хватило мужества сказать мне правду. Я и сама не понимаю, как такое могло случиться... Еще вчера мы с тобой видели папину яхту.

– Боюсь, у меня тоже нет никаких разумных объяснений, дорогая. Вот что! Перезвони-ка прямо сейчас домой. Это лучшее из того, что ты можешь сделать. – Тео снова придвинул ко мне мобильник.

– Я... не могу!

– Понимаю! Давай я позвоню им вместо тебя. Скажи мне только номер, и я немедленно...

– *НЕТ!* – крикнула я в ответ. – Нет! Мне срочно надо домой! Сейчас же! – Я подхватила с места и беспомощно огляделась по сторонам, потом задрала голову в небо, словно ожидая, что вот-вот надо мной зависнет вертолет, который и доставит меня туда, где мне надлежит быть в данную минуту.

– Послушай, Алли! Я отлучусь на пару минут. Включу интернет. Хочу сделать пару запросов. Посиди пока здесь.

Тео исчез у себя в рубке, а я оцепенело уставилась перед собой, все еще пребывая в шоковом состоянии.

– Мой отец... Па Солт... умер? Да не может этого быть! – С моих уст сорвался зловещный смех, словно сама мысль об этом была невообразимо дикой. Отец всегда был таким несокрушимым, таким всесильным, *таким живым...*

– О господи! Все, что угодно, но только не это! – Меня стало трясти, мурашки побежали по рукам и ногам, словно я не жарилась под солнцем на волнах Эгейского моря, а находилась где-нибудь высоко в заснеженных Альпах.

– Докладываю! – проговорил Тео из рубки. – Авиарейс на два часа сорок минут с острова Наксос в Афины мы уже пропустили. Что ж, рванем в Афины на яхте. Я забронировал тебе на завтра билет на самый первый, утренний рейс из Афин до Женевы. Там оставались свободными всего лишь несколько мест.

– Значит, домой я сегодня не попаду?

– Алли, уже половина второго. И впереди у нас долгий путь до Афин. Не говоря уже о перелете в Женеву. Будем идти на полной скорости. Только сделаем короткую остановку на острове Наксос, чтобы заправиться топливом. Думаю, при таком раскладе к вечеру мы доберемся до Афин. Хотя, если честно, пока с трудом представляю себе, как мы там пришвартуемся в темноте. Пирейский порт наверняка в это время суток забит под завязку.

– Понятно, – коротко ответила я, не зная, как мне пережить предстоящие бесконечные часы ожидания.

- Хорошо! Тогда я включаю двигатель. Может, хочешь посидеть рядом со мной?
- Чуть попозже, ладно?

Минут через пять я услышала, как ритмично заработала гидравлика, следом послышалось позвякивание поднимаемого наверх якоря. Негромко зажужжали двигатели. Яхта тронулась с места. Я поднялась со скамейки и пошла на корму. Прислонилась к поручням и задумалась. Островок, на котором мы провели ночь, стал стремительно удаляться от нас. Еще сегодня утром я думала, что побывала ночью в нирване, а теперь это место навсегда будет связано в моей памяти с известием о смерти отца. Ведь именно здесь я узнала, что папы больше нет в живых. Яхта ускоряла ход, и меня тут же начало подташнивать. Скорее всего, сказывался пережитый только что шок, а также чувство вины, которое буквально раздирало сердце. Ведь последние несколько дней я продемонстрировала такой тотальный и совершенно непростибельный эгоизм. Думала только о *себе любимой* и о том, какое это счастье, что я встретила Тео.

Страшно даже представить себе, что, пока я нежилась в объятиях Тео, снова и снова занимаясь с ним любовью, мой бедный отец где-то в это время умирал. Разве я смогу простить себе *когда-нибудь* подобное бездушие и черствость?

* * *

Тео оказался верен своему слову, и на закате мы вошли в бухту Пирейского порта. Всю дорогу, показавшуюся мне вечностью, я провела вместе с Тео на капитанском мостике. Я молча лежала у него на коленях, а он одной рукой держал штурвал, а второй ласково гладил меня по волосам. Море волновалось, но Тео уверенно правил яхтой, рассекая на большой скорости встречные волны. Как только мы встали на якорь, Тео спустился в камбуз и приготовил пасту. А потом стал с ложечки кормить меня, будто малое дитя.

– Поспишь немного? – спросил он по завершении трапезы. По его усталому лицу я поняла, что он тоже вымотан. Столь стремительный марш-бросок до Афин дался ему нелегко. – Нам нужно будет подняться завтра в четыре утра, чтобы успеть на твой рейс.

Я согласилась, зная, что в противном случае Тео на всю ночь останется дежурить возле меня. Заранее приготовившись к длинной бессонной ночи, я позволила ему уложить себя в постель. Он лег рядом, обнял меня, прижал к себе и стал убаюкивать, как младенца.

– Алли, если это хоть как-то облегчит твое горе, знай, я люблю тебя. Я знаю это наверняка.

Я молча таращила сухими глазами в темноту. С того самого момента, как я узнала о смерти отца, из моих глаз не выкатилось ни единой слезинки. Но тут я почувствовала, что глаза мои стали влажными.

– И не думай, что я сказал тебе это лишь затем, чтобы немного утешить, – проронил Тео. – Я все равно сегодня вечером собирался признаться тебе в любви, – добавил он, немного помолчав.

– Я тоже тебя люблю, – прошептала я в ответ.

– Правда?

– Да.

– Ты даже не представляешь, что значат для меня твои слова. Пожалуй, выиграй я в этом году «Фастнет», я бы не чувствовал себя более счастливым. А сейчас постарайся заснуть.

Как ни странно, уютно устроившись в объятиях Тео и растроганная его признанием в любви, я действительно уснула.

* * *

На следующее утро такси медленно тащилось по улицам Афин, заполненных транспортом даже в столь ранний час. Тео все время сосредоточенно поглядывал на часы, боясь, что мы можем опоздать. Обычно подобные вещи контролирую я, и для себя, и для других, но сегодня я была только рада тому, что и эту заботу Тео взвалил на себя.

Я едва успела на регистрацию. До вылета оставалось минут сорок, не более. Собственно, я была последней из пассажиров, регистрационная стойка уже закрывалась.

– Алли, дорогая! Скажи, ты уверена, что справишься без меня? – Тео посмотрел на меня озабоченным взглядом. – Может, мне полететь в Женеву вместе с тобой? Какмотришь?

– Не волнуйся. Со мной все будет в полном порядке, – ответила я, направляясь на выход.

– Но если что, немедленно дай мне знать, ладно?

Мы пристроились в самый конец длинной очереди пассажиров, проходящих последний досмотр перед полетом. Очередь тонкой змейкой струилась между системами контроля, преодолевая последние барьеры на пути к беспрепятственному движению вперед. Я повернулась к Тео.

– Спасибо тебе. Спасибо тебе за все. Ты очень помог мне.

– Не так уж я сильно и помог. Послушай, Алли! – Внезапно он крепко обнял меня и притянул к себе. – Пожалуйста, только помни! Я люблю тебя.

– Обещаю, буду помнить, – ответила я, слабо улыбнувшись.

– А если ты почувствуешь, что сил больше нет, немедленно позвони мне. Или хотя бы пришли эсэмэску, обещаешь?

– Обещаю.

– И вот еще что. – Тео разжал объятия, выпуская меня из рук. – С учетом сложившихся обстоятельств я целиком и полностью пойму и приму твое решение, если ты откажешься от участия в предстоящей регате.

– О своем решении я сообщу тебе незамедлительно.

– Без тебя нам, конечно, светит только поражение. Ты ведь самый лучший яхтсмен из всех, с кем я когда-нибудь выступал в одном экипаже. До свидания, моя родная.

– Пока.

Я влилась в медленнодвигающуюся процессию заспанных пассажиров. Прежде чем поставить свой рюкзак на ленту транспортера для досмотра ручной клади, я снова оглянулась.

Тео все еще стоял на прежнем месте.

– Я люблю тебя, – выразительно проартикулировал он губами. Потом прощально взмахнул рукой, послал воздушный поцелуй и ушел.

В зале вылета, ожидая вместе с другими пассажирами приглашения на посадку, я вдруг почувствовала резкую смену настроения. Любовная эйфория, в которой я пребывала все последние несколько дней, куда-то внезапно исчезла. Я ощутила неприятную пустоту в желудке в предвкушении всего того страшного и необратимого, что ждет меня впереди. Достала мобильник и позвонила Кристиану, молодому шкиперу, который управлял нашим быстроходным катером на Женевском озере. Именно он должен был встретить меня в Женеве и доставить по озеру домой. Я послала ему эсэмэску, сообщила, что в десять утра буду ждать его возле понтонной переправы. И попросила пока ничего не говорить о моем прибытии ни Ма, ни сестрам. Написала, что сама свяжусь с ними.

Но, усевшись в свое кресло на борту самолета, я поняла, что у меня нет сил звонить никому из них. Да и вообще, хватит ли у меня сил вынести еще несколько часов томительного ожидания в полном одиночестве, зная все то страшное, что ждет меня впереди? Я снова вспомнила звонок Сиси. Лишь она одна из всей семьи отважилась сказать мне правду. Самолет

начал медленный разбег по взлетной полосе, потом оторвался от земли и взмыл ввысь. Над Афинами занимался рассвет. Я прижалась пылающей щекой к холодному стеклу иллюминатора, чувствуя, как во мне нарастает паника. Чтобы хоть как-то отвлечься от невеселых мыслей, машинально глянула на первую полосу «Интернешнл геральд трибьюн», которую вручила мне стюардесса, и уже приготовилась отложить газету в сторону, но тут мне бросился в глаза один заголовок.

**«ТЕЛО ФИНАНСОВОГО МАГНАТА ВЫНЕСЛО НА БЕРЕГ ОДНОГО
ИЗ ГРЕЧЕСКИХ ОСТРОВОВ».**

Ниже была помещена фотография. Смутно знакомое лицо. Подпись под фотографией гласила:

«Криг Эсзу найден мертвым на побережье Эгейского моря».

Я уставилась на фотографию, отказываясь верить своим глазам. Но ведь Тео со всей определенностью сказал мне, что в заливе острова Делос именно *яхта Эсзу*, «Олимпия», стояла рядом с яхтой отца. Газета непроизвольно соскользнула с моих колен и упала на пол. А я в полном недоумении снова уставилась в иллюминатор. Ничего не понимаю! Абсолютно ничего не понимаю!

Спустя три часа самолет пошел на посадку в аэропорту Женевы. Сердце в груди забилося с такой силой, что я с трудом смогла сделать вдох. Я вернулась домой. Обычно возвращение домой было радостным событием. Ведь впереди ждала волнующая встреча с самым дорогим человеком на свете. Я уже заранее предвкушала, как он выйдет встречать меня с распростертыми объятиями и я снова погружусь в волшебный мир своего детства. Однако на сей раз никто не будет встречать меня. Потому что его больше нет. И уже никогда не будет.

4

– Может, хотите сами повести, мадемуазель Алли? – Кристиан жестом указал на мое обычное место рядом со штурвалом. Любила я в былые времена погонять на полной скорости по тихим, спокойным водам Женевского озера.

– Не сегодня, Кристиан, – ответила я, и Кристиан понимающе кивнул с мрачным выражением лица. И оно лишний раз подтвердило мне, что все так и есть. Все, что я уже знаю, это правда.

Он включил двигатель, а я безвольно опустила на одно из сидений. У меня не было сил даже посмотреть по сторонам. Я вдруг вспомнила, как еще совсем маленькой девочкой Па Солт усаживал меня к себе на колени и мы с ним гоняли вдвоем по Женевскому озеру. Потом припомнила, когда он впервые позволил мне сесть за штурвал. А сейчас... А сейчас через каких-то несколько минут меня ждет встреча с суровой действительностью. Не переставала грызть вина за то, что я не смогла вовремя отреагировать ни на одно из посланий от моих близких. Господи, думала я по мере приближения к нашему дому, пребывая в полнейшей прострации, как можно так внезапно и так неожиданно свалиться откуда-то с райских небес и из состоянии радостной эйфории стремительно погрузиться в пучину беспредельного отчаяния?

Глянув на берег, на деревья, окружавшие дом со всех сторон, я невольно отметила, что не вижу никаких перемен. Атлантис выглядит как обычно. Кристиан замедлил ход и плавно пристал к причалу. Я выбралась из лодки и накрепко привязала ее к швартовой тумбе. В душе вдруг затеплилась надежда. А если это все неправда? Может, ошибка какая вышла? Еще минута, и папа выйдет мне навстречу. Он обязательно *должен быть* здесь...

Но, глянув наверх, я увидела бегущих через лужайку Сиси и Стар. А потом появилась Тигги. Она что-то крикнула в открытую парадную дверь и тут же бросилась догонять старших сестер. Я тоже ринулась навстречу к ним. Подбежала ближе и почувствовала, как у меня подкосились ноги при виде их унылых лиц. Я замерла на месте.

«Алли, – тут же мысленно приказала я себе, – *не забывай, ты в семье лидер. Немедленно возьми себя в руки...*»

– Алли! Дорогая наша Алли! Как мы рады, что ты наконец здесь. – Тигги подбежала ко мне первой. Я застыла, всем своим видом стараясь демонстрировать спокойствие. Сестра крепко обняла меня. – Мы уже все тут извелись, ожидая тебя столько дней.

Следующей подошла Сиси, а за ней верной тенью – ее неизменная спутница Стар. Молчаливая, как всегда, она тут же присоединилась к нашему объятию с Тигги.

Наконец я слегка отстранилась от сестер. В их глазах блестели слезы. Мы молча направились к Атлантису.

При виде дома я снова почувствовала всю горечь потери. Па Солт называл этот дом нашим личным королевством. Он был построен еще в восемнадцатом веке, но и сейчас смотрелся как самый настоящий волшебный замок из сказок. Четыре башенки, венчающие замок со всех сторон, фасад, выкрашенный в светло-розовый цвет. Дом расположен на полуострове, находящемся в частном владении отца, и со всех сторон окружен величественными парками и садами. В Атлантисе я всегда чувствовала себя в полной безопасности. Но без папы волшебный замок мгновенно опустел.

Все вместе мы поднялись на террасу, и в этот момент из Павильона, небольшого флигеля, расположенного рядом с основным домом, показалась моя старшая сестра Майя. Красивые черты ее лица были искажены гримасой боли. Но при виде меня лицо у нее просветлело.

– Алли! – воскликнула Майя и бросилась ко мне, чтобы поприветствовать.

– Майя, какой ужас, да? – ответила я, чувствуя, как сжимается кольцо ее рук вокруг меня.

– Да, все очень плохо. Но как ты узнала? Мы тщетно пытались выйти с тобой на связь все последние два дня.

– Давайте войдем в дом, – сказала я, глянув на сгрудившихся вокруг меня сестер. – И я вам все объясню.

Сестры облепили меня со всех сторон, и лишь одна Майя безропотно поплелась сзади. Так уж вышло по жизни, что, несмотря на то что Майя была старшей в семье и со всеми своими личными проблемами девочки всегда устремлялись к ней, ища совета и утешения, по части лидерства первая роль всегда принадлежала мне. Вот и сейчас я поняла, что Майя совсем не возражает, если я и дальше продолжу исполнять свои командные функции.

Ма терпеливо поджидала нас, стоя на пороге дома. Она молча заключила меня в сердечные объятия. Я сразу же почувствовала теплоту родных рук и с удовольствием припала к ее груди. Не скрою, меня очень обрадовало ее предложение пройти всем вместе на кухню. Я проделала длинный путь, и сейчас мне отчаянно хотелось кофе.

Пока Клавдия, наша экономка, возилась у плиты, управляясь с огромной кофеваркой, в кухне возникла Электра. Длинноногая, загорелая, как всегда эффектная, умудряющаяся выглядеть элегантно даже в обычных шортах и майке.

– Алли! – негромко обронила Электра, а когда подошла ближе, то я увидела, какой у нее изможденный вид. Словно кто-то взял и откачал из ее тела все жизненные силы и потушил огонь, всегда полыхавший в несравненно прекрасных глазах насыщенного янтарного цвета. Она порывисто обняла меня и схватила за плечо.

Я обвела взглядом всех своих сестер. Как же редко собирались мы вот так, все вместе, в последние годы. А когда я подумала о причине, которая свела нас сейчас, то комок застрял в горле. И все же мне пора узнать, как все произошло. Но для начала нужно рассказать, где я была и почему так долго добиралась домой. Я сделала глубокий вдох.

– Прежде всего хочу сказать, что я сильно переживаю из-за того, что вы столько времени не могли выйти со мной на связь. Это правда. – Девочки дружно расселись вокруг стола. Но тут я заметила стоящую у дверей Ма и жестом показала на стул. – Ма, ты тоже послушай, ладно? Может, найдешь какое-то разумное объяснение тому, о чем я собираюсь вам рассказать.

Ма послушно присела на предложенный стул, а я стала собираться с мыслями, не зная, с какого конца начать рассказывать о том, как я наблюдала в бинокль папину яхту «Титан».

– Я была на сборах в Эгейском море. Готовилась к предстоящей регате Киклады. Регата должна начаться на следующей неделе. Но тут в преддверье выходных один мой приятель предложил провести уик-энд на его моторной яхте. Погода стояла прекрасная, и я решила, что для разнообразия можно и расслабиться на пару денечков.

– А чья яхта? – немедленно поинтересовалась у меня Электра, хотя я уже заранее знала, что она обязательно спросит об этом.

– Говорю же, одного моего приятеля, – ответила я уклончиво. Разумеется, мне очень хотелось рассказать сестрам про роман с Тео, но сейчас не самый подходящий момент, и я благоразумно удержалась от поспешных признаний. – И вот два дня тому назад, – продолжила я свое повествование, – приятель сообщил мне, что его друг, тоже яхтсмен, видел папин «Титан».

Я закрыла глаза, заново переживая все то, что последовало потом. Глотнула кофе. После чего как сумела поведала сестрам и все остальное. Как все наши радиосообщения, отправленные на «Титан», остались без ответа, как папина яхта, когда мы попытались подойти к ней поближе, снялась с якоря и на большой скорости стала удаляться от нас прочь. Все слушали мой рассказ с огромным вниманием, но краем глаза я заметила, какими грустными взглядами вдруг обменялись между собой Майя и Ма. Потом я набрала в легкие побольше воздуха и озвучила свою главную ложь. Дескать, в той части Эгейского моря, где мы находились, очень плохая мобильная связь, а потому я лишь вчера смогла наконец ознакомиться со всеми посланиями и прослушала те сообщения, которые поступили на голосовую почту. В эту минуту я

презирала себя, ненавидела всеми фибрами души за столь наглую ложь, но ничего не могла с собой поделать. У меня не хватало духу признаться сестрам, что я попросту отключила свой телефон. Я также ни словом не обмолвилась еще об одной яхте, «Олимпии», которую мы с Тео видели в заливе в то же самое время.

– Вот я и спрашиваю, – обратилась я ко всем своим слушательницам, – может кто-нибудь из вас объяснить мне толково, что происходит? И почему папина яхта находится в Греции, когда его самого... уже нет в живых.

Все взоры устремились на Майю. Она медлила с ответом, видно тщательно взвешивая каждое слово.

– Алли, у папы случился острый сердечный приступ. Это произошло три дня тому назад. Ничего нельзя было сделать. Врачи оказались бессильны.

Услышав известие о смерти отца уже из уст старшей сестры, я поняла, что все действительно кончено. Раз и навсегда. Я с трудом сдержалась, чтобы не расплакаться. Между тем Майя продолжила:

– Его тело доставили вертолетом на яхту. Потом «Титан» вышел в открытое море. Папу похоронили на дне океана, согласно его воле. Папа не захотел расстраивать нас всякими похоронными мероприятиями.

Я уставилась на сестру в немом шоке. Наконец-то до меня все дошло. Пазл сложился.

– О боже! – потрясенно прошептала я. – Получается, что я невольно попала на папины похороны. Ничего удивительного, что яхта удирала от нас со скоростью звука. Я...

У меня не было больше сил притворяться сильной и спокойной. Я обхватила голову руками и постаралась сделать несколько глубоких вдохов, чтобы хоть как-то подавить нарастающую панику. Сестры сгруппировались вокруг меня и стали успокаивать, кто как мог. Вообще-то я не привыкла давать слабинку перед девочками, а потому даже попыталась извиниться за то, что совсем расклеилась, изо всех сил стараясь восстановить душевное равновесие.

– Понимаю, как тебе сейчас плохо, – участливо проговорила Тигги. – Ты узнала, что на самом деле происходило в тот момент на борту яхты. Поверь, мы все, Алли, очень сожалеем, что так вышло.

– Спасибо, – растроганно прошептала я в ответ и тут же озвучила какую-то банальность на предмет того, что папа действительно однажды признался мне, что хотел бы упокоиться на дне морском. И вот надо же было случиться такому нелепому совпадению, в результате которого я стала невольным свидетелем того, как «Титан» провожает отца в последний путь. От этих мыслей у меня снова стала кружиться голова. Не хватало воздуха.

– Не возражаете, – обратилась я к своим, – если сейчас я побуду какое-то время одна?

Все согласно закивали в ответ, и я ушла из кухни, провожаемая добрыми словами напутствия и поддержки.

Выйдя в холл, я беспомощно огляделась по сторонам. Куда бежать? Где найти покой своему страждущему телу? Где искать утешения, которого так жаждала моя душа? Нигде. Куда бы я ни бросилась сейчас, в какую бы сторону ни побежала, папы там уже нет. И нет мне ни утешения, ни покоя.

Я толкнула массивную дубовую дверь и вышла на улицу. Только бы подавить в себе это чувство безысходности, которое со страшной силой давило на грудь. Тело мое непроизвольно само устремилось к пристани. Я облегченно вздохнула, увидев, что наша гоночная яхта «Лазер» стоит на своем обычном месте, пришвартованная к берегу. Я тут же вскарабкалась на борт, подняла паруса и отпустила лить.

Немного отплыв от берега, я поняла, что ветер благоприятный. Я подняла спинакер и стала носиться по озеру как угорелая. Через какое-то время, поняв, что силы уже на исходе, я бросила якорь в небольшой бухточке, окаймленной со всех сторон каменными утесами.

Мысли мои поплыли хаотичным потоком. Чтобы хоть как-то упорядочить их, я попыталась еще раз проанализировать все то, что только что сообщила мне Майя. Увы, мысли продолжали лихорадочно метаться в голове, и тогда я бездумно уставилась на воду, словно идиот какой. Но в глубине души все еще теплилась надежда, что мне откроется нечто такое, что сможет помочь понять и все остальное. Как все *произошло*. И почему так вышло, что именно *мне* выпал случай присутствовать при том, что, скорее всего, было погребением Па Солта? Почему так? В чем причина? Или все это простое совпадение?

Постепенно сердце перестало колотиться в груди как бешеное и в мозгах немного прояснилось. Уже появились какие-то силы, чтобы взглянуть в лицо фактам, так потрясшим меня. Па Солт умер, и хотя сама мысль о том, что его больше нет, представлялась *абсурдной и нелепой*, это так, и от этого никуда не деться. Чтобы принять смерть отца как данность и научиться жить дальше уже без него, я должна смириться с его смертью и примириться с действительностью. Однако все мои аргументы, все привычные критерии истины, все всплывшие в памяти трюизмы мгновенно разбивались о выстроенную мною стену из горя и неспособности поверить в случившееся. В конце концов я поняла, что пока мои усилия найти утешение хоть в чем-то будут тщетными. И отныне меня *всегда* будет преследовать не только горечь утраты, но и осознание того, что отец ушел от меня, даже не попрощавшись.

Я еще долго просидела на корме яхты. Размышляла о том, что еще один день близится к своему завершению и он прожит уже без папы. И надо мне как-то собраться с силами и побороть в себе то острое чувство вины, которое гложет меня. Страшно подумать, но я ведь поставила на первое место собственное счастье, и это в то время, как сестры, а может быть, и папа тоже, так отчаянно нуждались во мне. Получается, что в самый критический момент я подвела их всех. Я глянула в небеса, слезы градом катились по моим щекам. Снова и снова я просила Па Солта простить меня.

Я зачерпнула воды и сделала несколько глотков, а потом откинулась на корму, подставив лицо приятному теплему бризу, порхающему вокруг. Лодка мерно покачивалась на воде. Эти ритмичные звуки всегда успокаивали меня. Незаметно для себя самой я задремала.

«Помни, Алли. Каждое мгновение самоценно. Мгновение – это все, что у нас есть. Не забывай об этом. Никогда».

С этой мыслью я проснулась и подумала, что это один из самых любимых папиных афоризмов. И хотя краска смущения выступила у меня на лице, когда я вспомнила, чем конкретно занималась с Тео в ту минуту, когда папа, быть может, испустил последний вздох, и подумала о том, как же причудливо сплелись в этой жизни ее начало и конец, я тем не менее сказала себе, что ни для вселенной, ни для папы, обретающегося сейчас совсем в иных мирах, не так уж и важно, чем и когда я занималась. Пила ли чай или просто спала мертвецким сном. Для папы отныне все это не имеет значения. Но одно я знала точно и наверняка. Папа был бы счастлив, как никто на свете, если бы узнал, что я встретила такого человека, как Тео.

Домой я вернулась в уже более спокойном настроении. Оставалось еще кое-что, о чем я пока не рассказала сестрам. Каким именно образом мы с Тео отыскивали яхту отца. Я чувствовала, что для начала мне стоит рассказать свою информацию кому-то одной из них. В нашем ограниченном мирке, состоящем из шести сестер, разумеется, были свои группировки и объединения. Нас с Майей, как двух самых старших, тоже связывали особые узы приязни. С ней-то я и решила поделиться всеми своими секретами.

Я снова привязала «Лазер» к швартовой тумбе и подалась в дом. В груди хоть и немного, но отлегло. Запыхавшаяся от быстрой ходьбы Марина встретила меня на лужайке. Я поприветствовала ее слабой улыбкой.

– Алли, ты что, гоняла по озеру на «Лазаре»?

– Да. Мне надо было немного проветрить мозги.

– Тогда придется тебе пока коротать время в одиночестве. Девочки тоже отправились на озеро.

– Все?

– Нет, Майя осталась дома. Вернулась к себе в Павильон. Сказала, что у нее есть какая-то работа.

Мы с Ма обменялись короткими взглядами, и я лишний раз убедилась в том, как сильно подействовала на нее смерть отца. Я очень люблю Ма, в том числе и за то, что она всегда первой приходит к нам на помощь, взваливает на себя все наши беды и несчастья. Вне всякого сомнения, ее очень сильно беспокоило будущее Майи. В глубине души я всегда знала, что Майя была ее любимицей.

– Вот и отлично, – ответила я. – Я как раз собиралась к ней заглянуть. Составлю ей компанию, если она не будет против.

– Тогда передай ей, пожалуйста, что Георг Гофман, нотариус вашего отца, вскоре прибудет в Атлантис. Правда, вначале он хочет перекинуться парой слов со мной. Уж и сама не знаю, что такого он собирается мне сказать. Но в любом случае предупреди Майю, чтобы через час она явилась в дом. И ты, конечно, тоже.

– Хорошо, – пообещала я.

Ма с нежностью пожала мою руку и, развернувшись, зашагала в направлении Атлантиса.

Я подошла к Павильону и негромко постучала в дверь. Ответа не последовало. Зная, что Майя никогда не запирает входную дверь, я вошла в холл и окликнула сестру по имени. И снова молчание в ответ. Тогда я направилась в гостиную. Сестра, свернувшись калачиком, спала на софе. Прекрасные черты ее лица разгладились, блестящие шелковистые волосы рассыпались по сторонам в живописном беспорядке, словно она позировала для какой-нибудь гламурной фотосессии. Когда я подошла ближе, Майя проснулась и с немного смущенным видом уселась на софе.

– Прости, Майя. Я тебя разбудила. Ты, наверное, спала, да?

– Кажется, я действительно заснула, – призналась Майя, заливаясь краской смущения.

– Ма сказала мне, что девочки пошли прогуляться на озеро. Вот я и подумала, зайду к тебе и немного поболтаю. Ты не против?

– О чем ты говоришь, Алли!

Судя по всему, она действительно крепко спала. Чтобы дать ей время немного прийти в себя после сна, я предложила заварить чай для нас двоих. Когда мы уселись за стол и я попыталась поднять чашку с горячим чаем, я тут же заметила, как дрожит моя рука. Наверное, надо принять на грудь что-нибудь покрепче, чем чай, прежде чем приступить к своей исповеди перед сестрой.

– В холодильнике стоит початая бутылка белого вина, – понимающе улыбнулась Майя и вышла на кухню, чтобы налить мне бокал вина.

Сделав хороший глоток, я наконец собралась с силами и рассказала сестре о том, что два дня тому назад видела яхту Крига Эсзу, стоявшую на приколе рядом с яхтой папы. К моему удивлению, Майя побледнела, выслушав эту новость. И хотя я сама разболтала ей о том, что видела «Олимпию» рядом с нашим «Титаном», сейчас, когда я знала, что именно происходило в этот момент на борту папиной яхты, «Олимпия» меня совсем не интересовала. А вот Майя была просто потрясена известием, чего я от нее никак не ожидала. Я исподтишка наблюдала за тем, как она пытается успокоиться и прийти в себя, а затем по ходу нашего разговора Майя даже принялась успокаивать меня.

– Алли, бог с ней, с этой «Олимпией». Все это для нас несущественно. А вот то, что ты волей случая оказалась в том самом месте, где отец пожелал упокоиться, – вот это очень важно. Вполне возможно, через какое-то время, уже в конце лета, мы поступим так, как предложила

Тигги. Снова соберемся все вместе и отправимся в короткий круиз, возложим венок на воду в память об отце.

– Но самое страшное, Майя, я так виновата! Чувствую себя кругом виноватой! – воскликнула я, не в силах более таить свои переживания.

– Почему, Алли?

– Потому... потому что эти несколько дней, которые я провела на яхте своего приятеля, – они были такими прекрасными! И я была так счастлива... Еще никогда в своей жизни я не чувствовала себя такой счастливой. И признаюсь тебе как на духу, я не хотела контактировать с посторонним миром. Ни с кем! А потому я попросту отключила свой мобильник. И вот надо же такому случиться! В то самое время, когда он валялся бесхозным в моем рюкзаке, папа умирал. Быть может, я была нужна ему, а меня не оказалось рядом. Это ужасно!

– Успокойся, Алли, прошу тебя! – Майя пересела поближе ко мне, откинула пряди волос с лица и стала ласково укачивать меня в своих объятиях, словно малое дитя. – И перестань себя накручивать. Рядом с папой на тот момент не оказалось никого из нас. Разве ты забыла, что я безвылазно живу здесь? И что? Когда случилось страшное, меня в Атлантиде тоже не оказалось. Со слов Ма я поняла, что помочь папе действительно было невозможно. И мы все должны поверить в то, что так оно и было...

– Да, умом я все понимаю. Но, знаешь, мне еще о стольком хотелось расспросить его, рассказать... А теперь папы больше нет.

– Думаю, все мы испытываем сходные чувства. Но, во всяком случае, у нас есть все мы.

– Это правда. Спасибо тебе, Майя, за поддержку, – поблагодарила я сестру. – Невероятно, как в одно мгновение жизнь может перевернуться вверх дном.

– Все так, все так, – задумчиво бросила Майя и неожиданно улыбнулась. – Между прочим, могу я поинтересоваться, что или кто стали причиной твоего счастья?

Я тут же вспомнила Тео, и на душе стало тепло.

– Можешь. И в скором времени я обязательно расскажу тебе все. Обещаю. Но только не сейчас, ладно? А как ты сама, Майя? Как твои дела? – резко поменяла я тему разговора.

– У меня все в порядке, – слегка пожала она плечами в ответ. – Конечно, сейчас я тоже пребываю в шоке, как и все остальные.

– Само собой. Но тебе ведь было еще труднее. Пришлось сообщать сестрам эту печальную новость. Представляю, каково это было. Мне так стыдно, что на тот момент меня не было рядом. Чтобы помочь... Снять с твоих плеч хотя бы часть груза...

– Но, слава богу, ты отыскалась в конце концов. А это означает, что коль скоро все мы в сборе, то можем встретиться с Георгом Гофманом, а потом начнем уже новую жизнь. Будем двигаться дальше.

– Ой, совсем забыла! – Я поспешно глянула на свои часы. – Ма просила, чтобы мы с тобой через час явились домой. Гофман должен прибыть в Атлантиду с минуты на минуту. Но он изъявил желание вначале о чем-то переговорить с Ма, а уже потом встретиться со всеми нами. – Я подавила тяжелый вздох. – Майя, можно мне еще один бокал вина, пока мы будем дожидаться адвоката?

5

Ровно в семь вечера мы переступили порог Атлантика, чтобы встретиться с Георгом Гофманом. Сестры уже поджидали нас, собравшись на террасе. Все наслаждались красивым вечерним закатом, хотя и заметно волновались: напряжение буквально витало в воздухе. Электра, как всегда, пыталась скрыть свою нервозность за саркастическими комментариями по поводу того, что Па Солт всегда тяготеет к драмам и мистериям. Но тут своевременно появилась Ма в сопровождении Георга Гофмана. Высокий, седовласый, безукоризненное облачение – темно-серый костюм. Словом, живое воплощение процветающего швейцарского юриста.

– Простите, девочки, за то, что заставил вас немного подождать, но вначале мне нужно было решить кое-какие организационные вопросы, – пояснил он. – Прежде всего примите мои самые искренние соболезнования. – Гофман прочувствованно пожал руку каждой из нас. – Могу я тоже присесть?

Майя жестом указала на стул рядом с собой, и Гофман уселся. От моего взгляда не ускользнуло, что он заметно волнуется. Все время вертит на запястье свои внешне неброские, но очень дорогие часы. Марина попросила разрешения удалиться к себе, оставив нас одних.

– Что ж, девочки, – начал Гофман. – Мне очень жаль, что я впервые встретился со всеми вами при столь печальных, я бы даже сказал, трагических обстоятельствах. Хотя, разумеется, у меня такое чувство, что я прекрасно знаю каждую из вас, и все благодаря вашему отцу. Хочу еще раз подчеркнуть, как сильно он любил вас, каждую из вас. – Я заметила, что на его лице отразилось искреннее переживание. – И не просто любил. Он безмерно гордился всеми вашими достижениями. Я разговаривал с ним совсем незадолго до того, как он... как он ушел от нас. И он попросил меня обязательно сказать вам все это.

Он бросил ласковый взгляд на каждую из нас по очереди. Потом придвинул к себе какую-то папку.

– Но вначале поговорим о финансовой стороне дела. Хочу сразу же уведомить вас, что все вы, каждая в отдельности, получите надлежащее обеспечение, которое позволит безбедно существовать до конца ваших дней. Однако ваш отец никогда не хотел, чтобы вы жили подобно ленивым и капризным принцессам. А потому вы получите скромный, но весьма разумный доход, такой, чтобы ни у кого из вас не маячили за спиной нищета и голод. Но при этом никаких излишеств и никакой роскоши. Он особо подчеркнул в разговоре со мной, что хотел бы, чтобы каждая из вас самостоятельно зарабатывала себе на жизнь, как это делал и он сам. Все состояние вашего отца переходит отныне в специальный трастовый фонд, записанный на всех вас. Мне оказана высокая честь стать распорядителем этого фонда. Именно мне в дальнейшем дано право решать все вопросы, связанные с оказанием финансовой помощи любой из вас, если вы обратитесь ко мне за такой помощью или с какими-либо иными своими проблемами.

Все мы промолчали, напряженно вслушиваясь в каждое слово Гофмана.

– Имение Атлантик тоже является составной частью этого фонда. И Марина, и Клавдия обе любезно согласились и далее проживать в этом доме и ухаживать за ним. В тот день, когда скончается последняя из вас, трастовый фонд прекратит свое существование, а Атлантик может быть продан или поделен в равных долях между вашими будущими детьми. Если же прямых наследников не будет, тогда все деньги будут перечислены в один из благотворительных фондов, на котором ваш отец остановил свой выбор. – Гофман отодвинул от себя бумажки и добавил: – Хочу сделать одно чисто личное замечание. Мне представляется, что ваш отец очень разумно распорядился своим состоянием. И прежде всего потому, что решил сохранить в неприкосновенности этот дом. Это означает, что у каждой из вас есть место на земле, куда вы всегда сможете вернуться, если возникнет такое желание или какая-то необходимость. Хотя

повторяю еще раз: больше всего на свете ваш отец желал, чтобы все вы разлетелись из родительского гнезда и продолжили жить уже своей жизнью.

Мы с девочками обменялись взглядами, словно прикидывая, какая жизнь ждет каждую из нас впереди. Что касается меня, то финансовое благополучие как раз беспокоило меня меньше всего. Во-первых, я и так была финансово независимым человеком. Правда, работала как каторжная. Но обеспечивала себя целиком и полностью. А что касается личной жизни... Что ж, теперь с появлением в ней Тео я вполне искренне надеюсь, что у нас с ним сложится что-то стоящее, причем на долгую перспективу.

– А сейчас, – прервал мои размышления Георг Гофман, – осталось еще кое-что, что ваш отец поручил мне сделать. Попрошу проследовать за мной. Вот сюда, пожалуйста.

Мы, немного сбившие с толку предложением нотариуса, молча поплелись за ним, не понимая, куда и зачем он нас ведет. Он свернул за угол дома и повел нас по саду куда-то вглубь. Наконец мы вышли к укромному уголку, который так любил Па Солт. Такой скрытый от посторонних глаз сад посреди сада, огороженный со всех сторон аккуратно подстриженной живой изгородью из тиса. На нас пахло ароматами лаванды, пряными запахами любистока и бархатцев, которые в летнюю пору всегда привлекали к себе уйму пчел. Скамейка, на которой любил в свое время посидеть папа, располагалась в нише, окруженной со всех сторон белыми розами. Пышные гроздья соцветий лениво свисали прямо на то место, где он обычно сидел. Когда мы были еще детьми, Па Солт любил наблюдать за тем, как мы играем на усыпанном галькой берегу небольшого мыса, выступающего из сада прямо в озеро. А когда мне исполнилось шесть лет, отец подарил мне небольшое зеленое каноэ, и я начала учиться управлять лодкой.

– Вот что я хочу вам показать. – Голос Гофмана снова оторвал меня от мыслей о прошлом и вернул в день сегодняшний. Он махнул рукой в центр террасы. Мы подошли ближе к тому месту, чтобы рассмотреть, что там стоит. На каменном постаменте, доходящем мне почти до линии бедра, был установлен шар золотистого цвета. Шар был проткнут насквозь тонкой металлической стрелкой, а вокруг нее расположились металлические полоски, изящным образом обвив собой весь шар. Приглядевшись, я увидела на нем очертания морей и океанов, искусно выгравированных кем-то на золотистой поверхности шара, заключенного в специальный корпус. Да ведь это же самый обычный глобус, догадалась я. А стрелка наверняка указывает направление на север. Более широкая металлическая полоска опоясывала глобус по экватору. На ней были выгравированы двенадцать знаков зодиака. Похоже на старинный навигационный прибор. Да, но зачем он понадобился папе?

– Вы видите перед собой армиллярную сферу, – пояснил Гофман, обращаясь ко всем нам. После чего рассказал, что этот прибор существует уже многие тысячи лет. Древние греки сверяли по армиллярной сфере местонахождение звезд и определяли время суток.

Глянув на золотистый шар уже со знанием дела, я невольно восхитилась великолепной конструкцией этого старинного навигационного инструмента. Девочки тоже разглядывали прибор в полнейшем восхищении. Лишь Электра нетерпеливо воскликнула:

– Да, но какое отношение все это имеет к нам?

– К сожалению, в мою компетенцию не входит давать вам разъяснения по этому вопросу, – сказал Гофман извиняющимся тоном. – Могу сказать лишь одно. Если вы повнимательнее взгляните в сферу, то обнаружите, что на каждой металлической полоске выгравированы ваши имена.

Так и оказалось! Четкие, красиво выгравированные буквы на металле.

– Вот твое имя, Майя, – указала я на одну из полосок. – Там еще какие-то циферки рядом. Сдается мне, что это координаты. – Я погрузилась в изучение цифр. Потом нашла свое имя и тоже стала изучать цифры рядом с ним. – Да, точно! Это координаты! Вот только чего?

Рядом с координатами виднелись еще какие-то слова, написанные на незнакомом мне языке. Майя определила, что это греческий, и пообещала, что позже она переведет для нас все эти надписи.

– Ладно! – не выдержала Сиси. Судя по всему, ее терпение тоже лопнуло. – Все прекрасно. Изящная такая скульптурная композиция для садово-паркового комплекса. Но что на самом деле все это означает?

– Повторяю еще раз, – терпеливо ответил ей Гофман. – Я не уполномочен давать разъяснения по этому поводу. Пора нам возвращаться в дом. Наверняка Марина уже разлила по бокалам шампанское, как ей было велено вашим отцом. Он хотел, чтобы вы отметили его уход именно шампанским. После чего я вручу каждой из вас конверт с письмом от него. Надеюсь, эти письма скажут вам много больше того, что знаю я.

Продолжая размышлять над загадкой таинственных координат, я медленно двинулась в дом вслед за остальными. Все мы были немного сбиты с толку, не понимая, что именно завещал нам отец. Ма молча разлила шампанское по бокалам. Глядя на то, как она методично обходит всех нас, я вдруг подумала: наверняка она знала заранее то, о чем нам сегодня вечером сообщил Гофман, но лицо ее хранило обычное непроницаемое выражение.

Георг Гофман поднял бокал.

– Попрошу всех присутствующих поднять этот тост и почтить замечательную жизнь, которую прожил ваш отец. Могу лишь сказать вам, девочки, что он сам захотел устроить свои похороны так, как они прошли. И он уже заранее был счастлив, зная, что все вы соберетесь в Атлантиде, в доме, в котором прожили бок о бок с ним столько лет. Чем он всегда гордился.

– За Па Солта! – воскликнули все мы почти одновременно, поднимая бокалы.

А потом молча выпили шампанское, погрузившись каждая в свои невеселые мысли. Я еще раз вспомнила про наш поход к армиллярной сфере и подумала о том, на сколько вопросов у меня пока нет ответов. А они нужны, отчаянно нужны.

– А когда вы вручите нам письма? – спросила я у нотариуса.

– Прямо сейчас. Только схожу и достану их из своего кейса. – Гофман поднялся из-за стола и скрылся в доме.

– Более нелепых поминок я еще в своей жизни не видела, – обронила Сиси.

– Можно мне еще немного шампанского? – попросила я у Ма. Девчонки стали о чем-то негромко спрашивать друг друга, Тигги тихо плакала.

– Как бы мне хотелось, чтобы папа сам объяснил нам все это, – прошептала она сквозь слезы.

– Увы, это уже невозможно, родная моя, – ответила я как можно тверже и жизнеутверждающе, понимая, что еще пара минут – и все сестры с головой окунутся в атмосферу полнейшего уныния и отчаяния. – Как мне кажется, папа сделал все от него зависящее, чтобы максимально облегчить нам процедуру прощания с ним. Остается лишь смириться с неизбежным и черпать друг у друга силы, чтобы пережить наше большое горе.

Все согласно кивнули. Даже Электра. Я нежно пожала руку Тигги. В этот момент появился Гофман. Он положил на стол шесть конвертов из пергаментной бумаги. Я машинально глянула на них. На лицевой поверхности каждого ровным, четким почерком отца были написаны наши имена.

– Письма были переданы мне на хранение где-то шесть недель тому назад, – сказал Гофман. – Мне было велено в случае смерти вашего отца вручить эти письма каждой из вас.

– Мы должны вскрыть их прямо сейчас? Или можно прочитать письма попозже? К примеру, если кто-то из нас захочет сделать это в одиночестве? – уточнила я на всякий случай.

– Никаких определенных распоряжений на сей счет ваш отец мне не оставил. И каких-то специальных оговорок тоже не делал, – ответил нотариус. – Единственное, он сказал, что вы

вольны открыть письмо, адресованное вам, когда будете внутренне готовы сделать это и сами захотите ознакомиться с его содержанием.

Глянув на лица сестер, я поняла, что все они хотят прочесть письмо отца в одиночестве.

– Итак, моя миссия на сегодня завершена. – Георг Гофман кивком головы попрощался с нами, предварительно вручив каждой из сестер свою визитку и сказав, что он всегда к нашим услугам. – Но, зная вашего отца, – добавил он тут же, – я абсолютно уверен в том, что он заранее до мельчайших подробностей предусмотрел все, что вам может понадобиться. А сейчас, девочки, позвольте мне откланяться. И еще раз примите мои самые глубокие и искренние соболезнования.

Наверное, Гофману далась встреча с нами ой как непросто. Столько вокруг папиной смерти и его наследства таинственного и непонятного. Но как бы то ни было, а он со своей миссией справился вполне успешно. Я обрадовалась, увидев, как Майя поднялась, чтобы поблагодарить его от имени нас всех.

– До свидания. В случае чего вы знаете, где меня искать.

Гофман одарил всех нас грустной улыбкой, сказал, что он сам найдет дорогу, и покинул террасу.

Ма тоже поднялась из-за стола.

– Думаю, пора уже что-нибудь покушать. Скажу Клавдии, чтобы она подала ужин прямо сюда.

С этими словами Ма исчезла в доме.

Впервые за весь день я сообразила, что даже не думала все это время о еде. Мысли мои продолжали вращаться вокруг армиллярной сферы и папиных писем.

– Майя, что, если нам прямо сейчас сходить к армиллярной сфере и ты переведешь нам все те изречения, которые на ней выгравированы? Как думаешь? – поинтересовалась я у сестры.

– Конечно, так и сделаем, – согласилась со мной Майя. В этот момент на террасе появились Марина и Клавдия. Они несли тарелки и столовые приборы. – Давай сразу же после ужина, ладно?

Электра молча обозрела пустые тарелки и тут же поднялась из-за стола.

– Надеюсь, девочки, вы не будете возражать, если я покину вас? Я не голодна.

Когда Электра ушла, Сиси повернулась к Стар:

– А ты хочешь есть?

Стар крепко сжала в руке свой конверт.

– Думаю, нам все же следует перекусить, – неуверенно пробормотала она.

Ее предложение прозвучало весьма разумно, а потому, когда подали ужин, мы пятеро постарались с трудом, но загнать в себя по кусочку домашней пиццы и салат. Сразу же после ужина сестры одна за другой заторопились к себе. Всем, видно, хотелось побыть в одиночестве. За столом остались только Майя и я.

– Знаешь что, Майя? Пожалуй, я тоже пойду к себе. Улягусь пораньше спать. Что-то я чувствую себя страшно измотанной.

– Конечно-конечно! – живо откликнулась сестра. – Представляю, как тебе сейчас тяжело. Ты ведь узнала новость последней. Наверняка еще не отошла от пережитого шока.

– Думаю, ты права, – согласилась я с сестрой, поднимаясь из-за стола и целуя ее в щеку. – Доброй ночи, Майя, дорогая моя.

– И тебе доброй ночи.

Я чувствовала себя немного виноватой, что бросаю Майю за столом в одиночестве. Но мне вдруг страшно захотелось побыть одной. К тому же письмо, которое я держала в руке, буквально прожигало насквозь мои пальцы. Прикинув, где в этом доме я смогу обрести вожденный покой и умиротворение на грядущую ночь, я остановила свой выбор на собственной

детской. Там мне всегда было хорошо. Я преодолела два лестничных пролета и поднялась на третий этаж. Все комнаты девочек размещались здесь, на самом верху. Когда мы с Майей были маленькими, мы часто играли вместе, воображали себя сказочными принцессами, обитающими в волшебном замке. Моя комната была светлой, с очень простым убранством. Стены отделаны панелями из красного дерева, на окнах – занавески в сине-белую клеточку. Тигги однажды заметила, что моя детская сильно смахивает на такую старомодную каюту на каком-нибудь океанском судне. Круглое зеркало, вставленное в спасательный круг, на котором с помощью трафарета выведены слова «Алли от Сиси и Стар», было рождественским подарком, который девочки преподнесли мне много лет тому назад.

Я уселась на кровать и стала вертеть в руках конверт с письмом от отца. Интересно, мелькнуло у меня, сестры уже успели ознакомиться с письмами, адресованными им? Или еще медлят, испытывая душевный трепет при мысли о том, какие откровения их могут ждать в этих письмах? В моем конверте, помимо самого письма, лежала еще какая-то крохотная вещица, которая все время смещалась, когда я двигала конверт. Вообще-то я всегда была нетерпеливой. Первой из сестер бросалась распаковывать свой рождественский подарок или то, что мне подарили на день рождения. Вот и сейчас, разглядывая конверт со всех сторон, я почувствовала, как у меня чешутся руки поскорее вскрыть его и посмотреть, что там внутри. Я надорвала край конверта и извлекла из него плотный лист бумаги. И даже подпрыгнула от неожиданности, когда следом на одеяло вывалилось что-то небольшое и твердое. Пригляделась и еще раз вздрогнула. Это оказалась маленькая коричневая лягушка.

В первый момент мне даже показалось, что она живая. Дурацкие страхи! Я стала внимательно разглядывать ее со всех сторон. Потом взяла фигурку в руки. Желтые пятнышки на спине, добрые выразительные глаза. Я пробежала пальцами по лягушачьей спинке, пораившись тому, как удобно фигурка разместилась на моей ладони. Да, но зачем папа положил лягушку в конверт вместе с письмом? Насколько я помню, ни он, ни я никогда не интересовались лягушками. А может, это одна из таких шуток, на которые всегда был горазд Па Солт? И в своем письме он объясняет, почему так сделал.

Я взяла письмо, развернула его и начала читать.

*Атлантис
Женевское озеро
Швейцария*

Моя дорогая Алли!

Вот я пишу первые строки своего письма и явственно представляю тебя. Мою красивую, полную жизни и энергии дочь. Вижу, как ты лихорадочно скользишь взглядом по письму, чтобы побыстрее дочитать его до конца. А потом снова перечитать, но уже медленнее и вдумчивее.

В любом случае, когда ты будешь читать это письмо, меня уже больше не будет рядом с тобой. Понимаю, каким шоком это стало для тебя, для всех вас, девочек. Но я хорошо знаю, что ты у нас самый главный оптимист. Твой позитивный настрой, твоя жизненная энергия, та самая жажда жизни, которая всегда подпитывала и меня, помогут тебе достойно справиться с горем. Уверен, ты сумеешь собраться, как всегда это делала в трудные минуты, чтобы двигаться дальше. Именно так ты и должна поступить.

Пожалуй, ты из всех моих дочерей больше всего похожа на меня. Могу лишь сказать, что я всегда безмерно гордился тобой, восхищался твоими успехами. Молюсь, чтобы, несмотря на то что меня больше нет рядом с тобой, ты и дальше продолжала жить такой же наполненной и насыщенной событиями жизнью, которой жила всегда. Самый страшный враг человека – это его собственный страх. Господь одарил тебя бесценным даром: Он лишил тебя чувства

страха. Дорожи этим чувством превыше всего, моя дорогая Алли. Даже сейчас, когда ты горюешь и скорбишь. Обещаешь мне?

Причина, по которой я решил написать тебе письмо, помимо желания попроситься, вот такая. Некоторое время тому назад мне пришла в голову мысль, что пора дать вам, девочкам, какие-то наводки на предмет вашего настоящего происхождения. Что вовсе не означает, что ты должна немедленно бросить все и заняться поисками родни. Но кто знает, как повернется твоя жизнь в будущем? Вполне возможно, в один прекрасный день тебе самой захочется отыскать свои корни. Или это может понадобиться тебе по другим причинам.

Ты уже видела армиллярную сферу и те координаты, которые выгравированы на ней рядом с твоим именем. Они выведут тебя на конкретное географическое место, которое может стать отправной точкой твоего путешествия в прошлое. В моем кабинете стоит на полке книга, написанная человеком, который уже давным-давно умер. Йенс Халворсен – его имя. Из нее ты тоже узнаешь много чего интересного. Вполне возможно, прочитав эту книгу, ты захочешь более обстоятельно покопаться в своей родословной. Если так, то у тебя достаточно ума и сообразительности, чтобы решить, как наилучшим образом начать свои поиски.

Моя дорогая девочка, ты от рождения одарена многими талантами. Пожалуй, их даже слишком много у тебя, этих талантов. Во всяком случае, так мне порой казалось. Ведь при определенных обстоятельствах слишком много так же плохо, как и слишком мало. Меня также мучают угрызения совести, что той неумной тягой к морю, которую я тебе привил с раннего детства, я сбил тебя с верного пути. Не дал развиваться другим твоим талантам, которых у тебя, повторяю еще раз, в избытке. Начнем с того, что у тебя ведь самый настоящий талант к музыке. Я обожал слушать, как ты играешь на флейте. Если я действительно виноват, что не дал тебе состояться как полноценному музыканту, прости меня. Но знай, что те дни и часы, которые мы провели с тобой вместе на озере, были самыми счастливыми днями в моей жизни. Благодарю тебя за них от всего сердца.

Вместе с письмом я вложил в конверт одно из своих самых ценных сокровищ. Даже если ты не станешь разбираться со своей родословной, сбереги эту вещь. Возможно, в будущем ты передашь ее по наследству своим деткам.

Дорогая моя Алли, несмотря на то потрясение, которое ты испытываешь, читая сейчас эти строки, верю, твоя жизнестойкость и несгибаемость, воля к победе и целеустремленность помогут тебе во всем, всегда и везде. Не трать понапрасну ни секунды своей жизни. Живи полноценно и насыщено. Договорились?

Я буду следить за твоими успехами.

Твой любящий отец

Па Солт

Папа все угадал точно. Я действительно перечитала письмо дважды. Вначале просто пробежала глазами, а потом уже стала вчитываться в каждое слово. Я буду перечитывать его и в будущем, сотни, тысячи раз.

Я откинулась на кровать, все еще сжимая в руке маленькую лягушонку. Пока остается лишь гадать о том, что связывает ее с моим прошлым. Я снова стала перебирать в памяти все, что написал мне отец. Надо будет обязательно обсудить это с Тео. Уж он-то наверняка поможет мне разобраться в этих хитросплетениях. Я машинально потянулась к своей сумочке, чтобы достать из нее мобильник и посмотреть, какие эсэмэски он мне прислал. Но тут я вспомнила, что бросила сумочку в кухне, еще утром, сразу, когда приехала.

Я тихонько вышла в коридор, стараясь не потревожить никого из моих сестер. Дверь в комнату Электры была слегка полуоткрыта. Я осторожно заглянула в комнату, желая удостовериться, что сестра спит. Но Электра сидела на постели, повернувшись к мне спиной, и что-

то пила прямо из бутылки. В первый момент я решила, что это вода. Но когда она сделала еще глоток, я поняла, что она пьет водку. Вот она отняла бутылку ото рта, закрыла ее крышкой и поставила под кровать.

Я поспешно ретировалась от дверей, чтобы – не дай бог! – сестра не обнаружила моего присутствия. На цыпочках проследовала к лестничной площадке и спустилась этажом ниже, несколько растерянная от того, что только что увидела. Из нас шестерых именно Электра всегда больше всех остальных была озабочена собственным здоровьем. И вдруг я застаю ее среди ночи за распитием спиртного. Поразительно! Впрочем, все мы сейчас переживаем такой тяжелый момент в жизни, когда обычные правила поведения не срабатывают.

Немного постояв на площадке, я двинулась в сторону папиных апартаментов, расположенных на втором этаже. Внезапно мне захотелось хоть как-то ощутить его присутствие рядом с собой.

Толкнула дверь в его спальню, и слезы тут же брызнули у меня из глаз при виде его высокой односпальной кровати, на которой, скорее всего, Па Солт и испустил свой последний вздох. Эта комната кардинально отличалась от всех остальных помещений в доме. Функциональная по своему назначению, она производила впечатление совершенно пустой. Полированный деревянный пол, голый, безо всяких там ковров, простая деревянная кровать, старая прикроватная тумбочка из красного дерева. На ней стоял папин будильник. Я вдруг вспомнила, как однажды, еще будучи совсем маленькой девочкой, пробралась в папину спальню и как потряс меня тогда этот будильник. Помнится, папа даже разрешил мне немного поиграть с ним, понажимать на всякие кнопочки, послушать, как звенит звонок. А я весело хихикала всякий раз, слушая, как он звенит.

– Я завожу этот будильник каждый день, – пояснил мне отец и тут же стал заводить пружину. – Иначе он перестанет тикать.

Сейчас будильник больше не тикал.

Я пересекла комнату и уселась на папину кровать. Несмятые, накрахмаленные простыни, но я все равно осторожно погладила кончиками своих пальцев белоснежную ткань наволочки на подушке, на которой покоилась папина голова в последние мгновения его жизни.

Интересно, куда пропали папины старые наручные часы марки *Omega Seamaster*? И куда подевались остальные дорогие его сердцу вещи, которые он обычно называл «своими сокровищами»? Как сейчас помню эти выдавшие виды часы на его руке, простые, с элегантным золотым циферблатом, на обычном кожаном ремешке, который он всегда застегивал на четвертую дырочку. Однажды я подарила Па Солту на Рождество новый кожаный ремешок, и отец клятвенно заверил меня, что обязательно воспользуется моим подарком, как только старый ремешок придет в негодность. Но так и не воспользовался.

Мы с сестрами часто размышляли над тем, что, по идее, папа мог бы купить себе любые часы, какие ему только вздумается. Любой конструкции, любого модного дизайна, нацепить на руку любую престижную марку. Это же относилось и к его одежде. А он годами носил, как нам казалось, одни и те же вещи. Во всяком случае, когда не плавал где-то, а жил в Атлантике. Его старый твидовый пиджак все мы помнили с детства. Обычно под пиджаком всегда виднелась безупречно выглаженная, накрахмаленная белоснежная рубашка, скромные золотые запонки и темные брюки с по-военному отутюженными стрелками спереди венчали его наряд. На ногах – всегда одни и те же ботинки спортивного типа с начищенными до блеска носками. Что ж, папины личные потребности всегда были минимальными, подумала я, обводя взглядом комнату. Небольшой шифоньер из красного дерева и такой же крохотный комод – вот и вся мебель в папиной спальне, в которой явственно витает самый настоящий спартанский дух.

Я глянула на фотографию в рамочке, запечатлевшую Па Солта и нас, всех сестер, на его яхте «Титан». Мы сгрудились поверх каких-то ящиков. Хотя на тот момент, когда нас сфотографировали, отцу уже было далеко за семьдесят, но физически и чисто внешне он производил

впечатление гораздо более молодого мужчины. Высокий, с красивым ровным загаром, лицо хоть и в морщинах, но все равно приятное, лицо человека, которому дано стареть красиво. К тому же с широкой добродушной улыбкой, которой он улыбался в объектив, слегка опершись об ограждение яхты. А вокруг стоим все мы, его дочери. Затем взор мой упал на единственную картину в комнате, висевшую на противоположной стене, прямо напротив узкого папиного ложа.

Я поднялась с постели и подошла к картине, чтобы рассмотреть ее получше. Эскиз, выполненный углем, на котором была изображена очень красивая молодая женщина лет двадцати с небольшим. Я повнимательнее присмотрелась к выражению ее лица. Оно было грустным. Черты лица поражали своим совершенством, но казались немного великоватыми для ее узенького личика в форме сердечка. Огромные глаза уравнивались красиво очерченными, полными губками. На обеих щеках виднелись милые ямочки. Целый водопад темных вьющихся волос рассыпался по плечам. Внизу стояла чья-то неразборчивая подпись, но я не смогла прочесть ни единой буквы.

– Кто ты? – спросила я, обращаясь к картине. – И кто мой отец?

Тяжело вздохнув, я снова вернулась на кровать и свернулась калачиком. Слезы сами собой опять полились из моих глаз. Они стекали прямо на подушку, которая все еще пахла папой – легким, чистым ароматом цитрусовых.

– Я здесь, папочка! Я сейчас у тебя, – прошептала я едва слышно. – А где сейчас ты?

6

На следующее утро я проснулась в папиной кровати. Чувствовала себя словно с похмелья. Но на душе полегчало, словно что-то очистилось внутри меня. Не помнила, как и когда я уснула. Не представляла себе, который сейчас час. Я поднялась с кровати и подошла к окну. Выглянув на улицу, я подумала, что аскетизм убранства папиной спальни с лихвой компенсируется просто роскошным видом на Женевское озеро, открывающимся из окна его комнаты. Стоял прекрасный погожий день. Солнечные блики скользили по сверкающей глади озера, которое, теряясь в дымке и слева, и справа, казалось бескрайним, как океан. А чуть дальше, на самом горизонте, виднелись поросшие обильной зеленью скалы. Они плавно вздымались ввысь на противоположном берегу озера. И снова, на какие-то доли секунды, Атлантик показался мне самым настоящим волшебным замком, затерянным в таинственной глуши.

Я поднялась к себе в комнату, приняла душ и тут же снова вспомнила про Тео. Наверняка ведь волнуется, что я до сих пор не сообщила ему, как добралась домой. Наспех одевшись, я схватила свой ноутбук и побежала на кухню, чтобы забрать там мобильник. Собственно, именно за ним я вчера и спускалась вниз, но так и не дошла до первого этажа.

От Тео уже поступило несколько эсэмэсок. На сердце стало тепло, когда я прочитала их.

«Проверка связи. Люблю!»

«Доброй ночи, моя дорогая Алли. Все мои мысли сейчас о тебе и с тобой».

«Не хочу лишний раз тебя беспокоить. Позвони или пришли эсэмэску, когда сможешь. Скучаю очень».

Как трогательно. И сколько понимания в каждом слове. Тео даже не просит меня ответить ему незамедлительно. Я тут же отбила ответное послание, и все время, пока я набирала текст, улыбка не сходила с моего лица. Я вспомнила папино письмо, в котором он напутствовал меня быть кем угодно и с кем угодно.

Что ж, на данном отрезке времени я хочу быть с Тео.

На кухне Клавдия уже вовсю хлопотала возле стола, месила в миске какое-то тесто. В качестве приветствия мне была предложена чашка кофе. Я с благодарностью взяла чашку.

– Я что, первая спустилась? – спросила я у Клавдии.

– Нет, не первая. Сиси и Стар уже отбыли в Женеву.

– Вот как? – удивилась я и с наслаждением глотнула густой ароматной жидкости. – Значит, остальные еще спят?

– Скорее всего. Во всяком случае, я пока никого из них не видела, – ответила Клавдия, всецело занятая процессом взбивания теста. Она интенсивно мяла его, била своими крепкими, умелыми руками.

Я взяла свежий круассан с блюда, стоявшего посреди длинного обеденного стола, и с наслаждением впиалась в него.

– Как здорово, – пробормотала я с набитым ртом, – что мы можем и дальше продолжать бывать в Атлантике. А я думала, что дом сразу же будет выставлен на продажу.

– Да, хорошо, что все получилось по-другому. Для всех хорошо. Хочешь еще чего-нибудь? – поинтересовалась у меня Клавдия, перекладывая тесто из миски на противень, стоявший рядом с духовкой.

– Нет, спасибо.

Она коротко кивнула и, вытерев руки о фартук, вышла из кухни.

Все наше детство Клавдия была для нас, девочек, таким же неизменным атрибутом Атлантики, как Ма и Па Солт. Немецкий акцент делал речь Клавдии немного грубоватой, но все мы знали, какое доброе и любящее сердце скрывается под суровой наружностью. Полагаю, никто из нас толком ничего не знал о прошлом Клавдии. Детми, да и потом, уже повзрослев,

мы даже и думать не смели о том, чтобы начать расспрашивать, откуда она родом и как попала к нам в дом. Для всех нас, сестер, живущих в этом заколдованном царстве, где все вокруг полнилось особой таинственностью, Клавдия просто жила рядом с нами. То есть она *была* всегда, а об остальном мы предпочитали не задумываться.

Мысли мои непроизвольно переключались на армиллярную сферу и на те цифры, которые мы разглядели на ней. Интересно, какие секреты хранят в себе эти координаты? Ведь может статься, они полностью поменяют наши представления о том, что мы знаем о себе... *или не знаем вовсе*. От этой мысли мне сразу же стало немного не по себе. Но Па Солт ведь не случайно оставил их для нас, а следовательно, я должна всецело положиться на него и довериться его интуиции. Он знал, что делал. А уж каждой из нас самой решать, как воспользоваться папиными подсказками в дальнейшем. Копаться в своем прошлом или оставить все как есть.

Я достала из шкафчика ручку, взяла блокнот и покинула кухню через черный ход. Вышла на улицу и зажмурилась от яркого утреннего солнца. Свежий прохладный воздух приятно охлаждал кожу. Трава радовала глаз своей свежестью. На ней еще переливались капельки росы, не успевшие просохнуть под первыми лучами солнца. Сад раскинулся предо мной во всем его утреннем великолепии. Прозрачную тишину, царившую вокруг, нарушали лишь редкие трели птиц, круживших в воздухе. Чайки пикировали с высоты прямо в озеро, а следом слышался легкий всплеск.

Я обошла дом, свернула за угол и побрела тем же маршрутом, которым мы вчера прошествовали к любимому папиному месту в саду. И невольно восхитилась, сколько новых соцветий роз распустилось на кустах за ночь. И множество бутонов, которые тоже вот-вот готовы лопнуть. Утренний воздух был буквально напоен их благоухающим ароматом.

Золотистый шар, закрепленный по центру армиллярной сферы, искрился на солнце. Длинные заостренные тени легли на металлические полосы. Я смахнула рукавом росу с той полосы, на которой было выгравировано мое имя, поводила пальцем по надписи на греческом языке. Интересно, что она означает? И как давно папа решил соорудить у себя в саду такой своеобразный памятник?

Но времени на медитации не было. Я принялась за работу. Тщательно переписала все координаты для всех шести сестер. И старательно гнала от себя при этом всякие пустопорожние мысли на предмет того, куда конкретно могут привести означенные цифры каждую из нас. Особенно меня. Снова пересчитав все полосы, я обнаружила кое-что интересное. Оказывается, есть еще и седьмая полоска, на которой выгравировано лишь одно слово: Меропа.

– Наша недостающая седьмая сестра, – прошептала я едва слышно. И снова удивилась. Зачем папе вздумалось помещать это имя на армиллярную сферу? Ведь он был уже слишком стар для того, чтобы брать на воспитание еще одну девочку. *Слишком много тайн*, размышляла я, возвращаясь в дом. *И нет никого, кто бы смог ответить на мои вопросы*.

На кухне я устроилась за столом, открыла ноутбук, положила прямо перед собой листок со своими координатами и подключила интернет. В ожидании сигнала, оповещающего, что связь установлена, умяла еще один круассан, нетерпеливо поглядывая на дисплей. Но интернет, судя по всему, решил устроить себе небольшие каникулы и совсем не торопился прийти мне на помощь. Зато вместо него вдруг открылась памятка для начинающих пользователей. Но наконец интернет все же изволил заявить о готовности приступить к работе. Я тут же просмотрела сайты, где можно ввести координаты для поиска того или иного места, и остановила свой выбор на сайте «Земля Гугл». Решила провести поиск координат для всех шестерых по старшинству, оставив себя на закуску. Набрала координаты Майи и уставилась на экран, наблюдая за тем, как с жужжанием вращается на нем глобус. Но вот жужжание прекратилось, глобус замер на месте искомым координат.

– Yay! – издала я восхищенный возглас. – А ведь сработало же!

В течение последующего часа я с головой ушла в поиски. На кухне снова возникла Клавдия, стала готовить ленч, а я в это время старательно фиксировала поступающие сигналы, помечала у себя в блокноте конкретные факты о каждой группе координат. Определила все, за исключением своей собственной.

Наконец набрала и те цифры, которые стояли рядом с моим именем, и стала ждать затаив дыхание, пока компьютер на моих глазах совершит очередное чудо.

– Господи! – пробормотала я в некоторой растерянности, ознакомившись с подробностями.

– Что-что? – переспросила меня Клавдия.

– Да это я так, про себя, – откликнулась я, переписывая местонахождение координат в блокнот, лежавший рядом.

– Позавтракать хочешь, Алли?

– Да, с большим удовольствием. Спасибо, Клавдия, – ответила я рассеянно, все еще перебивая только что полученную информацию. Результатом поиска моих координат стал какой-то художественный музей. Полнейшая бессмыслица. Впрочем, координаты всех моих сестер выявили не менее странные места.

Вошла Тигги и с порога приветливо улыбнулась мне.

– Значит, завтракать мы будем только вдвоем? – спросила она у меня.

– Судя по всему, да.

– Прекрасно! – воскликнула она, подсаживаясь к столу.

Исподтишка разглядывая сестру, я подумала, что, несмотря на все ее причудливые духовные поиски, можно только позавидовать той внутренней гармонии, в которой она постоянно пребывает. Все ее убеждения зиждятся на твердой уверенности в том, что в жизни есть вещи и поважнее, чем сама жизнь, о чем Тигги не раз говорила всем нам. Глядя на сестру, я невольно восхитилась свежестью ее лица и здоровым блеском густых каштановых волос. Наверняка это высокогорный шотландский воздух так благотворно действует на нее. Безмятежное выражение добрых карих глаз тоже успокаивало.

– Как ты, Алли? – поинтересовалась сестра у меня.

– Более или менее в порядке. А ты?

– Тоже стараюсь как-то совладать со своими эмоциями. Но знаешь, у меня такое чувство, что папа где-то здесь, рядом. – Она вздохнула и взъерошила кудри на голове. – Будто бы он и не умирал вовсе.

– К великому сожалению, папы здесь больше *нет*, Тигги.

– Все так. Но если ты не можешь видеть человека, то это вовсе не означает, что он больше не существует.

– В принципе, да, – поспешно отреагировала я, не желая вступать с Тигги в дальнейшие дискуссии по поводу ее эзотерических взглядов. Не то сейчас у меня настроение, чтобы углубляться в дебри эзотерики. Единственный способ побыстрее смириться с уходом отца, подумала я, это взять себя в руки и воспринять его смерть как данность.

Клавдия прервала наш разговор, поставив на стол блюдо с салатом «цезарь».

– Хватит на всех шестерых, – прокомментировала она. – А если больше никто не спустится к завтраку, то останется еще и на ужин.

– Спасибо! – отозвалась я и стала накладывать салат. – Кстати, – снова обратилась я к Тигги. – Я расшифровала все ваши координаты с помощью программы «Земля Гугл». Хочешь узнать про свои, Тигги?

– Со временем, наверное, захочу. Но только не сейчас. То есть я хочу сказать, какое это все имеет значение?

– Если честно, то и сама не знаю.

– Какая мне разница, кто я и откуда родом. Меня вырастили Па Солт и Ма. Сделали из меня то, чем я сегодня являюсь. Может быть, когда-нибудь у меня и возникнет желание покопаться в собственной родословной. И тогда я... – Тигги снова тяжело вздохнула. На ее лице отразилось смутение. – Но пока... пока я и думать об этом не хочу. Мне все равно, откуда я родом и кто я есть на самом деле. Па Солт – это мой отец. Единственный! Я и думать не хочу ни о ком другом.

– Понимаю тебя, Тигги. Очень даже понимаю. Но скажи мне, так, из чистого любопытства... Что ты думаешь о нашем отце? – спросила я у сестры, когда мы обе приступили к еде.

– Затрудняюсь ответить, Алли. Одно знаю точно. Он никуда не ушел. На все сто процентов уверена в этом.

– Не ушел для тебя? То есть он существует где-то в твоём мире. А в моём?

– Не вижу разницы, Алли. Я хочу сказать, что для меня никаких принципиальных различий здесь нет, – добавила она поспешно, видно торопясь предугадать мою ответную реакцию. – Все мы, каждый из нас, представляем собой сгусток энергии. И каждая вещь вокруг нас тоже несет в себе свою порцию энергии.

– Ну если смотреть на мир под таким углом, тогда конечно, – ответила я, невольно расслышав в собственном голосе циничные нотки. – Понимаю, твои верования помогают тебе, Тигги. Но лично мне они не подходят. Особенно сейчас, когда Па Солт только-только упокоился на дне морском.

– Понимаю тебя, Алли. Но колесо жизни тем не менее продолжает вращаться. Так уж устроена природа, и здесь мало что зависит от нас, простых смертных. Роза в положенный срок превращается из бутона в пышный цветок, потом увядает, а рядом с ней появляется новый бутон. И так будет всегда. Такова жизнь. Вот и ты, Алли, – Тигги глянула на меня своими добрыми глазами, и легкая улыбка скользнула по ее устам. – Глядя на тебя, я буквально кожей чувствую, что, несмотря на все то ужасное, что случилось в нашей семье, в твоей жизни сейчас происходит что-то очень-очень хорошее.

– Правда? – Я бросила на сестру подозрительный взгляд.

– Да. – Тигги положила руку поверх моей. – Вот и наслаждайся мгновением, Алли, пока есть такая возможность. Поверь, ничто не вечно в этом мире. Да ты и сама это прекрасно знаешь.

– Знаю, – отозвалась я, чувствуя собственную незащищенность и уязвимость под столь пронизательным взглядом сестры, от которого ничего не укрылось. Как точно она все поняла и прокомментировала. Я поспешила переменить тему разговора: – Ну а как у тебя дела?

– Я... у меня все хорошо. Да, у меня все хорошо, – повторила она с некоторым вызовом в голосе, словно пытаясь убедить в этом саму себя. – Все отлично.

– По-прежнему возишься со своими оленями в заповеднике?

– О, я просто обожаю свою работу! Она мне идеально подходит, хотя днями напролет кручусь как белка в колесе. Ни минуты свободной. Работников катастрофически не хватает. Штат урезан до минимума. Что лишний раз напоминает мне, что я должна как можно скорее вернуться к себе в Шотландию. Я уже посмотрела по интернету расписание ближайших авиарейсов. Сегодня после обеда улетаю. Кстати, Электра тоже уезжает. В аэропорт мы поедем вместе.

– Так скоро?

– Да. А что здесь делать? Уверена, папа будет только рад тому, что мы снова вернемся к своим делам и проживем каждая своей жизнью. Что толку бесцельно бродить по дому, накручивать себя и заходиться от жалости?

– Наверное, в чем-то ты права, – согласилась я с сестрой. Впервые за последние дни я вдруг смогла отрешиться от всего того страшного, что обрушилось на нашу семью, и тоже

подумать о будущем. – Меня, между прочим, пригласили в состав одного из экипажей для участия в парусных гонках Киклады. Они стартуют буквально через несколько дней.

– Вот и отлично, Алли! – совершенно искренне обрадовалась за меня Тигги. – Вперед, к новым победам!

– Может, я так и сделаю, – пробормотала я в задумчивости.

– Хорошо! А мне пора идти укладывать вещи. А потом еще надо попрощаться с Майей. Ей из нас шестерых досталось больше всего. Она, бедняжка, ходит совершенно потерянная. Словно в воду опущенная.

– Вижу. Что ж, возьми пока свои координаты, так, на всякий случай. Вдруг пригодятся? – Я протянула Тигги листок бумаги с расшифровкой тех цифр, которые были выбиты на армиллярной сфере рядом с ее именем.

– Большое спасибо.

Я молча проследила глазами за тем, как Тигги поднялась из-за стола и направилась к дверям. Немного замешкалась на пороге, глянув на меня сочувственным взглядом.

– И помни, я нахожусь от тебя всего лишь на расстоянии одного телефонного звонка. Если что нужно, пожалуйста, звони немедленно.

– Спасибо, Тигги. И ты тоже звони, не забывай.

Я помогла Клавдии помыть посуду, а потом потащила к себе наверх, прикидывая по дороге, что, наверное, и мне тоже стоит подумать об отъезде из Атлантиды. Тигги права, здесь больше делать нечего. А вот перспектива снова оказаться на воде, не говоря уже о том, что рядом будет Тео, воодушевила меня настолько, что я снова метнулась вниз, на кухню, включила ноутбук и стала изучать расписание авиарейсов до Афин на ближайшие двадцать четыре часа. На кухне я застала Ма. Она стояла у окна, повернувшись ко мне спиной, погруженная в глубокие раздумья. Наверняка не очень веселые. Но, услышав мои шаги, она тут же отвернулась от окна и даже постаралась изобразить на лице некое подобие улыбки. Однако глаза ее по-прежнему были печальны.

– Здравствуй, милая, – поздоровалась она со мной. – Ну как ты сегодня?

– Вот прикидываю, когда будет удобнее улететь обратно в Афины, чтобы принять участие в регате Киклады. Но если честно, то мне не хочется оставлять тебя и девочек здесь одних. Особенно Майю.

– А я думаю, что это отличная мысль – принять участие в соревнованиях. Наверняка и отец, будь он жив, посоветовал бы тебе то же самое. А за Майю можешь не волноваться. Я присмотрю за ней, обещаю. Я ведь всегда рядом.

– Знаю-знаю, – растроганно проговорила я, а про себя подумала: не всякая родная мать способна излить на собственное чадо столько любви и нежности, сколько изливала и продолжает изливать на всех нас Ма. А какой поддержкой для каждой из нас была она на всех этапах нашего становления. Трудно даже представить более заботливую мать.

Я поднялась из-за стола, подошла к Ма и крепко обняла ее, слегка раскачивая ее в своих объятиях.

– Ма, не забывай, пожалуйста, что мы тоже всегда рядом с тобой.

Я поднялась наверх, чтобы отыскать Электру и успеть вручить ей до отъезда ее координаты, которые я уже расшифровала. Постучала в дверь ее спальни, Электра открыла мне, но не пригласила войти.

– Привет, Алли. Я тороплюсь. Укладываю вещи.

– Я на секунду. Принесла тебе твои координаты с армиллярной сферы. Вот, возьми.

– А зачем они мне? Если честно, Алли, то что за цирк устроил наш отец? Такое впечатление, что он вздумал поиграть с нами с того света, – мрачно бросила в ответ сестра.

– Нет, Электра. Он просто подумал, что пора нам знать, кто мы есть на самом деле и откуда родом. Вот и решил дать кое-какую информацию на случай, если она нам вдруг понадобится.

– Так разве нельзя это было сделать по-человечески? Как все нормальные люди? Подробно изложить факты на бумаге, а не отправлять нас на поиски каких-то мифических сокровищ, чтобы мы начали копать корни вокруг своего генеалогического древа. Ей-богу, этот человек привык всегда и все держать под своим неусыпным контролем!

– Прекрати, Электра! Вполне возможно, папе не хотелось открывать нам тайны нашего рождения прямо сейчас, немедленно. А вдруг мы и *не захотим* их знать? Поэтому он просто скинул нам кое-какую информацию, которая со временем поможет нам выяснить и все остальное, если мы изъявим такое желание.

– Кто-кто, а я так точно не изьявлю! – бесстрастно отчеканила Электра.

– Чего ты злишься на отца? – спросила я у сестры как можно ласковее.

– Ничего я не злюсь! Просто я... – Я увидела смятение в ее взгляде, в красивых глазах янтарного цвета застыла боль. – Ладно! Я... я... – Она пожала плечами и обреченно покачала головой. – Сама не знаю...

– В любом случае возьми! – Я сунула конверт ей в руки, по опыту зная, что пространные разговоры с сестрой не сулят ничего хорошего. – Если захочешь, можешь выбросить их. В конце концов, никто не заставляет тебя заниматься дальнейшими поисками.

– Спасибо, Алли. И прости меня.

– За что? Ты ни в чем не виновата передо мной, Электра. Но у тебя все в порядке?

– Я... да. Все в полном порядке. А сейчас прости, но мне нужно укладываться. Увидимся позже.

Она захлопнула дверь прямо перед моим носом. Делать было нечего. Я пошла к себе, пребывая в полной уверенности, что Электра только что солгала мне.

* * *

После обеда мы вчетвером, Майя, Стар, Сиси и я, отправились на пристань проводить Электру и Тигги. Майя вручила им переведенные ею те изречения на греческом, которые были выгравированы на армиллярной сфере рядом с их именами.

– Пожалуй, нам со Стар тоже пора в дорогу, – обронила Сиси, когда мы уже возвращались в дом.

– Вот как? – удивилась Стар. – Разве мы не можем задержаться в Атлантиде еще на пару днейков?

А я, как всегда, не преминула отметить про себя, какие они разные, эти две сестры, во всем, даже чисто внешне. Стар, высокая, худенькая до прозрачности, с белокурыми волосами и такой же белоснежной кожей, и Сиси, смуглая, крепенькая, коренастая.

– А смысл торчать здесь? – тут же возразила она сестре. – Папы больше нет, с нотариусом мы все свои дела утрясли. Надо срочно ехать в Лондон и подыскивать там подходящее жилье.

– Ты права, – вздохнула в ответ Стар.

– А чем ты собираешься заниматься в Лондоне, пока Сиси будет изучать живопись в академии искусств? – поинтересовалась я у нее.

– Пока еще не знаю, – призналась Стар, глянув исподтишка на Сиси.

– Но ты же хотела пойти на курсы Кордон Блю, изучать французскую кухню, – немедленно отреагировала та. – Забыла уже? – Сиси повернулась к нам с Майей. – Стар у нас замечательно готовит, между прочим.

Сиси потащила сестру в дом, чтобы вместе посмотреть по интернету ближайшие рейсы до Лондона. Мы с Майей обменялись многозначительными взглядами.

– Можешь ничего не говорить, – сказала Майя, когда девочки удалились от нас на значительное расстояние. – Я все вижу.

Мы поднялись на террасу, занятые обсуждением того, какие странные взаимоотношения связывают этих двоих, Сиси и Стар. Они всегда, с самого раннего детства, были неразлучны. Пожалуй, даже слишком неразлучны. Оставалось лишь надеяться на то, что, когда Сиси с головой уйдет в свои занятия живописью, ее доминирующее влияние на Стар немного ослабеет.

Я бросила взгляд на бледное, осунувшееся лицо Майи и поняла, что она и не завтракала, и не обедала. Оставив ее на террасе, я бросилась на кухню и попросила Клавдию приготовить ей что-нибудь перекусить. Клавдия понимающе кивнула головой и тут же принялась мастерить сэндвичи для Майи. А я снова вернулась на террасу.

– Майя, прости, если мой вопрос покажется тебе бесцеремонным, но ты уже прочитала папино письмо? – осторожно спросила я.

– Да, прочитала. Сегодня утром.

– Судя по всему, оно тебя сильно расстроило, да?

– Вначале – да. Но сейчас со мной все в порядке, Алли, – поспешила заверить меня сестра. – А ты уже прочитала свое письмо?

Вопрос был задан отрывисто, и я поняла, что Майя не хочет продолжения этого разговора.

– Да, прочитала. Папа написал мне такое красивое письмо. Я читала и плакала. Но, как ни странно, оно воодушевило меня. Кстати, я все утро занималась поиском в интернете наших координат. Сейчас я точно знаю, откуда родом каждая из нас. Некоторых, правда, подстерегают сюрпризы. Могу поделиться с тобой своими сведениями, – сказала я, наблюдая за тем, как появившаяся на террасе Клавдия водрузила на стол тарелку с бутербродами, а потом тихо ретировалась к себе на кухню.

– Так ты знаешь, где все мы появились на свет? – недоверчиво воскликнула Майя. – И можешь сказать, где, к примеру, родилась я?

– Да, могу. Точнее, я могу назвать то место, откуда Па Солт в свое время забрал нас. Если хочешь знать, я назову место твоего рождения, Майя, прямо сейчас. Или могу оставить тебе всю информацию. Потом сама изучишь ее на досуге.

– Я... я пока не уверена, что хочу этого.

– Одно могу сказать. Папа исколесил весь земной шар, отыскивая нас, – неловко пошутила я.

– Так ты уже знаешь, откуда родом сама? – спросила у меня Майя.

– Знаю. Правда, пока все это представляется мне абсолютной бессмыслицей.

– А другие девочки? Ты уже сказала им, что знаешь их места рождения?

– Нет, но я объяснила каждой, как можно расшифровать свои координаты с помощью программы «Земля Гугл». Могу и тебе объяснить. Или просто назову то место, где папа нашел тебя.

– Пока, Алли, я не уверена, что хочу этого. – Сестра опустила глаза в пол.

– Что ж, тогда поищешь сама, когда захочешь. Все это делается довольно просто.

– Так я и поступлю, когда придет время, – ответила Майя.

Я сказала ей, что напишу короткую инструкцию, как именно следует осуществлять поиск координат, хотя в глубине души сильно сомневалась, что Майя станет читать ее.

– Кстати, а ты перевела уже все изречения с армиллярной сферы? – поинтересовалась я у нее.

– Да, все до единого.

– Ой, как же мне хочется узнать, что именно папа написал для меня! Пожалуйста, скажи мне.

– Наизусть не помню, но сейчас схожу к себе в Павильон и перепишу твой текст, – пообещала Майя.

– Получается, что мы с тобой на пару можем обеспечить остальных сестер всей необходимой информацией, какая им потребуется, если они захотят покопаться в своем прошлом.

– Получается, что так. Но мне кажется, еще слишком рано начинать думать о том, как воспользоваться папиными подсказками для подобных изысканий.

– Наверное, ты права. – Я вздохнула и вдруг вспомнила Тео, подумала о том, что ждет нас с ним в ближайшие недели. – Тем более что у меня впереди парусные гонки Киклады. Поэтому мне тоже нужно поторопиться с отъездом, чтобы своевременно влиться в команду. Признаюсь, Майя, после того, что я увидела в Эгейском море два дня тому назад, возвращение на воду наверняка дастся мне нелегко.

– Могу представить себе, Алли, твое душевное состояние. Но я уверена, у тебя все получится. Вот увидишь! – заверила меня сестра.

– Надеюсь. Но еще никогда перед соревнованиями я не испытывала такой мандраж, как сейчас.

Чистосердечное признание во всех страхах, обуревающих меня в последние дни, стало большим облегчением. Ведь всякий раз, когда в моей памяти всплывало слово «Киклады», я тут же представляла себе гроб с телом отца, который покоится где-то на дне морском приблизительно в этой же акватории Эгейского моря.

– Ты отдала столько сил, Алли, совершенствуя свое искусство яхтсмена на протяжении многих и многих лет. Не поддавайся слабости! Ты должна выиграть эту гонку ради папы. Его бы сильно расстроило, если бы он узнал, что ты потеряла веру в себя, – приободрила меня сестра.

– Ты права, – согласилась я с ней. – Ну а как ты? Не боишься остаться здесь в полном одиночестве?

– Не боюсь. За меня, пожалуйста, не беспокойся. Рядом со мной Ма, у меня есть работа. Так что все в порядке. Со мной все будет хорошо.

Я помогла Майе доесть бутерброды, взяла с нее честное слово постоянно быть со мной на связи и даже пригласила ее к себе в гости. Приехать в конце лета, поплавать вместе со мной на яхте, хотя и знала заранее, что сестра вряд ли откликнется на мое приглашение.

На террасу выбежала Сиси.

– Мы успели заказать два билета на ближайший рейс до аэропорта Хитроу. Через час с небольшим Кристиан повезет нас в Женеву.

– Пойду и я посмотрю, есть ли что-нибудь подходящее на это же время до Афин, – сказала я. – Тогда поедem вместе. Майя, не забудь про изречение для меня, ладно? – крикнула я уже у дверей и тут же ринулась к своему ноутбуку.

Отыскала то, что мне подходит. Последний вечерний авиарейс. И побежала складывать вещи. Обвела свою комнату глазами, проверяя, не забыла ли чего. И тут мой взгляд сам собой упал на флейту, сиротливо примостившуюся в футляре на одной из полок. Я уже давно не брала ее в руки. Внезапно в моей памяти всплыли строки из папиного письма, и так же внезапно пришло решение. Забираю флейту с собой. Тео ведь сказал, что хотел бы послушать, как я играю на флейте. Немного попрактикуюсь, а потом, вполне возможно, и сыграю ему. Я спустилась вниз, чтобы найти Ма и попрощаться с ней.

Она крепко обняла меня и прижала к себе, потом расцеловала в обе щеки.

– Береги себя, милая, и, пожалуйста, при первой же возможности навещай. Не забывай, ладно?

– Не забуду, обещаю, Ма, – заверила я Марину. А потом мы с Майей направились к пристани.

– Удачи тебе на предстоящих соревнованиях, – сказала она, вручая мне конверт с переведенным изречением. Интересно, что там отец подобрал для меня?

Мы обнялись в последний раз, и я торопливо вскарабкалась на борт катера, где меня уже поджидали Сиси и Стар. Мы еще раз помахали на прощание Майе, и Кристиан включил двигатель. Оттолкнувшись от причала, катер стремительно понесся вперед по озеру, а я вдруг вспомнила, как Па Солт часто повторял мне, что никогда нельзя оглядываться назад. Однако в глубине души я знала, что стану оглядываться в то время, которое прожила в Атлантиде, снова и снова. Вспоминать все то, что *было* и чего уже больше нет. Я переместилась от девочек в носовую часть катера, продолжая сжимать в руке конверт, который мне отдала Майя. Почему-то мне показалось, что правильнее всего прочитать папино напутствие прямо сейчас, пока я все еще нахожусь на водах Женевского озера. Сколько счастливых дней и часов провели мы вместе с ним, бороздя эти воды под парусом. Я вскрыла конверт и достала оттуда листок бумаги.

«Именно в минуты слабости ты обрешь свои главные силы».

Атлантис уже скрылся из виду, и дом нельзя было разглядеть за густыми деревьями, окружившими его со всех сторон. Я еще раз перечитала папину сентенцию и мысленно взмолилась, обращаясь к нему:

«Папа! Дай мне силы и мужество все перенести и жить дальше».

7

Тео прислал эсэмэску, что будет встречать меня в афинском аэропорту. Едва я вышла вместе со всеми остальными пассажирами в зал ожидания, как он бросился навстречу, обнял, с тревогой заглядывая мне в глаза.

– Дорогая моя! Я весь извелся за эти дни, переживал за тебя. Ну как ты? Бедняжка! Пережить такое сильное потрясение... Мне даже кажется, что ты похудела, – добавил он, пройдясь рукой по моим ребрам. Потом подхватил мой рюкзак, и мы вышли на улицу. Ночные Афины тонули в крошечной тьме, но по-прежнему было душно и жарко.

Мы уселись в такси. Неудобные пластиковые сиденья плюс устоявшийся запах табака, которым пропах весь салон автомобиля. Водитель тронул машину с места и направился в Фалиро, ближайший к центру Афин приморский район, откуда и должны будут стартовать гонки Киклады.

– Я вполне серьезно предлагаю тебе подумать о том, чтобы отказаться от участия в гонках, – обратился ко мне Тео, пока машина неслась по улицам ночного города. – Как-нибудь управимся и без тебя.

– Как это понимать? Как оскорбление? Или как комплимент? – тут же возмутилась я.

– Исключительно как комплимент. Ведь ты же – душа нашего коллектива. Но учитывая, как я люблю тебя, плюс все то, что случилось в твоей жизни за последние дни, я не хочу давить на тебя никоим образом. Тебе совсем не нужны дополнительные нагрузки.

«Как я люблю тебя!» Всякий раз, когда я слышу, как Тео произносит эти слова, так естественно, так легко, как нечто само собой разумеющееся, меня охватывает сладостная истома. И вот Тео сидит рядом со мной, держит меня за руку и снова повторяет их. Я тоже люблю его! Люблю за честность, за открытость, за отсутствие лукавства и какого бы то ни было притворства. Как-то в один из тех волшебных дней, что мы провели вместе на его яхте «Нептун», еще до того, как на меня обрушилось известие о смерти Па Солта, Тео признался, что я разбила ему сердце. Что ж, сейчас он нашел ему равноценную замену. Ибо я без колебаний готова отдать ему свое сердце.

– Знаешь, что я думаю? Папа бы захотел, чтобы я приняла участие в этих гонках. Чтобы я снова вернулась на воду и окунулась в свою обычную жизнь. Вместо того чтобы бесцельно слоняться по дому и хныкать. И конечно, он был бы только рад, если бы я одержала победу.

– Алли! – Тео сильно сжал мою руку. – Мы обязательно победим! Обещаю тебе! Ради него.

На следующее утро, присоединившись к остальным членам экипажа, чтобы начать последние перед соревнованиями тренировки на воде, я поразила общему боевому настрою команды. Все как один были нацелены только на победу. Меня тронуло их молчаливое участие в моем горе. Все буквально лезло из кожи вон, чтобы максимально облегчить мне жизнь. Киклады – отнюдь не самые напряженные гонки среди других парусных регат, в которых мне доводилось участвовать. Они длятся всего лишь восемь дней, из них – перерыв на сутки и день отдыха на каждом из островов, где мы будем делать остановки.

Тео сразу же обратил внимание на то, что я привезла с собой флейту.

– Возьми ее на яхту, – попросил он. – Будешь наигрывать нам серенады и тем самым воодушевлять нас на победу, – пошутил он.

В самый первый день соревнований, когда на рассвете, величественном и прекрасном, мы вышли в открытое море, я поднесла флейту к губам и, улыбнувшись Тео, стала импровизировать, наигрывая «Фантазию» на тему Томаса Таллиса в обработке для духовых. Эта мелодия стала очень популярной после того, как прозвучала в эпической кинодраме режиссера Питера

Уира «Хозяин морей». При первых же звуках флейты Тео ободряюще улыбнулся в ответ из-под козырька защитного шлема. Кажется, он по достоинству оценил шутливый намек, содержащийся в выборе произведения. Под звуки флейты мы плавно вошли в бухту острова Милос. Ребята бурно аплодировали моему выступлению, а для меня оно стало своеобразной данью памяти отцу.

Первый этап гонок мы выиграли, на втором этапе пришли третьими, а на третьем – вторыми. Что вывело нас в общем зачете на первое место, которое мы разделили с греческой командой. Предпоследнюю ночь соревнований мы провели в порту Финикас на острове Сирос, небольшом таком греческом островке, совершенно идиллическом месте. Местные жители тут же прямо в гавани накрыли угощение для всех участников соревнования. После ужина Тео собрал нас для последнего инструктажа.

– Джентльмены! И вы, леди, тоже. Понимаю, что вы считаете меня занудой и диктатором, но как капитан команды я обязан проследить за тем, чтобы все вы хорошенько выспались в последнюю ночь соревнований. Сегодня у нас ранний отбой. Пусть наши главные соперники, – Тео выразительно кивнул в сторону уже изрядно охмелевших членов греческого экипажа, которые оживленно хлопали друг друга по плечам, танцуя под аккомпанемент бузуки свой знаменитый танец сиртаки, – веселятся напропалую. А мы в это время будем спать крепким сном младенцев. Зато завтра встанем свеженькими, отдохнувшими, готовыми их уделать по полной. Договорились?

Послышались отдельные недовольные стоны, однако экипаж в полном составе послушно вернулся на яхту, а там ребята разошлись по своим каютам.

Учитывая ту тесноту, которая царила на яхте, мы с Тео придумали специальную уловку, которая бы позволила нам провести хотя бы несколько мгновений наедине друг с другом, не вызывая при этом подозрений у остальных членов команды. Будучи единственной представительницей слабого пола на борту яхты, я получила в свое распоряжение не только крохотную, душную, но и отдельную каюту в носовой части судна. Тео же, как правило, устраивался на ночлег на скамье, установленной на гичке.

Я терпеливо выжидала до тех пор, пока все ребята не отметятся в тесной подсобке, оборудованной под туалет и душевую одновременно. И вот, когда все затихало, я крадучись в полной темноте поднималась наверх, где меня уже ждала теплая рука Тео, мгновенно притягивающая к себе. После чего мы минут пять нервно обжимались, словно перепуганные подростки, боящиеся быть застигнутыми врасплох своими родителями. По окончании, так сказать, сеанса связи я, чтобы обеспечить себе стопроцентное алиби, шла на гичку, открывала там портативный холодильник, извлекала из него бутылку с водой, а затем возвращалась к себе в каюту, нарочито громко хлопая дверью. Мы с Тео были абсолютно уверены в том, что наш план хитроумен настолько, что никто из ребят ни за что не догадается о нашем романе. Вот и в эту последнюю ночь перед финишем Тео прижал меня к себе и стал целовать с такой горячностью, что у меня даже голова немного закружилась.

– Надеюсь, после того, как завершится регата, ты готова провести со мной в постели целые сутки, чтобы я смог утолить тот голод, который терзает меня последние несколько дней? – страстно простонал он.

– Слушаюсь, мой капитан. Все, что прикажешь. Но подумай сам. Разве это справедливо – приказывать членам своей команды отправляться спать чуть не засветло, а самому в это время предаваться любовным утехам? Вы, мой капитан, нарушаете собственные приказы, – прошептала я ему на ухо, убирая его руку, которой он жадно шарил по моей левой груди.

– Ты, как всегда, права, моя Джульетта. А потому прочь с моих глаз, и поскорее. Иначе я, снедаемый похотью, за себя не ручаюсь.

Я издала короткий смешок, поцеловала Тео еще раз и высвободилась из его объятий.

– Люблю тебя, душа моя. Сладких тебе снов, любимая.

– И я тебя люблю, – прошептала я в ответ.

* * *

Драконовские дисциплинарные меры, которые взял на вооружение Тео, принесли свои плоды. Конечно, вырвать победу у греков, которые на всех этапах гонок шли с нами, что говорится, ноздря в ноздю, было ой как непросто. Но, как шутливо заметил Тео, когда в субботу мы первыми пересекли финишную черту в бухте Вульямени, опередив греческий экипаж по крайней мере минут на пять, с ними сыграла злую шутку их любимая водка «узо». На торжественной церемонии закрытия ребята под вспышки многочисленных фотокамер водрузили наш победный лавровый венок мне на голову, облив всех остальных шампанским. Когда бутылка дошла наконец и до меня, я молча вскинула ее в воздух, салютуя отцу. Эту свою победу я посвятила Па Солту.

«Как я скачаю по тебе!» – мысленно воскликнула я, обращаясь к небесам.

После праздничного ужина Тео, еще сидя за столом, взял меня за руку и рывком поставил на ноги.

– Поднимаю тост за нашу Алли. С учетом всего, что случилось в ее жизни в последние дни, думаю, вы все согласитесь со мной, она была неподражаема.

Ребята дружно подняли свои бокалы, а у меня от их искреннего проявления симпатии ко мне на глаза навернулись слезы.

– И второе, что я хочу сказать вам. Приглашаю вас всех в состав своего будущего экипажа на предстоящих гонках Фастнет. Они состоятся в августе. Я предполагаю выступать на яхте «Тигрица». Это будет ее дебют на воде. Наверное, кое-кто из вас уже слышал о ней. Принципиально новая модель, новый, так сказать, бренд. Она совсем недавно сошла со стапеля. Но я уже ее видел и могу сказать лишь одно: эта красавица обязательно приведет нас к еще одной победе. Так как вам мое предложение?

– «Тигрица»? – взволнованно воскликнул Роб. – Я в игре!

Остальные ребята откликнулись на предложение Тео с не меньшим энтузиазмом.

– Меня ты тоже приглашаешь? – тихонько поинтересовалась я у него.

– Само собой!

С этими словами Тео повернулся ко мне, обвил руками и крепко поцеловал в губы.

Что вызвало новую бурю восторгов. А я поспешно отстранилась от него, покраснев до корней волос.

– И последнее мое объявление на сегодня. Объявляю, что отныне мы с Алли – пара. Если у кого есть какие вопросы по этому поводу, прошу спрашивать не стесняясь.

Я увидела, как мальчишки лишь лениво переглянулись между собой.

– Тоже мне новость! – со вздохом бросил Роб.

– Да уж! Нашли, чем удивлять! – поддержал его Ги.

Мы с Тео в изумлении уставились на ребят.

– Так вы все знали? – воскликнул ошарашенный Тео.

– Прости нас, капитан, – ответил Роб. – Но с учетом того, что последние несколько дней мы терлись друг с другом, как говорится, задница о задницу, и при этом никто из нас не смел даже ненароком прикоснуться к этой части тела Алли, не рискуя получить в ответ затрещину, и уж тем более никто не смел заслужить сладкие объятия и поцелуи на ночь, как некоторые, вывод напрашивается сам собой. Не надо отличать особую гениальностью, чтобы догадаться. Вот мы и догадались обо всем уже давным-давно.

– О! – только и нашелся в ответ Тео, еще крепче прижимая меня к себе.

– Ступайте к себе в комнату! – прокричал Ги, наблюдая за нашими нежностями. Остальные ребята тоже не преминули рассыпаться во всяческих двусмысленных шуточках.

Тео снова поцеловал меня, а я от стыда готова была провалиться сквозь землю. Вот как быстро ребята нас вычислили, подумала я. Воистину, любовь слепа.

Словом, комнатой мы обзавелись. Сняли номер в отеле в бухте Вульямени. Тео сдержал слово, и нам действительно было чем заняться в последующие двадцать четыре часа. Лежа в кровати, мы строили планы на предстоящие гонки Фастнет и так, на более отдаленную перспективу.

– То есть ты согласна плыть со мной на «Тигрице»?

– На сегодняшний день – да. Раньше мы с сестрами в августе совершали небольшой круиз на папиной яхте «Титан». Собирались все вместе, устраивали себе такие каникулы. – Я нервно сглотнула слюну при мысли о «Титане». – А сейчас август у меня свободен. В сентябре отборочные соревнования. Если все пройдет успешно, то начну готовиться в составе олимпийской сборной Швейцарии к предстоящим играм в Пекине.

– Я тоже там буду выступать в составе американской сборной.

– Думаю, золотая медаль тебе уже обеспечена. Хотя конкуренция наверняка будет острой. Вот и я собираюсь побороться за победу. Так что в Пекине наверняка будет жарко, – слегка пощекотала я нервы Тео.

– Ах, даже так? Значит, ты бросаешь мне вызов? – пошутил в ответ Тео. – Что ж, я принимаю его! – Тео отвесил мне церемонный поклон. – А каковы наши планы на ближайшие дни? Лично я намереваюсь устроить себе полноценный отпуск. Вполне заслужил, как мне кажется. Планирую провести его в нашем семейном летнем доме. Он всего лишь в нескольких часах ходу отсюда. А потом отплываю на остров Уайт и начинаю подготовку к Фастнету. Хочешь со мной?

– Куда? В родительский дом? Или на Фастнет?

– И туда, и туда. Конечно, если серьезно говорить о предстоящих соревнованиях, то ты у нас опытный спортсмен. Можешь обойтись и без усиленной подготовки. Хотя регата Фастнет – это все равно что-то особенное. Я принимал участие в этих парусных гонках пару лет тому назад. Скажу, мы едва не лишились одного экипажа, когда огибали скалистый мыс Рок. Ребят с палубы буквально сдуло ветром. Чертовски опасное место. Я уже начинаю подумывать, – Тео глубоко вздохнул, – что напрасно предложил тебе войти в состав моей команды.

– Почему? Потому что я женщина, да?

– Ради всех святых, Алли, прекрати! Что ты заиклилась на «женщина – не женщина»? Конечно, не поэтому. Потому что я люблю тебя и не смогу дальше жить, если с тобой что-то случится. Однако давай вернемся к этой теме через несколько дней, ладно? Завтра утром я передаю гоночную яхту, на которой мы выиграли Киклады, ее владельцу. Прямо в бухте. Там же, неподалеку, я поставил на якорь и свой «Нептун». Так что мы можем прямо завтра отплыть по назначению. Что думаешь?

– Вообще-то, я думаю, что мне стоит съездить домой, – ответила я. – Хочу побыть немного с Ма и с Майей.

– Твое настроение и твое желание мне абсолютно понятны. Конечно, как всякий законченный эгоист, я был бы счастлив, если бы ты поехала вместе со мной. Тем более что по всему выходит, что в следующем году нам обоим будет не до отдыха.

– Я очень хочу поехать с тобой, Тео, но давай я сначала позвоню Ма и узнаю, все ли у них там в порядке. А потом примем окончательное решение.

– Так не медли! Звони прямо сейчас, пока я буду принимать душ.

Тео поцеловал меня в макушку, спрыгнул с кровати и скрылся в ванной комнате.

Я позвонила Ма, и та заверила меня, что в Атлантиде все хорошо и мне нет никакой нужды ехать домой прямо сейчас.

– Устрой себе небольшие каникулы, милая. К тому же Майя тоже на данный момент в отъезде. Вернется лишь через пару недель, не раньше.

– Вот как? – изумилась я. – Я потрясена этой новостью! Но тебе, Ма, не одиноко там одной? Обещаю, мой телефон всегда будет включен. Если что, звони в любое время дня и ночи.

– Со мной все в полном порядке, милая, и беспокоить тебя по пустякам я не стану, – стоически ответила Ма. – К несчастью, самое худшее из того, что могло случиться, уже случилось.

Отключив телефон, я почувствовала, что настроение у меня мгновенно испортилось. И так бывало всякий раз, как только я вспоминала о том, что папы больше нет. Но Ма права. Самое худшее уже *случилось*. Как жаль, что я человек неверующий. Религия все же помогает людям справиться хоть как-то, хоть самую малость, со всеми теми ужасными последствиями, с которыми сопряжена смерть близкого человека. Раньше я относилась к церковным ритуалам с насмешкой, считала их архаичными и нелепыми, но сейчас и умом, и сердцем начала понимать, что именно они и помогают преодолеть ту крошечную тьму, в которую погружаешься, пережив потерю близких.

На следующее утро мы с Тео расплатились за проживание в отеле и отправились пешком в бухту.

Владелец яхты пригласил нас на борт своего *Hanse* и предложил отметить успех на соревнованиях. Он был явно доволен победой и тут же завел разговор с Тео о будущих регатах. Выпив по бокалу шампанского и распрощавшись с хозяином яхты, мы прошли еще немного вдоль набережной и поднялись на борт «Нептуна». Прежде чем поднять паруса, Тео загнал наш предстоящий маршрут в навигационную систему. Он так и не сказал мне, куда конкретно мы направляемся. Покинув бухту Вульгмени, мы вышли в открытое море. Я занялась проверкой всего того, что содержится в нашем стационарном и переносном холодильниках; в последнем мы обычно хранили пиво, воду и вино.

Прозрачно-бирюзовые воды Эгейского моря были спокойны. Но, как я ни старалась сконцентрироваться на созерцании всех тех красот, которыми изобиловали пронесившиеся мимо ландшафты, меня раздирали двойственные чувства. От той эйфории, в которой я пребывала во время предыдущего плавания на «Нептуне», не осталось и следа. Потом я припомнила, чем окончилось это плавание, и мысли снова переключались на Па Солта. Я вдруг подумала, сколько общего между моим покойным отцом и Тео. Оба любят создавать вокруг себя ореол таинственности, и оба любят все и всегда держать под контролем.

Уж не это ли явное сходство побудило меня влюбиться в Тео по уши, задалась я резонным вопросом. И почувствовав, как «Нептун» плавно замедлил свой ход, я услышала звук падающего в воду якоря. Когда Тео возник на палубе и встал рядом со мной, я решила, что пока не стану делиться с ним всеми своими недавними мыслями. С его дотошностью и любовью к анализу всего и вся вряд ли я услышу от него что-то путное на сей счет.

Обедали салатом с сыром фета и свежими оливками, которые я прикупила прямо в бухте перед самым отплытием. Запивали все пивом. Я потягивала из своего стакана и подробно объясняла Тео устройство армиллярной сферы. Не забыла рассказать и про изречения, и про координаты, выбитые на каждой металлической полоске. Потом рассказала о том, какое трогательное письмо написал мне отец.

– У меня складывается такое впечатление, что твой отец вполне осознанно готовился к своему уходу и все спланировал заранее.

– Да, он у нас был такой. Во всем любил порядок и чтобы все было организовано по высшему разряду.

– И в этом мы с ним очень схожи, – заметил Тео, лишний раз подтвердив мои собственные размышления на тему их сходства с отцом. – Я уже тоже составил завещание и сделал все необходимые распоряжения касательно моих будущих похорон.

– Что за чушь ты несешь! – Меня невольно передернуло от его слов.

– Прости, Алли, но море есть море. Всех моряков подстерегают опасности, и никто никогда не знает, чем может закончиться очередное плавание.

– Мне почему-то кажется, то есть я даже не сомневаюсь в этом, что ты понравился бы папе. Сильно понравился бы. – Я мельком глянула на свои часы и сменила тему разговора: – Так наша конечная цель уже близка? Снова трогаемся в путь?

– Да, через какое-то время. Хочу точно рассчитать время нашего прибытия, тютелька в тютельку. – Тео таинственно улыбнулся. – Хочешь поплавать?

Спустя три часа, когда солнце уже клонилось к закату, озаряя последними оранжево-красными всполохами небольшой островок, усыпанный вдоль береговой линии одинаковыми белоснежными домиками, в окнах которых тоже отражался закат, я поняла, почему Тео переживал и так скрупулезно высчитывал время нашего прибытия.

– Ну разве это не восторг, а? – выдохнул Тео, одной рукой обнимая меня, а второй управляя штурвалом и умело маневрируя при заходе в крохотную бухту.

– О да! – согласилась я с ним. – Великолепное зрелище!

Я проследила взглядом за тем, как закатные лучи постепенно проникают в облака, окрашивая их в золотистые тона, как будто медленно вытекает желток из разбитого яйца.

– Недаром папа любил повторять, что закаты в Греции – самые красивые в мире.

– И тут я с ним снова целиком и полностью согласен. – Тео нежно поцеловал меня в шею.

Что ж, подумала я, в течение предстоящего отдыха у меня еще будет время поговорить с Тео о том, что Па Солту нравилось, а что – нет, чтобы выявить, что еще их роднит друг с другом.

– Может быть, ты мне все же наконец скажешь, где мы находимся? – спросила я у Тео, когда мы уже вошли в порт и какой-то загорелый парень ловко ухватился за конец каната, который я перебросила за борт, чтобы привязать яхту.

– А какая разница? Потерпи немного, ладно? Узнаешь в свое время. Предлагаю называть это место так: «Где-то посреди моря».

Приготовившись к тому, что нам придется тянуть все свои пожитки в гору, я сильно удивилась, когда Тео велел мне оставить вещи на яхте. Он запер каюту на замок, и мы с ним сошли на берег. Тео рассчитался с каким-то парнем из местных, заплатив ему несколько евро за помощь. Затем взял меня за руку и повел в направлении стоянки с припаркованными на ней мопедами. Пошарил по карманам в поисках ключа и стал возиться с замком. Наконец справился, отстегнул массивную цепь, обвивавшую мопед со всех сторон.

– Греки – очень милый народ, но сейчас их экономика пребывает просто в отчаянном положении. Вот отсюда эти дополнительные меры предосторожности. Не хотелось бы по приезде сюда обнаружить, что кто-то уже снял оба колеса с моего мопеда. Садись! – Тео кивнул на сиденье сзади.

Я повиновалась, но без особой охоты. При виде мопеда сердце у меня сразу же ушло в пятки. Я ненавижу мопеды. В свое время, сделав годичный перерыв в учебе, я, по совету отца, отправилась странствовать по миру в компании двух своих подруг, Мариель и Хелен. Путешествие мы начали с Юго-Восточной Азии. Посетили Таиланд, Камбоджу, Вьетнам. Потом снова вернулись в Европу, и я устроилась на лето официанткой в баре на острове Китнос. Потом мы проехали всю Турцию, взяв напрокат мопеды. И вот на пути из аэропорта Бодрум в курортный город Калкан случилось ужасное: Мариель не вписалась в крутой поворот и свалилась на мопеде со склона горы.

Мы отыскиали ее безжизненное тело среди кустов, потом долго стояли посреди дороги в ожидании хоть какого-то движущегося средства, которое, проезжая мимо, пришло бы нам на помощь. Эти страшные мгновения я никогда не забуду.

Дорога оставалась пустынной. Тогда я в отчаянии схватила свой мобильник и позвонила отцу, единственному человеку на свете, который всегда и в любой ситуации точно знал, что нужно делать. Я коротко объяснила Па Солту, что у нас случилось и где произошла авария. Он сказал мне, чтобы я не волновалась и что помощь придет незамедлительно. Прошло еще

каких-то полчаса, которые показались мне вечностью. Но вот наконец в небе появился вертолет, на борту которого был врач «Скорой помощи». Нас всех троих благополучно эвакуировали и доставили на вертолете в больницу в городе Даламан. Мариель спасли, но у нее была повреждена тазовая полость и сломаны три ребра. Плюс сильное сотрясение мозга. В результате она и по сей день страдает мигренями.

И вот сейчас, взгромоздившись на мопед Тео и устроившись за его спиной, я подумала о том, что с того рокового дня я ни разу в жизни больше не садилась на мопеды, и в животе у меня сразу же стало неприятно пусто.

– Все в порядке? – спросил у меня Тео.

– Лучше некуда, – пробормотала я в ответ, вцепившись в него обеими руками, обхватив его за талию, словно клещами. Когда мы тронулись с места и покатали вверх по узеньким тропкам к тому месту, обозначенному весьма туманным определением «Где-то посреди моря», я решила про себя, что, если Тео вздумается начать лихачить в расчете произвести на меня должное впечатление, я немедленно прикажу ему остановиться и слезу с его мопеда. И хотя Тео вел мопед очень аккуратно, без всяких там трюков и лихачеств, я все равно плотно зажмурила глаза, как только мы покинули порт и поехали по пыльной дороге с крутым подъемом в гору. Мы карабкались все выше и выше, и дорога стала казаться мне бесконечной, хотя на самом деле наша поездка длилась не более пятнадцати минут. Но вот Тео нажал на тормоз. Мопед немного накренился набок, когда он поставил одну ногу на землю и отключил двигатель.

– Вот мы и дома.

– Отлично! – Я с трудом разлепила глаза и, слегка пошатываясь, слезла с мопеда.

– Какая красота, правда? – продолжал витийствовать Тео. – Я имею в виду все эти виды по обе стороны дороги, пока мы ехали сюда. Однако, как мне кажется, этот вид будет самым лучшим.

Поскольку всю дорогу я просидела с закрытыми глазами, то пронесившиеся мимо нас красоты так и остались мне неизвестными. Тео взял меня за руку и повел куда-то по пожухлой от жары траве. Я увидела склон, поросший старыми оливковыми деревьями, сбегавшими прямо к морю. Переход к водной стихии был столь стремительным и резким, что да, ландшафт действительно впечатлял своей красотой.

– А куда мы идем? – спросила я у Тео, послушно следуя за ним по оливковой роще. Вокруг никаких жилых зданий, насколько я могла заметить. Разве что какой-то ветхий загон, явно для коз.

– Вот туда! – Он ткнул пальцем в сарай и повернулся ко мне. – Дом! Мой милый дом! Разве он не прелесть?

– Прелесть... Но я...

– Алли, ты очень бледная. С тобой все в порядке?

– Да! – ответила я. Наконец мы подошли к сараю поближе, и я тут же решила, что кто-то из нас двоих точно спятил. Если Тео называет этот хлев своим «милым домом», то я, несмотря на всю усталость, все равно тут же отправлюсь обратно пешком. И темнота меня не испугает, и все километры пути тоже. Но ночевать в этом хлеву я ни за что не буду.

– Знаю, пока он смотрится довольно убого. Но мне так хотелось, чтобы ты первой увидела это место, да еще на закате. Впереди еще, конечно, уйма работы, да и строительные требования здесь очень строгие, – продолжил Тео, широко распахивая дверь в сарай. Мы вошли в само помещение. Сквозь огромную дыру в крыше прямо над моей головой было видно, как в вечернем небе зажигаются первые звезды. В воздухе витал сильный козлий дух, пахло навозом. Я снова почувствовала неприятные спазмы в желудке.

– Что скажешь? – поинтересовался у меня Тео.

– Ты прав. Вид отсюда открывается действительно прекрасный.

Какое-то время я молча слушала, как Тео пространно рассказывает мне о том, какого архитектора он нанял для проектирования своего будущего дома и что за кухню он планирует расположить прямо на этом месте. А вот там будет просторная гостиная с выходом на террасу, откуда открывается отличный вид на море. В какой-то момент, не в силах более выносить царящую в сарае вонь, я беспомощно тряхнула головой и, путаясь в собственных ногах, поплелась на выход. На улице я почти бегом свернула за угол, скорчилась вдвое, и меня тут же вырвало.

– Алли, что?! Тебе опять плохо?

Тео подбежал ко мне и обвил рукой за талию, поддерживая, чтобы я не упала. Я с несчастным видом мотнула головой.

– Нет-нет, все хорошо. Я просто... я просто...

А потом плюхнулась прямо на траву и разревелась во весь голос, словно маленький ребенок. И начала рассказывать ему о том давнем происшествии, случившемся с нами на дорогах Турции. И о том, как я горюю об умершем отце. И о том, как мне стыдно, что Тео вторично видит меня в таком тошнотворном состоянии.

– Алли, это я должен просить у тебя прощения. Я виноват. Как я мог быть таким бесчувственным? Конечно, ты устала после соревнований, это факт. Да и душевная травма, связанная с неожиданной смертью отца, тоже еще слишком свежа. Но ты так умело скрывала свои переживания, держалась все это время так стойко, что даже я, привыкший всегда гордиться тем, что хорошо умею читать переживания и настроения других людей, дал себя обмануть. Сейчас же звоню одному своему приятелю из здешних. Он приедет за нами на машине и немедленно доставит домой.

У меня не было сил спорить. Сидя на траве, я лишь молча наблюдала за тем, как он достал из кармана свой мобильник и стал названивать кому-то. Солнце уже скрылось в море, плескавшемся внизу. Понемногу я пришла в себя и, глянув вдаль, решила, что пейзаж действительно просто великолепный.

Минут через десять Тео, подстраховывая сзади, кое-как стащил меня немного вниз по склону и усадил в старенький-престаренький «Вольво», за рулем которого сидел такой же старый водитель. Тео коротко представил его мне, назвав Креоном. Проехав еще немного вниз, машина свернула вправо и проследовала дальше по пыльной ухабистой дороге, которая, судя по всему, вела в никуда. Однако на сей раз я ошиблась. Доехав до самого конца дороги, машина остановилась, и я увидела приветливо манящие к себе огоньки в окнах красивого дома, пристроившегося прямо на краю утеса.

– Добро пожаловать в дом, родная! – торжественно провозгласил Тео и ввел меня в огромный холл. И тут же перед нами возникла кареглазая женщина средних лет. Она тепло обняла Тео и промолвила ему что-то на греческом.

– Ирина работает у нас экономкой, – пояснил он мне. – Она сейчас проводит тебя в твою комнату и приготовит ванну. А я вместе с Креоном съезжу в порт и заберу с яхты наши вещи.

Ванна была установлена прямо на террасе, которая, как и весь дом, была вырезана из цельного камня с несколько неровной поверхностью. Весь утес, плавно спускавшийся к пенящейся морской глади, тоже состоял из таких же огромных шероховатых камней. Вдоволь понежившись в ванне, наполненной ароматизированной водой с пышной пеной сверху, я вылезла на террасу и пошлепала босиком к себе в спальню. Огромная, просторная комната, наполненная воздухом и поражающая своей роскошью. Потом я отправилась изучать дом. Элегантно обставленная гостиная с выходом на еще одну обширную террасу, с которой открывался еще один потрясающий вид на море. А внизу бассейн поистине гигантских размеров. В нем, пожалуй, впору проводить олимпийские соревнования по плаванию, подумала я. Обойдя дом, я решила, что он очень похож на наш Атлантис. Только наш дом притаился в лесу, а этот вознесся на вершину скалы.

Натянув на себя мягкий махровый халат, который кто-то заранее предусмотрительно положил на мою кровать, я удобно устроилась в одном из кресел, стоявших на террасе. Тут же передо мной возникла Ирина с бутылкой охлажденного белого вина и с двумя бокалами.

– Спасибо, – коротко поблагодарила я ее.

Я отхлебнула немного вина и уставилась в ночное небо, усыпанное звездами. После стольких дней, проведенных в море, я по достоинству оценила ту роскошь, которая меня окружала. Сейчас я точно знала, что, когда привезу Тео в Атлантис, он там будет чувствовать себя, как говорится, в своей тарелке. В прошлом я часто приглашала к себе погостить подружек и одноклассниц из закрытой школы-пансиона, в которой училась. Некоторых звала с собой и в морские круизы на нашей яхте «Титан». И всякий раз я видела, как мои общительные подружки буквально теряли дар речи при виде той роскоши, в которой мы жили. А потом они уезжали к себе, но когда мы встречались снова, то от них уже откровенно веяло холодком. И я буквально кожей чувствовала их недоброжелательность по отношению к себе, которую сегодня я бы назвала обыкновенной злобой. Словом, как правило, нашей дружбе приходил конец.

Какое счастье, что с Тео у меня не возникнет проблем подобного рода. Судя по всему, его семья была такой же обеспеченной, как и моя. Но не ирония ли судьбы, подумала я и мысленно усмехнулась, что, несмотря на всю доступную нам роскошь, по крайней мере три четверти года мы коротаем ночи на твердых скамьях в душных каютах и счастливы, если нам удастся помыться под хилым душем, из которого едва-едва каплет. И уже не обращаешь внимания, течет из крана теплая вода или холодная.

Я почувствовала руку на своем плече. Потом поцелуй в щеку.

– Привет, моя любовь! Тебе лучше?

– О да! Много лучше. Спасибо. Что может быть лучше горячей ванны после нескольких дней изнурительных гонок?

– Ничего! Согласен с тобой, – сказал Тео, наливая вино в бокал и устраиваясь в кресле напротив меня. – Я и сам сейчас собираюсь сделать то же самое. Но прежде еще раз повторю: Алли, пожалуйста, прости меня. Я иногда бываю таким невнимательным, особенно когда мои мысли всецело заняты чем-то другим. Но мне действительно так хотелось показать тебе свой новый дом.

– Все нормально, Тео. Уверена, когда все строительные работы будут завершены, у тебя появится просто замечательный дом.

– Ну конечно, он будет не таким шикарным, как этот. Но в любом случае у меня наконец появится собственный дом. А иногда, – он слегка пожал плечами, – это все, что имеет смысл. Я прав?

– Если честно, то я еще никогда не задумывалась над тем, чтобы обзавестись своим домом. Да и зачем он мне? Я постоянно в разъездах, мотаюсь по всему свету. А когда появляется «форточка» в расписании соревнований, то у меня всегда есть место, куда можно вернуться. Наш Атлантис. К тому же мы, яхтсмены, не зарабатываем сумасшедших денег, таких, чтобы позволить себе роскошь начать строительство собственного дома.

– Теперь ты понимаешь, почему я купил для начала обычный хлев, – пошутил в ответ Тео. – Но в целом я с тобой абсолютно согласен. Бессмысленно отрицать очевидное. И у тебя, и у меня есть за плечами прочный тыл, семейное гнездо, куда каждый из нас может, в случае каких-то непредвиденных обстоятельств, всегда вернуться. Хотя, по правде говоря, я предпочту сдохнуть с голоду, чем идти с протянутой рукой к своему отцу. Все имеет свою цену, в том числе и милость от кого-то. Ты так не считаешь?

– Наверное, в чем-то ты прав. Хотя лично я сильно сомневаюсь, что кто-то так уж жаждет излить на нас свои милости.

– Я не говорю, Алли, что мы заслуживаем какого-то сочувствия. Но несмотря на то, что современный мир крайне материалистичен и все привык мерить деньгами, я все же не думаю,

что с помощью денег можно решить все проблемы. Вот возьмем, к примеру, моего отца. Он разработал какой-то чип для компьютеров, и это изобретение сделало его уже к тридцати пяти годам мультимиллионером. То есть тот самый возраст, в котором я пребываю сегодня. В детстве отец все время твердил мне, каким тяжким трудом ему достались его миллионы и как я должен быть счастлив, имея такого отца, как он. Разумеется, его жизненный опыт был иным, чем у меня. Я ведь с детства воспитывался *в богатстве*. В итоге в наших отношениях с отцом получился какой-то замкнутый круг. Мой отец вступил в самостоятельную жизнь, не имея за плечами ничего, и это побудило его работать как каторжный, чтобы добиться всего, чего он достиг. А у меня старт был иным. На тот момент я и так имел все. Но, странное дело, в присутствии отца я всегда чувствовал себя и продолжаю чувствовать и по сей день немного виноватым в том, что у меня есть это «все». Вот почему, повзрослев, я всегда старался обходиться без помощи отца. В конце концов он изверился и потерял всякий интерес к моей персоне, поняв, что я никогда не оправдаю тех надежд, которые он некогда возлагал на меня. А у тебя тоже так? – неожиданно завершил свой монолог Тео.

– Нет. У меня все было иначе. Хотя нас, сестер, с раннего детства тоже приучали ценить заработанные деньги. Па Солт всегда повторял нам, что мы рождены для того, чтобы стать самостоятельными. И при этом должны добиваться наилучших результатов в том деле, которое мы себе изберем. У меня такое чувство, что папа гордился мной, особенно моими успехами в парусном спорте. Частично, наверное, потому, что мы с ним оба фанаты этого вида спорта. Правда, в своем прощальном письме ко мне он высказал одну довольно странную мысль. Предположил, что я завязала с музыкой не в последнюю очередь потому, что хотела ему угодить, мол, поэтому предпочла музыкальной карьере карьеру профессионального спортсмена-яхтсмена.

– Это правда?

– Не совсем. Я в равной степени люблю и музыку, и парусный спорт. Но появился шанс добиться чего-то стоящего именно в парусном спорте, и я решила воспользоваться этим шансом. В жизни ведь не всегда получается так, как планировалось изначально. Разве не так?

– Так! – согласился со мной Тео и добавил: – Зато я пошел и в отца, и в мать. От отца я унаследовал любовь к технике, а от мамы – увлечение парусным спортом.

– Мне о своих наследственных пристрастиях судить сложно. Я ведь приемная дочь. Потому и понятия не имею, каковы мои настоящие гены. И потом, меня с раннего детства не столько воспитывали, сколько обучали.

– А разве тебе не хочется узнать, какую роль сыграли истинные гены в твоей жизни? Думаю, это было бы очень интересно. Вполне возможно, в один прекрасный день ты все же воспользуешься теми подсказками, которые оставил тебе отец, и покопаешься в своей родословной. Не сомневаюсь, захватывающее исследование может получиться.

– Наверное, ты прав. – Я подавила зевотку. – Но пока я чувствую себя слишком уставшей, чтобы думать о подобных изысканиях. А от тебя сильно воняет козлятиной. Ступай, принимай ванну. Давно пора.

– Иду! А попутно попрошу Ирину накрывать на стол. К десяти я буду готов.

Тео поцеловал меня в нос и поспешно покинул террасу.

8

Страстное начало нашего романа постепенно сменилось плавным течением совместного времяпрепровождения. Мы провели несколько расслабляющих дней «где-то на острове, затерянном в море», и у нас появилась уйма времени, чтобы узнать друг друга получше. Меня саму удивляло то, что я готова делиться с Тео самыми сокровенными секретами, рассказывая ему о вещах, о которых никогда и никому не рассказывала. Все-все-все, вплоть до мельчайших подробностей, быть может, и незначительных для стороннего слушателя, но очень важных для меня самой. Тео всегда выслушивал мои исповеди с предельным вниманием, не сводя с меня внимательных зеленых глаз. Еще никто и никогда за всю мою жизнь не окружал меня таким вниманием и заботой. Он проявлял самый неподдельный интерес ко всему, что было связано с моим отцом и сестрами. Нашу жизнь в Атлантиде Тео охарактеризовал очень точно: роскошное сиротство.

Однажды утром Тео неожиданно появился на террасе, подошел к кушетке, на которой я лежала, нежась в тенике, и присел рядом. Было душно, в воздухе сильно парило. Все предвещало грозу.

– Чем занимался? – поинтересовалась я у него.

– Вел по интернету скучнейшие переговоры с одним из спонсоров, финансирующих наше участие в Фастнете. Потом к разговору присоединились владелец «Тигрицы» и менеджер команды. Пока они втроем обсуждали всякие закорючки, окончательно запутавшись в словах, я откровенно валял дурака.

– Правда валял?

– Именно так! Кстати, ты когда-нибудь в детстве пыталась составить анаграмму из своего имени? То есть написать его задом наперед. Я пытался. Получались забавные штучки. Вместо Тео – Оет. – Он улыбнулся.

– И я такими штучками занималась. Вместо Алли получалась Илла.

– А из своей фамилии анаграмму никогда не составляла?

– Нет, – ответила я коротко и бросила на Тео недоуменный взгляд. К чему он клонит?

– Вот я и говорю. Валял дурака, пока они там спорили. И от нечего делать занялся твоей фамилией.

– И?

– Ладно! Ты же знаешь, как я обожаю все таинственное. Плюс люблю анализировать. К тому же я неплохо знаком с древнегреческой мифологией. Мало того что все свое детство я каждое лето проводил в Греции, так и потом, уже в Оксфорде, изучал классическую литературу. И знаешь, что я накопал? Могу показать прямо сейчас!

– Ну если тебе так хочется, – ответила я, беря в руки протянутый мне листок бумаги, на котором было нацарапано несколько слов.

– Видишь, что получилось из твоей фамилии Деппеси, написанной по-французски?

– Плеяды, – прочитала я вслух анаграмму своей фамилии.

– Да, Плеяды. Тебе знакомо это слово?

– Припоминается что-то, но очень смутно, – недовольно ответила я.

– Алли, так древние греки называли одно из самых ярких созвездий. Его еще называют Семь сестер.

– И что? – спросила я, чувствуя, как во мне странным образом нарастает волна раздражения.

– Ну не странное ли это совпадение, что вас, шесть девочек, тоже называли в честь звезд, образующих это созвездие? Вот тебе и загадка. Сестры носят имена звезд, а фамилия их в перевернутом виде читается как Плеяды. У твоего покойного отца тоже была такая фамилия?

Краска бросилась мне в лицо, когда я попыталась вспомнить, обращался ли кто-нибудь когда-нибудь к Па Солту по фамилии. Мистер Деппеси. И не вспомнила. Все домашние обращались к нему исключительно «сэр». И члены команды на «Нептуне» тоже. Марина называла отца так же, как и мы, девочки: Па Солт. А в разговоре с нами – «ваш отец». Тогда я напрягла память, стараясь вспомнить, какое имя было проставлено на конвертах той корреспонденции, которую получал папа. Но ничего путного не вспомнила. Перед глазами возникли конверты, в которых отправлялась официальная почта, а также замелькали названия многочисленных компаний, которыми владел Па Солт.

– Скорее всего, – не очень уверенно ответила я.

– Прости меня, Алли. – Тео мгновенно уловил мое внутреннее напряжение. – Меня просто одолело самое обычное любопытство. Он специально придумал для своих дочерей фамилию с такой анаграммой или же это была его настоящая фамилия? Впрочем, дорогая, сегодня многие меняют свою фамилию, так сказать, в одностороннем порядке, но вполне официально. Но все равно получилось у нас очень круто! На самом деле ты – Альциона Плеяды. Что же до анаграммы к Па Солт, то я...

– Хватит, Тео! Достаточно!

– Прости, но это действительно заинтересовало меня. Я убежден, что вокруг твоего отца накручено много тайн, гораздо больше, чем мы себе представляем.

Извинившись, я поспешно ретировалась в дом. Почему-то мне стало неприятно, что Тео прикоснулся к каким-то очень интимным вещам, касающимся нашей семьи, хотя ничего предосудительного он не сделал: просто взял и поиграл немного с буквами. А вот мы, сестры, никогда не обращали внимания на подобные пустяки. Впрочем, может быть, кто-нибудь из шестерых и заметил что-то, но делиться с остальными этой информацией не захотел.

Когда я снова появилась на террасе, Тео, правильно истолковав мой уход, больше не заводил речь про анаграммы. За ланчем он принялся рассказывать мне подробнее о своих родителях, описал, каким сложным и болезненным оказался их развод. Каждые каникулы Тео сновал, словно челнок, туда-сюда, проводя лето попеременно то с мамой в Англии, то с отцом в Штатах. Будучи аналитиком по природе, он сейчас повествовал о делах семейных отрешенно, в третьем лице, будто это его совсем не касалось. Но я чувствовала его внутреннее напряжение и с трудом подавляемую злость, как только речь заходила об отце. Судя по всему, в давнем родительском споре Тео однозначно принял сторону матери, не оставив отцу никаких шансов на налаживание контактов с ним. Конечно, утверждать наверняка я не могла, слишком недавно мы знакомы с Тео. Но со временем, думаю, я разберусь, обязательно разберусь в этих непростых семейных взаимоотношениях.

Ночью я долго ворочалась в постели без сна, снова и снова возвращаясь мысленно к той загадке, которая скрывается за моей фамилией. Если наша фамилия Деппеси – это действительно анаграмма, которую придумал Па Солт, он ведь всегда интересовался звездами, а потому наверняка знал все мифы, которые связаны с созвездием Плеяды, то тогда кто же мы на самом деле?

Но еще важнее, кто тогда *наш отец*?

Как ни ужасно это звучит, но – увы-увы! – никто уже не сумеет мне дать ответ на этот вопрос.

* * *

На следующий день, позаимствовав на время ноутбук Тео, я отыскала информацию про звезды, входящие в состав созвездия Плеяды. Хотя папа часто рассказывал нам про всякие разные звезды, а Майя вообще обожала проводить с ним много времени в его домашней обсерватории, оборудованной на крыше дома, лично я не питала особого интереса к астрономии и

всему, что с ней связано. Разве что меня интересовали уже сугубо технические данные о расположении звезд, с которыми Па Солт обстоятельно знакомил меня, когда мы плавали с ним вместе. Он учил меня ориентироваться по звездам, в частности говорил, что созвездие Плеяды, или Семь сестер, с глубокой древности, еще тысячи лет тому назад, использовалось моряками как ориентир для прокладывания точного курса. Наконец я отключила компьютер, вздохнув про себя. Какие бы тайны ни скрывала в себе наша фамилия, чем бы ни руководствовался Па Солт, назвав своих дочерей так, как он назвал, нам уже никогда не докопаться до истины. А пытаться – это значит еще больше расстраивать саму себя.

За ланчем я поделилась своими мыслями с Тео, и он согласился со мной.

– Прости меня, Алли, за вчерашнее. Напрасно я завел с тобой разговор про все эти анаграммы. Какое нам дело до прошлого? День сегодняшний, завтрашний день – вот что для нас по-настоящему важно. Но одно могу сказать смело. Кем бы ни был твой отец на самом деле, он правильно поступил, что взял тебя младенцем к себе, в свой дом. Правда, у меня есть еще кое-что интересное. Если хочешь, могу поделиться с тобой добытой информацией. – Он выжидательно уставился на меня.

– Тео! Ради бога!

– Хорошо, хорошо! Не буду! – поспешил он дать задний ход. – Как-нибудь в другой раз. Ты права, сейчас не самый подходящий момент.

Момент действительно был не самым подходящим, но как бы то ни было, а после обеда, на что, вполне возможно, и рассчитывал Тео, я снова достала папино письмо, которое положила в свой ежедневник, спрятав за обложку, и в который раз перечитала. Может быть, подумала я, в один прекрасный день я, уцепившись за кончик ниточки, оставленной мне отцом, и пройду весь путь поисков своей родословной от начала и до конца. Во всяком случае, хотя бы прочитаю ту книгу, о которой Па Солт упомянул в своем письме и которая стоит на одной из полок в его кабинете в Атлантиде...

* * *

Наш совместный отпуск подходил к концу. А я с каждым прожитым днем все острее чувствовала, что Тео стал неотъемлемой частью меня. Мысленно повторяла эту фразу и не переставала удивляться самой себе. С одной стороны, да, романтика отношений, влюбленность, а с другой – я действительно почувствовала в нем родственную душу. Он идеально дополнял меня во всем, с Тео я впервые почувствовала себя цельным человеком. Законченным во всех отношениях.

Но каким же хрупким оказался мой новообретенный статус на поверку, стоило Тео завести речь о нашем предстоящем отъезде с этого дивного острова, затерянного где-то посреди моря. Правда, сейчас я хотя бы знала, что остров называется Анафи. Однако предстоящее возвращение к действительности пугало своей неотвратимостью.

– Вначале я навещу маму в Лондоне, – спокойно и размеренно вещал Тео, – потом заберу в Саутгемптоне «Тигрицу» и отправлюсь на ней на остров Уайт. Проверю ее ходовые качества на практике. А у тебя какие планы, дорогая?

– Мне нужно обязательно заглянуть в Атлантиду, хотя бы на пару денечков. Конечно, Ма постоянно твердит по телефону, что у нее все в порядке, но я-то знаю, каково ей сейчас одной. Майя уехала... Папы больше нет... Я просто обязана какое-то время пожить рядом с ней.

– Тогда я прямо сейчас займусь изучением расписания, чтобы забронировать билеты нам обоим. Предлагаю в конце недели отправиться на нашей яхте обратно в Афины, а оттуда ты полетишь к себе в Женеву. Наверняка есть удобные дневные рейсы и в Женеву, и в Лондон. Как смотришь?

– Отлично смотрю! Спасибо, – ответила я, почувствовав себя вдруг страшно одинокой и незащищенной. Каково мне будет без Тео, подумала я. И какое будущее ждет меня с ним? И будет ли оно у нас *вообще* после тех волшебных каникул, которые мы устроили себе на острове «Где-то посреди моря»?

– Алли, что случилось?

– Ничего! Немного перегрелась на солнце, наверное. Пойду пораньше улягусь в кровать. – Я поднялась с кресла, намереваясь покинуть террасу, но была остановлена твердой рукой Тео.

– Мы еще с тобой не договорили, а потому присядь, пожалуйста, буквально на пару минут. – Припечатав меня к креслу, он поцеловал меня в губы и продолжил: – Нам ведь надо обсудить и кое-что еще, помимо возвращения домой. Например, предстоящие гонки Фастнет. Я много размышлял о них в последние дни и созрел для того, чтобы предложить тебе кое-что конкретное.

– Валяй! – ответила я, поразившись духу противоречия, который вдруг разыграл во мне. Впрочем, меньше всего в данную минуту меня занимали гонки Фастнет.

– Так вот, я приглашаю тебя уже официально поучаствовать в подготовительных тренировках. Но! Заранее предупреждаю. Если погодные условия будут неблагоприятными или если уже непосредственно в процессе гонок я вдруг прикажу тебе покинуть яхту и сойти на берег, ты должна будешь беспрекословно подчиниться моим приказам. Клянешься?

Сделав над собой некоторое усилие, я кивнула в ответ:

– Клянусь, мой капитан.

– Никаких шуточек, Алли. Я говорю вполне серьезно. Я уже и раньше говорил тебе и снова повторяю это сейчас: я не переживу, если с тобой что-то случится.

– То есть сама я в этой ситуации не могу ничего решать?

– Нет, не можешь. Помни, я капитан. К тому же твой любовник. А потому все решения буду принимать только я.

– То есть мне *нельзя* остановить *тебя*, если я увижу, что выходить в море опасно?

– Конечно, нет! – Тео с досадой покачал головой. – Все решения принимаю я, и только я. И хорошие, и плохие...

– А что, если именно плохие и мне со стороны это хорошо видно?

– Ты можешь высказать свое мнение, это не возбраняется, и я приму его во внимание, но решать в конечном счете буду только я.

– А почему я не могу? Это нечестно, Тео! В конце концов, я тоже...

– Алли, наш с тобой разговор начинает приобретать бессмысленный характер. Тебе не кажется, что мы ходим по замкнутому кругу? К тому же с чего ты взяла, что события станут развиваться по наихудшему сценарию? Скорее всего, гонки пройдут в штатном режиме. А я лишь пытаюсь донести до тебя одну простую и вполне очевидную истину. Ты обязана слушаться меня, причем беспрекословно, потому что я капитан. С этим все понятно?

– Понятно, – недовольно буркнула я. Впервые мы с Тео оказались на грани серьезной размолвки. И самое обидное, что нам совсем немного времени осталось провести в этом райском уголке. Нет, ни в коем случае нельзя усугублять ситуацию и накалять страсти, подумала я.

– Но есть вещи и поважнее, чем Фастнет. – Я увидела, как потеплел взгляд Тео. Он протянул руку к моему лицу и осторожно погладил его пальцами. – Не будем забывать, что на гонках наша жизнь не заканчивается. Признаюсь, последние несколько недель стали самыми лучшими во всей моей жизни. Ты знаешь, я не особо силен по части красноречия, а уж молоть всякую романтическую чушь у меня и вовсе получается плохо, но скажу тебе так, дорогая Алли. Нам нужно обоим хорошенько подумать над тем, чтобы постоянно быть вместе. Что скажешь?

– Звучит заманчиво, – ответила я, чувствуя, что пока не могу так стремительно, буквально за несколько секунд, переключиться из режима недовольства и раздражения в благод-

ный режим «давай будем жить вместе». Я машинально глянула на бумаги, которые Тео держал в другой руке. А вдруг такой пункт «Обсудить совместное будущее с Алли» тоже значится в его повестке дня? Зная методичность Тео в том, что касается планирования всего и вся, я бы ничуть не удивилась.

– Звучит, наверное, старомодно, – продолжил он. – Но я точно знаю, что другой такой, как ты, мне не найти. А поскольку мы с тобой уже далеко не самого юного возраста, то повторяю еще раз. *Я абсолютно уверен* в своих чувствах. И буду счастлив жениться на тебе хоть завтра. Как смотришь?

Я уставилась на Тео ошарашенным взглядом, с трудом вникая в смысл его слов.

– То есть, как я понимаю, ты только что сделал мне предложение? Или как? – резанула я в ответ.

– Именно так. Что скажешь?

– Я внимательно слушаю тебя.

– И...

– Если честно, Тео, мы с тобой в эту минуту мало походим на Ромео и Джульетту.

– Совсем даже не походим, ты права. К тому же ты уже успела убедиться в том, что в судьбоносные минуты своей жизни я немного теряюсь. Мне хочется как можно скорее развязаться со всякой словесной чепухой и продолжать... *жить дальше*. И я точно хочу жить дальше с тобой... Иными словами, я хочу на тебе жениться, – тут же поправил себя Тео.

– Но нам ведь вовсе не обязательно связывать себя узами брака.

– Не обязательно. Но во мне еще очень сильны издержки традиционного воспитания. Я хочу быть с тобой до конца своих дней и потому делаю тебе официальное предложение. Я хочу, чтобы ты носила мою фамилию, стала миссис Фейлис-Кингс и чтобы я, появляясь с тобой на людях, мог говорить во всеуслышание: «Моя жена и я...»

– Но я ведь могу и не захотеть носить твою фамилию. Сегодня многие женщины предпочитают оставаться со своей фамилией, – возразила я.

– Верно, – спокойно согласился. – Но ведь так во всех смыслах гораздо удобнее. Ты не находишь? Банковские счета на одно имя, прочие финансовые дела – все проще, когда у супругов одна фамилия. И никакой путаницы в телефонных разговорах, когда вызываешь к себе в дом всяких электриков, водопроводчиков и прочих.

– Тео!

– Слушаю тебя.

– Ради всех святых, заткнись, ладно? Порой ты бываешь ужасным занудой, особенно в том, что касается практических вопросов, и, прежде чем ты начнешь анализировать всевозможные варианты моей реакции на свое предложение, я отвечаю тебе коротко. Да, я согласна выйти за тебя замуж завтра.

– Правда?!

– Чистая правда!

Как мне показалось, глаза Тео моментально увлажнились. И я вдруг подумала, что даже самые уверенные в себе люди, безупречно владеющие своими эмоциями, а в этом мы с Тео схожи, так вот, даже такие люди могут дать слабину и расчувствоваться, особенно когда они видят, что человек, которого они любят, отвечает им полной взаимностью. И так же страстно жаждет быть рядом. Я придвинулась к Тео поближе и крепко обняла его.

– Как все замечательно! Грандиозно! – Он улыбнулся и украдкой смахнул слезу с глаз.

– Вообще-то, с учетом того, в какой неловкой форме было сделано само предложение, ничего особо грандиозного я не вижу.

– Наверное... Опять же повторяю, это все издержки моего традиционного воспитания. Но как бы то ни было, а я буду счастлив, если завтра мы устроим с тобой небольшой шопинг

и ты выберешь себе что-то такое, что станет своеобразным памятным знаком, скрепляющим твое обещание.

– Ты хочешь сказать, что отныне мы с тобой помолвлены? – шутливо подколола я его. – Знаешь, ты сейчас очень похож на одного из героев романов Джейн Остин. Однако в любом случае я польщена и очень рада.

– Спасибо. – Тео задрал голову и уставился на звездное небо. Потом слегка покачал головой и посмотрел на меня. – Ну разве это не чудо?

– Что именно?

– Все! Тридцать пять лет я прожил на этой планете в полном одиночестве. И вдруг появляешься ты... Возникаешь, можно сказать, из ниоткуда. И внезапно до меня все доходит.

– Что доходит?

Тео слегка пожал плечами и снова качнул головой.

– До меня доходит, что такое любовь.

* * *

На следующее утро мы поступили так, как предложил Тео. С самого утра отправились в столицу острова, городок Хора. В сущности, это даже не городок, а такая небольшая полусонная деревушка с россыпью белоснежных домиков, примостившихся на южной стороне скалы, сбегаящей к морю. Мы прогулялись по извилистым узким улочкам, набрали на пару крохотных магазинчиков, в которых торговали кустарной бижутерией вперемежку с продуктами и хозяйственными товарами. Потом нам попался на пути небольшой уличный базар. На нескольких открытых прилавках были разложены всякие безделушки и недорогие побрякушки. Сказать по правде, я никогда особо не увлекалась ювелирными изделиями, а потому опыта в подборе надлежащего украшения у меня было маловато. Где-то полчаса у меня ушло на примерку колец, пока я не заметила краем глаза, что Тео уже начал терять терпение.

– Неужели не нашла для себя ничего подходящего? – спросил он у меня с нажимом в голосе, когда мы подошли к последнему прилавку.

По правде говоря, мне уже бросилась в глаза одна вещица.

– Ты не возражаешь, если это будет не кольцо?

– В данную минуту я соглашусь с любым твоим выбором. Только никакого пирсинга для сосков. А все остальное – что твоей душе угодно. Главное, чтобы тебе самой нравилось. И чтобы мы успели к ланчу. Я уже умираю от голода.

– Ладно! Тогда я выбираю вот это!

Я ткнула пальцем в кулон, который в Греции традиционно принято носить от дурного глаза. Стеклашка голубого цвета, стилизованная под глаз, на тоненькой серебряной цепочке. Продавец снял украшение с витрины и, положив себе на ладонь, протянул к нам руку, чтобы мы могли получше рассмотреть его. И при этом указал на написанную от руки бирку с ценой. Тео снял солнцезащитные очки и взял кулон в руки. Зажав его между пальцами, стал разглядывать камешек на просвет. Наконец обронил:

– Очень миленькая вещица, Алли. Но явно не тянет на кольцо с бриллиантом.

– А мне нравится. Кстати, у всех бывалых моряков есть такие кулоны. Говорят, они усмиряют любой шторм. А ты не забывай, что мое имя означает «покровительница моряков».

– Это я знаю. И все-таки, мне кажется, кулон от сглаза – это не совсем то, что полагается дарить невесте по случаю помолвки.

– Главное, что он мне нравится. И давай заканчивать с этими пустыми препирательствами. Иначе опять начнем ссориться.

– Хорошо! Пусть будет по-твоему. Только обещай, что в будущем ты станешь защищать и меня.

– Обещаю! – ответила я, обхватывая его руками за талию.

– Ладно! Но предупреждаю. Все же надо соблюсти все положенные формальности, а потому в будущем я обязательно подарю тебе что-то... более традиционное, что ли.

Через пару минут мы отошли от прилавка. На моей шее красовался крохотный талисман.

– В перспективе, – промолвил Тео, когда мы с ним снова побрели узенькими улочками в поисках подходящего места, где можно было бы перекусить, – мечтаю увидеть на твоей шее что-то более стоящее, чем дешевая бижутерия. Но первым делом нужно купить подобающее обручальное кольцо. Заранее предупреждаю: кольцо от Тиффани или Картье я не потяну.

– Негоже так открыто признаваться в собственной финансовой несостоятельности, – подначила я его, усаживаясь за стол на террасе уличной таверны. – Но так, на всякий случай, сообщаю: терпеть не могу всякие дизайнерские украшения модных брендов.

– Ты права. Прости за то, что лишний раз продемонстрировал свой провинциализм. Да и о каких рафинированных манерах можно говорить, когда имеешь дело с выходцем из далекого штата Коннектикут? Однако ближе к теме. – Он взял со стола меню в пластиковой обложке. – Что желаешь заказать себе на ланч?

* * *

На следующий день я с превеликим трудом распрощалась в афинском аэропорту с Тео и уселась в самолет на Женеву, чувствуя себя совершенно потерянной и одинокой. Я даже непроизвольно повернулась к своему соседу, чтобы сообщить ему, какая мысль мне только что пришла в голову. Сосед несказанно удивился, а я лишь в самую последнюю минуту сообразила, что это не Тео. Воистину, без Тео я вдруг ощутила себя никому не нужной на всем белом свете.

Я не уведомила Ма заранее о своем приезде. Решила устроить ей такой небольшой сюрприз. По мере того как наш самолет приближался к Женеве, я попыталась приободрить себя и запастись изрядной долей мужества. Атлантис без папы утратил для меня самое главное – свою душу. Всю дорогу меня раздирали самые противоречивые чувства: радость, которую я испытала в те дни, что провела с Тео, и горечь утраты, которая была тем сильнее, чем ближе мы подлетали к Женеве. Что ждет меня в Атлантисе? Пустой дом... без папы, без сестер, которые могли бы хоть как-то скрасить мое одиночество, но сейчас разлетелись в разные стороны, кто куда.

Впервые никто не вышел встречать меня к пристани. И это тоже не улучшило мне настроение. Клавдии на кухне не было. Правда, на столе поджидал кого-то свежее испеченный пирог с лимонной начинкой, кстати, мой любимый. Отрезав себе изрядный ломоть пирога, я, выйдя из кухни, отправилась наверх, в свою комнату. Швырнула рюкзак на пол прямо у дверей и уселась на кровать, невольно залюбовавшись прекрасным видом на озеро, видневшимся из-за крон деревьев. Умиротворяющая тишина объяла меня со всех сторон.

Я поднялась с кровати и подошла к полке, чтобы снять оттуда бутылку, в которую был впаян кораблик, – подарок Па Солта по случаю моего седьмого дня рождения. Долго разглядывала искусно сделанную модель – деревянный корпус, холщовые паруса, ванты, рей – все как у настоящего парусного фрегата. Потом улыбнулась, вспомнив, как приставала тогда к отцу, все прося его объяснить, каким таким образом кораблик мог оказаться в бутылке.

– Произошло чудо, Алли, – туманно ответил отец. – И мы должны верить в него.

Затем я извлекла из рюкзака свой ежедневник. Мне вдруг отчаянно захотелось почувствовать рядом с собой присутствие Па Солта, а потому я снова извлекла на свет божий письмо, которое он оставил для меня. Еще раз перечитала, вспомнила все подробности и тут же решила, не откладывая, спуститься в папин кабинет и поискать ту книжку, которую он рекомендовал мне для прочтения.

Остановилась на пороге, втягивая в себя такой привычный и такой родной запах цитрусовых, который витал в комнате. Пахло свежестью, веяло покоем.

– Алли! Прости, что не встретила тебя. Меня не было дома, когда ты приехала. Ты ведь не предупредила заранее. Но какой приятный сюрприз!

– Ма! – Я повернулась, чтобы обнять Марину. – Ну как ты тут одна? Вот выкроила несколько свободных денечков и решила провести их в Атлантисе. Хотела убедиться в том, что у тебя все хорошо.

– Да, да... У меня все хорошо, – проговорила Ма торопливо, мне даже показалось, что слишком торопливо. – А как ты, милая?

Я почувствовала на себе пристальный взгляд ее умных глаз.

– Но ты же меня знаешь, Ма. Я никогда не болею.

– Мы обе понимаем, что меня интересует не только твое здоровье, Алли, – негромко ответила Марина.

– Я была страшно занята все это время. Наверное, это немного помогло мне. Кстати, мы выиграли регату, – добавила я несколько невпопад, все еще внутренне не готовая к тому, чтобы рассказать Ма о Тео и о том, как я счастлива, что встретила его. Здесь, в Атлантисе, да еще так скоро после смерти папы, нет! Такой разговор сейчас явно не ко времени.

– А Майя тоже вернулась домой. Она сегодня с утра поехала в Женеву, почти сразу же после того, как проводила своего приятеля, которого привезла с собой из Бразилии. Скоро должна вернуться. Вот уж обрадуется так обрадуется!

– И я с радостью повидаяюсь с ней. Пару дней тому назад я получила от нее письмо по электронной почте. Судя по его тональности, она счастлива. С нетерпением жду, что она расскажет о своей поездке в Бразилию.

– Как насчет чашечки чая? Пошли на кухню. Там и поговорим о твоей последней регате.

– Хорошо! – Я послушно покинула папин кабинет и проследовала за Мариной вниз, на кухню. Марина была странно напряжена, и это сразу же бросилось мне в глаза. Наверное, подумала я, все дело в том, что я свалилась им с Клавдией как снег на голову, никого не предупредив заранее. И все же, и все же... Куда подевалась обычная невозмутимость Ма? Мы немного поболтали с ней о том о сем. Я рассказала ей про Киклады, она мне – про Майю. Где-то минут через двадцать послышалось знакомое тарахтение катера, и я побежала на пристань встречать сестру.

– Сюрприз! Сюрприз! – прокричала я уже издали, раскрывая объятия.

– Алли! – воскликнула изумленная Майя. – А ты что здесь делаешь?

– Станный вопрос! Разве ты забыла, что Атлантис и мой дом? – лишь усмехнулась я в ответ, когда мы, взявшись за руки, заторопились в дом.

– Почему это я забыла? Просто не ожидала увидеть тебя так скоро.

Мы решили посидеть немного на террасе, и я снова побежала на кухню, чтобы взять там кувшин с домашним лимонадом, который так мастерски готовит Клавдия. Слушая рассказ Майи о ее поездке в Бразилию, я исподтишка разглядывала ее и пришла к выводу, что уже много лет не видела сестру такой оживленной. Воистину, жизненная энергия была из нее ключом: глаза искрились, лицо буквально светилось.

– Алли, есть и кое-что еще, что я хочу рассказать тебе. Наверное, это было нужно сделать давно, много лет тому назад...

Затем Майя рассказала мне все то, что случилось с ней в университете и что побудило ее уйти в добровольное заточение и начать сторониться людей. Я выслушала ее историю со слезами на глазах. Протянула руку и погладила сестру, чтобы хоть как-то утешить.

– Милая моя Майя! Через какие ужасные испытания тебе пришлось пробиваться одной. Ну, почему?! Почему ты не поделилась тогда со мной? Ведь я же твоя сестра. И всегда считала,

что мы с тобой по-настоящему близки. Ведь в ту минуту я могла быть рядом с тобой, поддержать тебя, помочь... Разве не так?

– Так, Алли, так. И я это знаю. Но тебе тогда только-только исполнилось шестнадцать. И потом, мне было просто стыдно...

Я поинтересовалась у сестры, кто тот мерзавец, который причинил ей столько горя.

– Так... один тип. Вряд ли ты его знаешь. Мы с Зедом познакомились в университете.

– Зед Эсу?

– Да. Его имя часто звучит во всяких новостях. Его отец, известный финансовый магнат, недавно покончил жизнь самоубийством.

– Да, именно его яхту я видела рядом с папиной яхтой в тот ужасный день, когда узнала о смерти отца. Помнишь, я рассказывала вам об этом? – сказала я, невольно содрогнувшись от страшных воспоминаний.

– По иронии судьбы, именно Зед и подтолкнул меня сесть в самолет и улететь в Рио, хотя в тот момент я еще колебалась, начинать мне поиски своих настоящих родственников или нет. Но после четырнадцати лет молчания он вдруг позвонил мне. Не дозвонился и оставил голосовое сообщение, вот так, ни с того ни с сего. Сказал, что собирается в ближайшие дни в Швейцарию, и попросил меня о встрече.

Я в недоумении уставилась на Майю.

– Он искал встречи с тобой?

– Именно. Сказал, что узнал о смерти папы, и предложил поплакаться друг у друга на плече. Теперь сама понимаешь, почему я с такой скоростью вымелась вон из Швейцарии.

Тогда я спросила у Майи, в курсе ли Зед, что произошло с ней четырнадцать лет тому назад.

– Нет, – покачала головой Майя. – А если бы даже и знал, то уверена, это его мало взволновало бы.

– Думаю, ты правильно поступила, развязавшись с ним тогда, – мрачно согласилась я.

– То есть ты с ним все же как-то знакома, да?

– Лично я – нет. Но у меня есть... один приятель. И вот он-то его хорошо знает. Как бы то ни было, – заторопилась я, прежде чем Майя начала расспрашивать меня о том, что за приятель, откуда, где и прочее, – твой порыв сесть в самолет и улететь в Бразилию – это самое лучшее из того, что ты когда-либо совершала в своей жизни. А теперь рассказывай мне о своем шикарном поклоннике из Бразилии, которым ты там обзавелась. Насколько я могу судить, Ма от него просто без ума. Только о нем и говорила все то время, что я здесь. Так он писатель?

Мы немного поболтали о кавалере сестры, а потом Майя стала расспрашивать уже о моих делах. Но я решила, что сейчас – ее звездный час. После стольких лет одиночества Майя наконец нашла достойного человека и, быть может, даже полюбила его. Пусть выговорится всласть. А я расскажу ей о Тео немного попозже. А потому перевела разговор на предстоящие гонки Фастнет и на мое возможное участие в Олимпийских играх.

– Но это же фантастика, Алли! Обязательно сообщи мне, как ты пройдешь квалификационные испытания, ладно?

– Конечно, сообщу.

В этот момент на террасе появилась Марина.

– Майя, дорогая моя, а я и не знала, что ты уже вернулась домой. Мне только что сказала об этом Клавдия. Кристиан еще днем передал мне вот это, прости, забыла отдать тебе сразу же.

Марина вручила сестре конверт. Глаза Майи вспыхнули, когда она увидела знакомый почерк.

– Большое спасибо, Ма.

– А сейчас, девочки, не хотите ли отужинать? По-моему, уже пора, – предложила нам Марина.

– Лично я очень даже хочу! – воскликнула я и глянула на сестру. – А как ты, Майя? Присоединишься ко мне? Не так-то часто мы в последнее время пересекаемся друг с другом. К большому сожалению...

– Обязательно присоединюсь, – ответила сестра, поднимаясь со своего места. – Только чуть попозже, ладно? А сейчас, если не возражаете, я ненадолго отлучусь к себе в Павильон.

Мы с Мариной понимающе кивнули, глянув на Майю, которая продолжала сжимать в руке конверт с письмом.

– Увидимся попозже, дорогая, – ласково напутствовала ее Марина.

Мы с Ма направились в дом. История сестры ужасно расстроила меня. С одной стороны, конечно, хорошо, что мы наконец с ней выяснили все до конца. Сейчас-то мне понятно, почему Майя так резко и внезапно дистанцировалась от меня сразу же после окончания университета, почему добровольно обрекла себя на заточение в глуши. Но она сообщила мне, кто именно стал причиной всех ее страданий... Зед Эсзу... А это в корне меняет все дело.

В семье, где росли шесть девочек, да все еще такие разные, постоянно циркулировали слухи о парнях и тех любовных романах, которые мы крутили, причем все эти сплетни и разговоры в немалой степени определялись характером и темпераментом каждой из сестер. Но Майя всегда была самой скрытной из нас в том, что касалось ее личной жизни. Стар и Сиси, те предпочитали изливать душу друг другу и редко откровенничали с остальными сестрами. Что же до Электры и Тигги, то *они обе* уже многие годы делились своими сердечными тайнами со мной...

Я поднялась к себе в спальню и стала нервно расхаживать по комнате, размышляя о том, как трудно оставаться безучастной, когда узнаешь что-то неприятное о близком тебе человеке. Тем более когда владеешь определенной информацией об обидчике. Вопрос лишь в том, поделиться этой информацией с сестрой или оставить все как есть. И можно ли рассказать другим членам нашего семейства о том, что произошло когда-то с Майей? Однако, поразмыслив немало, я пришла к выводу, что не мое это дело. В конце концов, Майя после стольких лет молчания сама рассказала мне о своей тайне, *ей и решать*, стоит ли делиться со всеми остальными сестрами. С какой же стати мне вмешиваться?

Определившись с этим непростым для меня выбором, я немедленно включила свой мобильник и проверила поступившие эсмэски. И сразу мое лицо расплылось в улыбке, как только я прочитала первое сообщение, поступившее от Тео.

«Моя дорогая Алли. Страшно скучаю по тебе. Избитая фраза, но это правда».

Я тут же ответила:

«Я тоже скучаю, несмотря на всю банальность моего ответа».

Потом я приняла душ и заторопилась к Майе. Мне очень хотелось немедленно же рассказать ей о своей новообретенной любви, но я снова сдержала себя. Теперь не время. После стольких лет одиночества Майя наконец встретила свою любовь, она счастлива. Так пусть и насладится этим моментом сполна. А моя исповедь подождет другого раза.

За ужином Майя объявила нам, что завтра снова улетает в Бразилию.

– Жизнь у каждого одна. Правда, Ма? – обратилась она к Марине, усаживаясь за стол. Она вся просто светилась от счастья. Еще никогда я не видела Майю такой красивой.

– Все правильно, – согласилась с ней Ма. – Если минувшие несколько недель чему-то и научили всех нас, то именно пониманию этой простой истины. Жизнь лишь одна.

– Больше я не стану прятаться от людей, – сказала Майя, поднимая свой бокал. – Даже если это в итоге не сработает, все равно хоть попробую жить по-новому.

– За новое начало в твоей жизни, – провозгласила я, поднимая бокал, и с улыбкой глянула на сестру. – За тебя, Майя.

9

Мы с Мариной долго махали руками вслед уплывающей от нас Майе и посылали воздушные поцелуи, наблюдая за тем, как катер все дальше уносит сестру от берегов Атлантики.

– Я так рада за нее, – промолвила Ма, украдкой вытирая слезы с глаз, когда мы с ней повернулись, чтобы идти домой. На кухне за чашечкой чая мы еще немного поболтали о Майе и о ее тяжелом прошлом. А также о тех радужных перспективах, которые открылись перед ней сейчас. Судя по высказываниям Ма, ее отношение к Зеду Эсзу тоже было крайне отрицательным.

Допив чай, я извинилась перед Ма и сказала, что мне надо проверить свою электронную почту.

– Можно я займусь этим в папином кабинете? – спросила я. Все мы знали, что именно там самый лучший интернет-сигнал в доме.

– Конечно. Отныне кабинет Па Солта всецело в вашем распоряжении, – сказала Ма и грустно улыбнулась.

Я быстро сбегала к себе наверх за ноутбуком и направилась в кабинет отца. Распахнула дверь. Все как всегда... Стены, отделанные дубовыми панелями, удобная антикварная мебель. Я осторожно уселась в папино кожаное кресло и положила на письменный стол из орехового дерева свой ноутбук. Подключила интернет и стала ждать, когда он загрузится, вращаясь в кресле и бесцельно разглядывая обилие самых разных предметов, которые отец хранил на полках. На первый взгляд, между всеми этими вещами не было ничего общего. Просто какие-то разрозненные предметы, обычные сувениры, привезенные Па Солтом из дальних странствий. Потом я сосредоточилась на изучении книжных полок, занимавших полностью одну стену и протянувшихся от пола и до самого потолка, мысленно прикидывая, на какой из полок должна стоять та книга, о которой отец упомянул в своем письме. Взгляд мой выхватил томик Данте, примостившийся между Диккенсом и Шекспиром. Рядом стояли книги Сартра. Я поняла, что все книги в библиотеке отца расставлены в алфавитном порядке. Собрание было довольно эклектичным, но поражало разнообразием вкусов и пристрастий, собственно, таким разнообразным и многосторонним человеком был и сам отец.

Мой ноутбук раскапризничался и сообщил мне, что он решил отключиться, не успев открыться. Пришлось снова ждать, пока он осуществит перезагрузку. Я поднялась с кресла и подошла к CD-проигрывателю. Все мы, сестры, многократно уговаривали отца купить себе более современную технику, перейти на айпод, к примеру. Но отец, несмотря на то что его кабинет был оснащен самыми современными компьютерами и новейшими электронными системами связи, был непреклонен. Говорил, что уже слишком стар, чтобы менять свои привычки. К тому же, по его словам, он привык не столько слушать, сколько «видеть» исполняемую музыку. Я включила проигрыватель. Интересно, что папа слушал в последний раз, незадолго до своей смерти? Комната тотчас же наполнилась величественными аккордами начальных тактов пьесы Грига «Утреннее настроение» из его музыки к драме Ибсена «Пер Гюнт».

Я замерла на месте. Волна воспоминаний накрыла меня с головой. Эта пьеса была одной из самых любимых папиных мелодий, и он часто просил меня наиграть ее на флейте. Собственно, тема «Утреннего настроения» стала сквозной темой всего моего детства. И вот эта изумительная музыка снова напомнила мне о тех незабываемых рассветах и восходах солнца, которые мы встречали вместе с отцом, когда отправлялись плавать по озеру и Па Солт учил меня, как надо управлять яхтой.

Как же мне сегодня не хватает отца!

И как мне не хватает еще одного человека.

Между тем музыка росла и ширилась, заполняя все пространство комнаты своими прекрасными звуками. Я инстинктивно сняла трубку с папиного телефона, стоявшего на письменном столе, намереваясь позвонить.

Прежде чем начать набирать номер, я поднесла трубку к уху и поняла, что кто-то уже разговаривает по телефону на другом конце дома. Линия занята.

И в ту же минуту испытала самый настоящий шок, услышав интонации, знакомые мне с детства. Не может быть! Тот же самый голос, который, можно сказать, с колыбели утешал и успокаивал меня. Сама не понимая, что делаю, я вклинилась в чужой разговор.

– Алло! – громко крикнула я в трубку и тут же отключила проигрыватель, чтобы окончательно убедиться в том, что это был его голос.

Но на другом конце провода слышались лишь короткие гудки, и я поняла, что он ушел.

Я плюхнулась в кресло, тяжело дыша, потом вскочила с места и ринулась в холл, стала громко звать Ма. На мои крики из кухни выбежала Клавдия. При виде экономки я истерично разрыдалась, а когда на лестнице появилась переполошившаяся Ма, опрометью бросилась к ней.

– Алли, милая! Ради бога! Что случилось?

– Я... я только что слышала его! Ма, я слышала его!

– Кого, милая?

– Па Солта! Он разговаривал по телефону. А я в этот момент сняла трубку, чтобы набрать один номер. О боже! Папа не умер! Он жив!

– Алли! – Я перехватила испуганные взгляды, которыми обменялись Марина и Клавдия. Потом Ма обняла меня за плечи и повела в гостиную. – Дитя мое, пожалуйста! Попытайся успокоиться.

– Как я могу успокоиться? Я всегда знала... я чувствовала, что папа не умер. Что он сейчас где-то скрывается, и кто-то из тех, кто обитает в этом доме, разговаривал с ним... Да! Разговаривал! – Я бросила на Ма обличающий взгляд.

– Алли, поверь мне. Я не сомневаюсь в том, что ты слышала папин голос, но этому есть вполне простое объяснение.

– Какое объяснение, хотела бы я знать?

– Действительно несколько минут тому назад раздался звонок, но я услышала его слишком поздно и не успела снять трубку, чтобы ответить. А потому включился автоответчик. Ты услышала папин голос, но это было то сообщение, которое он оставил на своем автоответчике. Только и всего.

– Но я же сидела рядом с телефоном и не слышала никакого звонка!

– Да у тебя музыка гремела на всю мощь, Алли! Слышно было даже в моей комнате наверху. Неудивительно, что ты не расслышала обычный телефонный звонок.

– То есть это не ты разговаривала с ним, да? А может, Клавдия? – ухватила я за последнюю надежду.

– Алли, понимаю, тебе сейчас хочется услышать от меня совсем другие слова, но я, к великому огорчению, вынуждена еще раз повторить: это был автоответчик. Не веришь? Убедись в этом сама. Позвони на наш домашний номер со своего мобильного, и ты услышишь папин голос. Ну же! Ступай! – почти в приказном порядке обратилась ко мне Марина.

Я смутилась. Мое смущение еще более усилилось при мысли о том, как бестактно я себя повела, фактически обвинив Марину и Клавдию в том, что они мне солгали.

– Нет, зачем же? Я тебе верю, Ма, – виновато пробормотала я. – Просто... просто мне *хотелось*, чтобы это был папа. Чтобы он был жив... А вся эта ужасная ситуация оказалась обычной ошибкой... недоразумением...

– О, как нам всем, Алли, хотелось бы, чтобы это была всего лишь ошибка. Увы-увы! Но папы больше нет, и никому из нас не под силу воскресить его.

– Знаю... да... это так. Прости меня, Ма.

– Тебе не за что извиняться, милая. Что я могу для тебя сделать?

– Ничего не надо, – проговорила я убитым голосом, поднимаясь со своего места. – Пойду позвоню.

Марина улыбнулась мне, проводив сочувственным взглядом. А я снова вернулась в папин кабинет. Уселась за его письменный стол и стала пристально разглядывать телефонный аппарат. Потом сняла трубку и набрала номер мобильного Тео. Там был включен режим голосовой почты. Я не стала оставлять сообщений. Хотелось поговорить с живым человеком, а не с машиной. Я положила трубку на рычаг и уже собралась уходить.

Но тут вспомнила, что хотела поискать ту книгу, которую рекомендовал мне почитать Па Солт. Поднялась с кресла, быстро пробежала глазами корешки книг на букву Н и буквально за считанные секунды отыскала на полке нужную мне книгу.

Grieg, Solveig og Jeg

En biografi av Anna og Jens Halvorsen

Jens Halvorsen

Что-то биографическое, поняла я, прочитав слова, написанные на чужом языке, взяла книгу и положила ее перед собой на стол.

Книга была старой, с пожелтевшими страницами. Бумага тоже от времени стала совсем хрупкой. Год издания – 1907-й, ровно сто лет тому назад. Имея музыкальное образование, я легко поняла те отсылки, которые сделал неизвестный мне мистер Халворсен. Сольвейг – это героиня знаменитой поэмы и одноименной пьесы Генрика Ибсена «Пер Гюнт». Музыку к этому произведению для его сценического воплощения написал еще один знаменитый норвежец – композитор Эдвард Григ. Я перевернула страницу. В предисловии разобрала только слова «Пер Гюнт» и «Григ». Пролистала еще несколько страниц в поисках знакомых слов, тщетно. Скорее всего, книга написана на норвежском языке, родном языке Грига и Ибсена. Мне этот язык совершенно не знаком.

подавив разочарованный вздох, я принялась листать дальше и очень скоро обнаружила черно-белую фотографию хрупкой молодой женщины в сценическом костюме деревенской девушки. Под фотографией стояла подпись: «*Anna Landvik som Solveig, сентябрь 1876*». Я внимательно изучила фотографию и пришла к выводу, что некая таинственная особа по имени Анна Ландвик была запечатлена на этой фотографии в очень юном возрасте. Под густым сценическим гримом проступало личико совсем еще молоденькой девушки, почти подростка. Я просмотрела и другие фотографии, на которых Анна Ландвик уже была постарше. Потом увидела знакомое лицо Грига и долго разглядывала фотографию, на которой Анна Ландвик была запечатлена возле концертного рояля, а на заднем фоне виднелась фигура Эдварда Грига, который стоя аплодировал ей.

Было и множество других фотографий незнакомых мне людей. Красивый молодой человек, судя по фамилии, автор книги, запечатлен сидящим рядом с Анной, которая держит на руках маленького ребенка. Традиционный семейный снимок. Раздосадованная тем, что языковой барьер не позволит мне узнать никаких дополнительных сведений обо всех этих людях, я тем не менее почувствовала, как во мне просыпается живейшее любопытство. Нет, эту книгу нужно обязательно перевести. Поговорю с Майей. Она же у нас переводчик. Наверняка посоветует мне кого-то из своих знакомых, кто сможет помочь.

Учитывая мои музыкальные способности, почему бы и не предположить, что кто-то из моих предков имеет какое-то отношение к прославленному композитору, к тому же самому любимому? Сама мысль о возможном родстве с Григом возбуждала. Не поэтому ли Па Солт

так обожал музыку Грига к «Пер Гюнту»? Может быть, именно потому, что эта музыка имеет самое непосредственное отношение ко мне, он так часто ставил мне ее для прослушивания.

И снова я расстроилась, вспомнив, что папы больше нет и некому задать вопросы, на которые у меня пока нет ответов.

– С тобой все в порядке, милая?

Погруженная в свои невеселые мысли, я вздрогнула и подняла голову. В дверях стояла Ма.

– Все в порядке, Ма.

– Читала?

– Да.

Я положила руку на книгу, словно пытаюсь спрятать ее от посторонних глаз.

– Зашла пригласить тебя на ланч. Клавдия накрыла стол на веранде.

– Иду. Спасибо, Ма.

* * *

С аппетитом уплетая салат с козым сыром и запивая его охлажденным белым вином, я снова, уже в который раз, извинилась перед Ма за свою нелепую истеричную выходку.

– Повторяю, тебе не в чем передо мной извиняться, – успокоила меня Ма. – Лучше расскажи о себе, Алли. Про Майю мы уже все знаем. Теперь твоя очередь. По тебе вижу, в твоей жизни тоже случилось что-то очень хорошее. Глаза горят, ты стала совсем другой.

– В общем-то, да. Ты права, Ма. Я познакомилась с одним человеком.

– Я так и подумала! – улыбнулась в ответ Марина.

– Вот почему я когда умер папа, не отреагировала на все ваши эсэмэски и звонки. Я была тогда с этим человеком и попросту отключила свой мобильник, – выпалила я не задумываясь, чувствуя себя почти счастливой от того, что наконец-то призналась Ма во всем. – Прости меня, Ма... прости. Я поступила очень плохо и до сих пор чувствую себя виноватой.

– Что за глупости, Алли! Кто же мог знать, что все так случится?

– А в реальности получились самые настоящие американские горки. Никогда у меня еще не было таких стремительных перепадов: от состояния абсолютного счастья к такому же абсолютному, по-настоящему кромешному горю. И все сразу, и вместе, и так неожиданно. Я чувствую свою вину перед папой, что была так счастлива именно в тот самый момент, когда он умирал.

– Не думаю, что твой отец одобрил бы подобные настроения, милая. Не надо так говорить. Лучше расскажи мне о том молодом человеке, который наконец похитил твое сердце.

Я с готовностью поведала Ма все. Даже назвала Тео по имени, что сразу же подняло мне настроение.

– Так он и есть тот «единственный», кого ты ждала всю жизнь? Честно говоря, Алли, впервые ты говоришь о мужчине с таким воодушевлением.

– Да, думаю, Тео и есть «мой единственный». Между прочим, он уже сделал мне предложение.

– Боже мой! – воскликнула Ма, глядя на меня с изумлением. – А ты? Согласилась?

– Да! Хотя уверена, до нашей свадьбы еще очень далеко. И он подарил мне вот это. – Я извлекла из-под воротника блузки серебряную цепочку с кулоном от дурного глаза. – Понимаю, все произошло так непозволительно быстро, но у меня такое чувство, что мы оба поступили правильно. Ты ведь меня знаешь, Ма, я никогда не страдала избыточным романтизмом. А потому и для меня все случившееся стало полнейшей неожиданностью.

– Конечно, я тебя хорошо знаю, Алли. Поэтому я сразу же поняла, что на сей раз у тебя все действительно очень серьезно.

– Между прочим, Тео очень напоминает мне папу. Как грустно, что Па Солт не успел познакомиться с ним лично. – Я вздохнула и отправила в рот очередную ложку салата. – Но давай, Ма, о другом. Как ты думаешь, папа и правда хотел, чтобы все мы отправились на поиски собственных корней?

– Полагаю, он прежде всего хотел снабдить каждую из вас всей необходимой информацией, которая, в случае чего, могла бы помочь вам. А уж вам самим решать, начинать эти поиски или нет.

– Что ж, на данный момент можно со всей определенностью констатировать, что папина информация очень помогла Майе. Занявшись поисками собственного прошлого, она неожиданно для себя самой встретила с будущим.

– Это правда, – согласилась со мной Ма.

– Что же до меня, то со своим будущим я уже определилась. А копаться в прошлом у меня пока нет никакого желания. Вполне возможно, в один прекрасный день такое желание и появится, но только не сегодня. Пока я хочу просто наслаждаться настоящим. Посмотрим, к чему все это приведет.

– И наслаждайся себе на здоровье. Надеюсь, вскоре ты привезешь Тео в Атлантис и познакомишь меня с ним.

– Обязательно, Ма! – улыбнулась я Марине, уже предвкушая момент такой встречи. – Обещаю!

* * *

Несколько дней домашней стряпни в великолепном исполнении Клавдии, крепкий, здоровый сон и не менее великолепная июльская погода, стоявшая на дворе, сделали свое дело. Я посвежела, отдохнула и стала гораздо спокойнее. Каждый день я отправлялась после обеда на озеро и гоняла на «Лазере» по несколько часов кряду, наслаждаясь тем, что просто плыву под парусом, не ставя перед собой никаких соревновательных целей. А когда солнце начинало клониться к закату, я ложилась на днище яхты и предавалась мечтам о Тео. Почему-то я чувствовала особую близость к папе и к Тео именно в те минуты, когда оказывалась на воде. Постепенно, хоть и очень медленно, я стала привыкать, что папы больше нет. И хотя я заявила Марине, что не собираюсь заниматься изысканиями собственных корней, я тем не менее связалась по электронной почте с Майей и спросила, есть ли у нее на примете знакомый переводчик с норвежского. Она ответила, что таких знакомых у нее нет, но пообещала навести справки. И буквально через пару дней переслала мне контактные телефоны и адрес электронной почты некой Магдалены Йенсен. Я тут же позвонила ей, поговорила, все объяснила, и она с радостью согласилась сделать для меня перевод папиной книги. Откопировав обложку и фотографии на всякий непредвиденный случай (а вдруг книга потеряется?), я упаковала книгу и отправила ее по почте, оформив срочную доставку.

Складывая свои вещи в рюкзак и готовясь к отъезду на остров Уайт, неподалеку от английского побережья, я в какой-то момент ощутила неприятный холодок, пробежавший по моей спине при мысли о том, что ждет меня в ближайшем будущем. Соревнования Фастнет – это серьезный вызов. Тео набирал себе команду в двадцать человек буквально поштучно. Все без исключения – высококвалифицированные спортсмены с огромным опытом участия во всевозможных регатах. Лично мне еще не доводилось участвовать в соревнованиях такой сложности. Нужно будет постараться и выложиться на пределе собственных возможностей. А еще смотреть в оба и учиться, учиться и учиться. Невиданная честь, что Тео вообще пригласил меня участвовать на этих гонках.

– Собралась? – спросила Ма, когда я спустилась в холл с рюкзаком на спине и флейтой в руке. Тео попросил меня обязательно взять флейту с собой. Судя по всему, он был вполне искренен, когда говорил, что ему нравится моя игра.

– Да, готова к отъезду.

Ма привлекла меня к себе и крепко обняла, и в ее ласковых объятиях я почувствовала себя такой защищенной и уверенной в себе. Вот что значит надежный тыл.

– Береги себя во время соревнований, милая. Договорились? – попросила меня она, когда мы уже вышли из дома и направились к пристани.

– Пожалуйста, не волнуйся за меня, Ма! Все будет хорошо, обещаю. Ведь у нас самый лучший капитан в мире. Тео сохранит мне жизнь в любых условиях.

– Тогда слушайся его во всем. Беспрекословно. Ты слышишь меня, Алли? Мне ли не знать, какая ты у нас упрямая?

– Буду слушаться, – снова пообещала я и кривовато улыбнулась. Надо же! Ма знает меня как свои пять пальцев.

– И будь все время со мной на связи, ладно? – прокричала она, когда Кристиан слегка оттолкнул катер от берега, а потом ловко запрыгнул на борт и забросил туда швартовы.

– Буду-буду! – прокричала я в ответ.

Включился мотор, и катер, резко набрав скорость, понесся по озеру. И в эту минуту я подумала, что действительно уношусь на нем в свое будущее.

10

– Привет, Алли!

Я уставилась на Тео в немом изумлении, застыв прямо на полдороге. Вокруг меня с двух сторон тек непрерывный поток пассажиров. Лондонский аэропорт Хитроу был, как всегда, переполнен.

– А ты что здесь делаешь?

– Ну и вопросыки у тебя! Можно подумать, что ты совсем не рада видеть меня, – прорычал он шутливо. После чего заключил в свои объятия, не обращая никакого внимания на пассажиров, пробиравшихся мимо нас, торопясь на выход.

– Конечно, я рада. Очень рада! – хихикнула я, как девчонка, когда он наконец разжал свои объятия, чтобы мы могли хватануть немного воздуха. Как всегда, Тео – сама предусмотрительность, и на сей раз он превзошел все мои ожидания. – Я думала, ты занимаешься своей «Тигрицей». Пошли! – Я немного отодвинулась от него. – Иначе мы тут самый настоящий затор устроим.

Мы вышли из терминала на стоянку такси.

– Запрыгивай! – скомандовал мне Тео и назвал водителю адрес.

– Надеюсь, такси не повезет нас напрямик до паромной переправы на остров Уайт? – спросила я, устраиваясь на сиденье. – Это же бог знает сколько миль отсюда.

– Какая сегодня переправа, Алли? Конечно, впереди нас ждут очень интенсивные тренировки по полной программе. Но я тут подумал, что совсем неплохо провести хотя бы одну ночь вместе, прежде чем я стану для тебя только «капитаном», а ты для меня – только «Ал». – С этими словами Тео снова крепко обнял меня. – Страшно соскучился, любимая, – прошептал он мне на ухо.

– Я тоже, – ответила я, перехватив взгляд таксиста, который ухмылялся, разглядывая нас в зеркале заднего вида.

К моему несказанному удивлению и радости, такси остановилось возле отеля «Кларидж», где Тео заказал номер на двоих. Мы провели божественных полдня и полночи, наверстывая упущенное. Ночью, прежде чем включить свет, я глянула на спящего Тео, жадно впитывая в себя каждую черточку его лица. И подумала: с ним я пойду куда угодно. Хоть на край света.

* * *

– Мы должны нанести один визит, прежде чем отправимся в Саутгемптон, – заявил Тео на следующее утро, когда мы уминали свой завтрак прямо в постели.

– Да? И кого же, интересно, мы обязаны навестить?

– Мою мать. Я ведь говорил тебе, что мама живет в Лондоне. И ей просто не терпится поскорее познакомиться с тобой. А потому приподними-ка свою совершеннейшей формы попку с постели и начинай приводить себя в порядок, пока я буду принимать душ.

Я мгновенно вскочила с кровати и принялась лихорадочно рыться в своих пожитках. Как-никак, а впереди меня ждала встреча с будущей свекровью. Нельзя ударить в грязь лицом, разволновалась я не на шутку, обнаружив в своем багаже лишь джинсы, пару свитеров да пару кроссовок, которые я прихватила с собой для тех редких вечеров, которые мы, предположительно, будем проводить на суше. В остальное же время я буду с головы до пят упакована в водонепроницаемый комбинезон.

Потом я ринулась в ванную комнату проверить свою косметичку: ни помады, ни пудры. Только банные принадлежности. Судя по всему, всю свою косметику я благополучно оставила в Атлантисе.

– У меня даже помады с собой нет! – прокричала я Тео через дверь в душевую.

– Алли, ты же знаешь, я люблю тебя в твоём естественном состоянии, без всяких там дополнительных украшательств, – ответил Тео, возникая из клубов пара, заполнивших душевую кабинку. – Терпеть не могу женщин, которые злоупотребляют макияжем. Однако хватит разговоров. Попрошу вас, мадам, проследовать в душ. У нас времени в обрез.

Минут сорок спустя, когда мы на такси исколесили самый настоящий лабиринт из улиц и улочек, Тео объявил, что мы прибыли в лондонский район под названием Челси. Таксист остановил машину рядом с красивым белокаменным домом. Типичный таунхаус, в котором у каждой квартиры есть отдельный зелёный дворик и гараж. Преодолев три мраморные ступеньки, мы оказались возле парадной двери, украшенной по обе стороны каменными вазами, в которых благоухали гардении.

– Вот мы и дома! – воскликнул Тео, извлекая из кармана ключ и отмыкая парадную дверь. – Мама! – окликнул он, входя в холл. – Ты где?

Я зашла следом. Мы миновали узкий коридорчик и оказались в просторной светлой кухне. Доминирующее место в ней занимали большой деревенский стол из дуба и массивный кухонный буфет. Открытые верхние полки были заставлены разноцветной керамикой.

– Я здесь, дорогой! – откликнулся женский голос через открытое французское окно.

Мы вышли на каменную террасу. Хрупкая женщина с темно-русыми волосами, собранными в короткий конский хвост, подрезала розы в крохотном палисаднике, вдоль стен которого протянулось множество обильно цветущих розовых кустов.

– Моя мама выросла в деревне и всю свою жизнь настойчиво пытается воссоздать деревенский уют в центре Лондона, – заметил Тео, глядя влюбленным взглядом на женщину, которая, оторвавшись от своей работы, подняла глаза, а увидев нас, приветливо улыбнулась.

– Привет, мой дорогой. Здравствуйте, Алли.

Она направилась к нам, разглядывая меня по пути внимательным взглядом своих ярко-васильковых глаз, таким же острым и наблюдательным, как и у её сына. Я подумала, что у Тео очень красивая мать. Такая немного кукольная красота, нежная кожа, голубые глаза. Словом, типичная английская роза.

– Я уже столько о вас слышала, Алли, что мне кажется, будто я вас давно знаю, – промолвила она, целуя меня в обе щеки.

– Здравствуй, мамочка! – поздоровался Тео и обнял мать. – Прекрасно выглядишь.

– Правда? А я как раз утром занималась тем, что подсчитывала седые волосы на своей голове. – Она шутливо вздохнула. – К сожалению, старость неизбежна. Итак, что будем пить?

– Быть может, чашечку кофе, а? – Тео бросил на меня вопросительный взгляд.

– С удовольствием, – тут же согласилась я и шепотом поинтересовалась у него, пока мы шли вслед за его матерью в дом: – А как зовут твою маму? Думаю, мне пока рано называть её мамой.

– Ой, прости! Совсем забыл представить! Маму зовут Селия. – Тео взял меня за руку и слегка пожал её. – Ты в порядке?

– Да, все хорошо.

За кофе Селия расспрашивала обо мне. Когда я рассказала ей о смерти Па Солта, она сочувственно сказала:

– Не думаю, что вообще можно оправиться после смерти отца или матери. Особенно если речь идет о дочери, настолько привязанной к своему отцу. Помню, я была безутешна, когда умер мой отец. Единственное, Алли, что может произойти со временем, – это то, что постепенно вы смиритесь с утратой. Но для вас пока еще слишком рано говорить об этом. Прошло ведь совсем мало времени. Надеюсь, мой сын не заставляет вас трудиться как каторжную, – добавила она, скользнув взглядом по Тео.

– О нет, Селия, ничего подобного, – заверила я ее. – Но если честно, то без работы мне было бы еще хуже. Слоняться бесцельно по дому и растравлять себе душу... Нет уж! Предпочитаю с головой окунуться в работу.

– А вот лично я буду несказанно рада, когда эти ваши соревнования Фастнет закончатся. Со временем, когда у вас появятся собственные дети, вы, думаю, меня поймете. У меня всякий раз, когда Тео отправляется на очередную регату, душа уходит в пятки от страха за него.

– Но мамочка! Разве ты забыла? Я уже дважды участвовал в этих гонках, – возмутился Тео. – И потом, ты же прекрасно знаешь, чем я занимаюсь.

– Селия, он великолепный капитан, – подала я свой робкий голос и добавила: – Это правда. Его команда всегда готова ради него на все.

– Да, я знаю, он прекрасный яхтсмен, и я горжусь им. Но видит бог, как бы я хотела, чтобы он в свое время избрал себе другую профессию. Стал бы, например, бухгалтером или каким-нибудь брокером на фондовой бирже. Нашел бы себе дело поспокойнее, не сопряженное с таким количеством опасностей и риском.

– Перестань, мама. Что это на тебя вдруг нашло? Обычно ты так не волнуешься. Мы ведь с тобой уже сто раз обсуждали все это. И я тебе сто раз повторял, что могу в любой день перевернуться в автобусе или погибнуть в автомобильной катастрофе. Никто ни от чего не застрахован. К тому же вспомни! Ты ведь сама научила меня ходить под парусом. Забыла? – ласково напомнил матери Тео.

– Прости меня, Тео. Прости! Все! Я умолкаю! Это, наверное, старость виновата. С возрастом всякие мрачные мысли сами собой лезут в голову. Кстати, о мрачном... Давно ты виделся или перезванивался с отцом? – поинтересовалась Селия у сына, и в ее голосе моментально послышались резкие нотки.

Прошло несколько секунд, прежде чем Тео ответил матери:

– Отец недавно прислал мне письмо по электронной почте. Сообщил, что сейчас отдыхает на своей вилле на Карибах.

– В одиночестве? – Селия картинно вскинула одну бровь.

– Понятия не имею. Если честно, это меня мало волнует, – отрубил Тео и тут же перевел разговор на другое. Стал расспрашивать мать, куда она собирается отправиться на отдых в августе. За границу? Или будет отдыхать в Англии?

Я тихонько слушала, как мать с сыном обсуждают ближайшие планы Селии. Неделя на юге Франции, а ближе к концу месяца несколько дней в Италии. По тому, как непринужденно и легко лилась их беседа, было понятно: эти двое не просто любят, они обожают друг друга.

Спустя час, когда Тео осушил уже вторую чашку кофе, он неохотно посмотрел на свои часы.

– Нам пора, мамочка.

– Уже? А я думала, вы останетесь на ланч. Я сейчас мигом сварганю какой-нибудь вкусенький салат. Пару минут, и все будет готово.

– Нет, мамочка! Нет! Извини... На пять часов у нас назначен сбор команды на борту яхты. Негоже, если капитан припозднится и покажет дурной пример своему экипажу. Поэтому мы сейчас прямо на вокзал. Надо успеть на поезд на двенадцать тридцать. – Тео поднялся из-за стола. – Отлучусь на пару минут в ванную и жду вас в холле.

– Я очень рада познакомиться с вами, Алли, – сказала мне Селия, когда за Тео закрылась дверь. – Когда он сказал мне, что вы и есть та единственная женщина, которую он мечтал встретить всю свою жизнь, помню, я даже немного разнервничалась, что и понятно, впрочем. Ведь Тео у меня единственный ребенок. Он все в моей жизни. Но сейчас, когда я увидела вас, я поняла: вы очень подходите друг другу.

– Спасибо, Селия, за ваши добрые слова. Мы действительно очень счастливы, – улыбнулась я в ответ.

Мы тоже встали со своих стульев и пошли в холл. Внезапно Селия положила свою руку на мою.

– Береги его, девочка, ладно? Тео, как мне кажется, никогда не задумывается об опасностях.

– Я сделаю все, что будет в моих силах. Обещаю вам, Селия.

– Я...

Селия уже приготовилась сказать что-то еще, но в этот момент перед нами возник Тео.

– До свидания, мамочка. Обязательно позвоню тебе. И не волнуйся, если всю неделю соревнований мне будет не до звонков. Договорились?

– Постараюсь держать свои нервы в узде, – дрогнувшим голосом ответила Селия. – Приеду в Плимут. Буду встречать тебя на финише.

Я устремила к выходу, решив проявить деликатность и не мешать сыну и матери попрощаться без свидетелей. Но успела заметить, как страстно припала мать к груди Тео, словно не желая отпускать его от себя. Тео осторожно высвободил себя из ее рук. Селия вышла за нами на крыльцо и принялась махать нам вслед. На ее лице застыла напряженная улыбка.

Всю дорогу до Саутгемптона Тео был непривычно молчалив и погружен в собственные думы.

– С тобой все в порядке? – не выдержала я наконец, наблюдая за тем, как он задумчиво уставился в окно.

– Что-то меня мама волнует. Она сегодня была сама не своя. Обычно она такая жизнерадостная, веселая. Провожает меня с улыбкой на устах, чуть обнимет – и прощай! А тут...

– Мама тебя обожает.

– Я тоже ее очень люблю. Ведь это мама сделала меня тем, кем я стал. И она всегда приветствовала мои занятия парусным спортом. Наверное, просто *стареет*, – добавил он, слегка пожав плечами. – И потом, думаю, она так и не смогла оправиться после разрыва с отцом и их развода.

– Думаешь, она все еще любит его?

– Почти уверен в этом. Хотя это вовсе не означает, что этот человек ей *нравится*. Как такой может понравиться? Когда мама узнала о его бесконечных романах на стороне, она была просто убита... раздавлена... Для нее это стало таким унижением, что, несмотря на все свои чувства к отцу, она попросила его немедленно покинуть дом. Бедная мамочка! Он разбил ей сердце...

– Как ужасно!

– Да, хорошего мало. Думаю, в глубине души отец тоже все еще любит маму. Они оба страдают, живя врозь. Хотя ты же знаешь, здесь такая тонкая грань. От любви до ненависти, как говорится, всего один шаг. Наверное, жить с таким человеком – это все равно что жить с пьяницей. В какой-то момент понимаешь, что надо принимать решение: либо уходить от алкоголика, либо сходить с ума вместе с ним. От себя самих нам никуда не деться, верно? И никто не в состоянии помочь нам, как бы он или она сильно ни любили нас. Я прав?

– Да, прав.

Внезапно Тео схватил меня за руку.

– Обещай мне, что с нами такого никогда не случится! Слышишь меня, Алли?

– Никогда не случится! – воскликнула я с жаром.

* * *

Последние дни перед стартом были, как всегда, хлопотными, очень напряженными и до отказа заполненными всякими делами и заботами. Что и неудивительно. Репутация у Фастнета соответственная. Самые сложные и самые трудные гонки в мире, требующие от спортсменов

исключительной технической подготовки. Согласно правилам проведения регаты, пятьдесят процентов экипажей, участвующих в соревнованиях, должны быть представлены яхтсменами, которые в течение последнего года принимали участие в парусных состязаниях на расстоянии до трехсот миль от берега. В первый же вечер, когда Тео собрал всю свою команду численностью двадцать человек на борту «Тигрицы», я поняла, что опыта у меня гораздо меньше, чем у остальных членов экипажа. Тео известен в мире спорта тем, что взращивает вокруг себя юные таланты, вот и на сей раз он включил в состав экипажа всех членов своей команды, участвовавших в регате Киклады. Но в остальном он не стал рисковать и укомплектовал экипаж лучшими из лучших, в буквальном смысле слова, сливками международного парусного спорта, поштучно отбирая каждую кандидатуру.

Маршрут предстоящих гонок был уже известен, предельно сложный и опасный. Мы должны будем обогнуть южное побережье Великобритании, пересечь Кельтское море и выйти к скале Фастнет в Ирландии, а потом вернуться назад в Плимут. Сильные западные и юго-западные ветра, опасные морские течения и в высшей степени непредсказуемые погодные условия – все это вместе уже не раз и не два выводило из строя множество яхт, участвовавших в соревнованиях в предыдущие годы. Все мы хорошо знали, сколько несчастных случаев произошло на этих гонках в прошлом. А потому никто из членов команды не пребывал в эйфории, и тем не менее все как один были решительно настроены на победу.

Мы вставали засветло и часами тренировались на воде, снова и снова повторяя все необходимые маневры, выкладывались по полной, проверяя на прочность каждого члена команды и ходовые качества яхты, которая пока производила впечатление просто совершеннейшего судна. Я видела, как порой Тео начинал злиться, особенно когда кто-то из спортсменов забывал о том, что у нас «командная игра», и начинал тянуть одеяло на себя. Но при этом Тео никогда не терял выдержки, оставаясь предельно хладнокровным и уравновешенным. Каждый вечер за ужином детально разбирались тактика и стратегия поведения каждого члена экипажа, снова и снова анализировались любые мелочи, работающие на общее дело, после чего Тео, как правило, выступал с заключительным словом.

Помимо ежедневных тренировок на воде, у нас было несколько занятий по технике безопасности при внезапном погружении в воду. Мы отработывали навыки использования сложнейшего оборудования, которое гарантировало нашу безопасность на судне. Каждому из нас вручили личные передатчики для подачи сигнала бедствия и пеленгации соответствующих сигналов с тонущих судов, которые мы были обязаны постоянно носить при себе закрепленными на спасательных жилетах. Даже если мы не выходили в открытое море, все равно команда без устали трудилась на яхте, методично проверяя и перепроверя каждую деталь, каждый узел под бдительным оком Тео. Все подвергалось детальному осмотру: инструментарий, насосы, помпы и лебедки, снасти, тросы, канаты, все комплекты парусов.

Мало-помалу все мы, ведомые нашим вдохновенным лидером, сплотились в по-настоящему единый коллектив. И накануне соревнований наш корпоративный дух, *esprit de corps*, как говорится, был высок, как никогда. Перед стартом, назначенным на двенадцатое августа, Тео собрал нас после ужина для заключительной беседы, снова и снова настраивая экипаж только на победу. А за ужином все члены экипажа поднимались по очереди из-за стола и провозглашали здравицы в честь Тео.

Мы чувствовали себя в полной боевой готовности. Но, как всегда, нашлась и ложка дегтя в бочке меда: прогноз погоды на ближайшие несколько дней был неутешительным. Отвратительные погодные условия обещали нам синоптики.

– Я должен сейчас бежать на брифинг для капитанов, который проводят в Королевском яхт-клубе. Пока, дорогая. – Тео небрежно чмокнул меня в щечку, наблюдая за тем, как остальные члены команды медленно расходятся по своим комнатам. – Ты тоже ступай к себе в номер

и прими горячую ванну. Подольше лежи, насладись теплом и комфортом. В ближайшие дни такого удовольствия ты будешь лишена начисто.

Я так и сделала. Долго нежилась в теплой пенной воде. Но, когда вышла из ванной иглянула в окно, я увидела, как сильный ветер гоняет волны в бухте, как швыряет двести семьдесят одну яхту, заявленную для участия в гонках. Я вдруг невольно почувствовала неприятную пустоту в желудке. Только шторма нам и не хватало, мелькнуло у меня. Вскоре вернулся Тео. Выражение его лица было озабоченным.

– Какие новости? – первым делом спросила я у него.

– К сожалению, новости хуже некуда. Прогноз погоды крайне неблагоприятный. Ужасный, я бы сказал. Устроители гонок вообще подумывают о том, чтобы перенести старт соревнований на другой день. Синоптики предупреждают о сильных штормовых ветрах. Честно, Алли, я чувствую себя полностью раздавленным.

Тео плюхнулся на стул. Вид у него был действительно очень расстроенный. Я подошла и стала массировать его плечи.

– Тео, вспомни, это всего лишь гонки.

– Я это помню. Но выиграть Фастнет – это всегда было моей мечтой. Пожалуй, победный финиш мог бы стать вершиной моей спортивной карьеры. Ведь мне уже тридцать пять, Алли. Не буду же я гонять под парусом до глубокой старости. Будь оно все неладно! – воскликнул Тео и с размаха стукнул кулаком по ручке стула. – Но почему именно в этом году? Почему?!

– Подожди расстраиваться раньше времени. Посмотрим, что принесет нам завтрашний день. Сам знаешь, синоптики часто ошибаются.

– Синоптики – да, а вот погода – нет. – Тео со вздохом махнул рукой в сторону окна, за которым виднелось небо, укрытое сплошной пеленой свинцовых туч. – В одном ты права. Мне не под силу что-то изменить. В любом случае завтра в восемь утра организаторы соревнований созвонятся со всеми капитанами яхт и сообщат нам о своем решении, будут они переносить старт или нет. Так что сейчас моя очередь принять горячую ванну и пораньше завалиться спать.

– Пойду приготовлю тебе ванну.

– Спасибо. И вот еще что, Алли.

– Что? – Я повернулась уже на полпути в ванную комнату.

Тео глянул на меня с улыбкой.

– Я люблю тебя.

* * *

Худшие опасения Тео оправдались. Впервые за восемьдесят три года проведения гонок Фастнет начало соревнований было перенесено. За обедом в королевском яхт-клубе члены команды уныло ковыряли вилками в своих тарелках и все время поглядывали в окна. А вдруг произойдет чудо и небо прояснится? И тогда утром следующего дня будет принято другое решение. После ланча мы с Тео в самом скверном расположении духа снова потащились к себе в отель, расположенный на самом берегу залива.

– Постепенно погода наладится, Тео, вот увидишь, – сказала я, стараясь хоть как-то приободрить его.

– Алли, я уже прошерстил все возможные сайты с информацией о погоде. Не говоря о том, что лично связывался с метеоцентром. Все прогнозы неутешительные. В ближайшие несколько дней это безобразие сохранится в полном объеме. А если соревнования все же начнутся, то дойти до финиша в таких погодных условиях будет немыслимо трудно. В любом случае, – он вдруг широко улыбнулся, глянув на меня, – у нас появилось время принять еще одну горячую ванну.

Воскресным вечером мы решили никуда не ходить и отужинать в ресторане отеля. Настроение было хуже некуда. Напряжение буквально витало в воздухе. Тео даже заказал себе бокал вина. Обычно перед началом соревнований он никогда не позволял себе подобных вольностей. Но как бы то ни было, а вино действовало благотворно. Мы немного расслабились и к себе в номер вернулись заметно успокоившимися. В эту ночь Тео занимался любовью с особой страстью, жадно и ненасытно. Потом в изнеможении откинулся на подушки и привлек меня к себе.

Я уже стала дремать, как вдруг услышала, как он позвал меня:

– Алли.

– Что?

– Если завтра все будет нормально, мы выходим в море. Впереди нас ждут очень серьезные испытания. Еще раз напоминаю тебе обещание, которое ты мне дала на нашем острове любви. Если я прикажу тебе покинуть яхту, ты беспрекословно подчинишься своему капитану.

– Но Тео! Я ведь...

– Я говорю серьезно, Алли. Я не могу взять тебя на борт яхты до тех пор, пока не буду абсолютно уверен в том, что ты выполнишь мой приказ.

– Конечно, выполняю! – Я слегка пожала плечами. – Ведь ты же мой капитан. Я обязана подчиняться твоим приказам.

– И снова повторяю. Это никак не связано с тем, что ты женщина. Или что я хоть на самую малость усомнился в твоём профессионализме. Просто я очень люблю тебя.

– Я знаю.

– Вот и прекрасно! Спокойной ночи, любовь моя.

Рано утром пришла хорошая новость. Гонки Фастнет все же стартуют. На вторые сутки после запланированного на вчерашний день старта Тео обзвонил всех членов экипажа и немедленно отправился на яхту. Передо мной был прежний Тео, сосредоточенный, энергичный, всецело поглощенный предстоящим началом соревнований.

Часом позже я вместе с остальными ребятами присоединилась к нему на борту «Тигрицы». Несмотря на то что яхты стояли пришвартованными в акватории бухты, ветер продолжал трепать их с неистовой силой, раскачивая в разные стороны. Яхты то и дело стукались бортами друг о друга, а набегающие с моря волны окатывали палубу до самых верхушек мачт.

– Вот так погода, Господи Иисусе! – пробормотал Роб. И в эту минуту раздался выстрел стартового пистолета – сигнал к началу гонок. Мы замерли в напряженном ожидании своей очереди. – А ведь мог бы сейчас преспокойненько плавать себе вокруг Карибских островов на какой-нибудь роскошной яхте, взятой напрокат. Никаких тебе штормов, никаких волн.

Тео собрал нас всех на палубе, чтобы сделать общий групповой снимок экипажа: «В добрый путь!» *Bon voyage*, пожелали мы друг другу.

Даже самые опытные яхтсмены в составе нашей команды заметно позеленели, когда мы наконец вышли за пределы бухты. Море штормило, вскипая под сильнейшими порывами ветра в густую холодную пену. За считанные доли секунды мы промокли насквозь.

Все последующие восемь часов прошли в непрекращающейся борьбе со стихией. Ветер лишь усиливался. Но все это время Тео сохранял хладнокровие, оставаясь невозмутимым и спокойным. Перемещаясь по яхте под сплошными потоками холодной воды, обрушивающимися сверху, он без остановки раздавал команды членам экипажа, приказывая вести яхту точно по курсу и ни в коем случае не сбавлять скорость. Раз десять, если не больше, мы рифовали и разрифовывали паруса, приспосабливаясь к постоянно меняющимся погодным условиям. Вдруг откуда ни возьмись на яхту обрушился шквалистый ветер порядка сорока узлов в час. И все время нас безжалостно хлестал косой и холодный дождь.

Двоих из команды, в том числе и меня, отправили в первый день гонок нести вахту на камбузе. Мы изо всех сил старались хоть как-то подогреть суп, используя для этой цели специальную плитку на карданном подвесе, которая при любой качке стабильно удерживает все горшки и кастрюли на одном уровне, но нашу яхту бросало из стороны в сторону и кренило набор с такой силой, что содержимое кастрюль разлеталось в разные стороны, обдавая и нас паром и кипятком. Риск получить самые настоящие ожоги был слишком велик, а потому мы отказались от мысли приготовить первое и просто разогрели в микроволновке заранее приготовленные пакеты с едой. Члены экипажа подкреплялись по очереди. Приходили, трясясь от холода в своих защитных комбинезонах, не имея даже сил, чтобы скинуть их с себя на то короткое время, которое отводилось на обед. Но по их благодарным взглядам я чувствовала и понимала, как никогда, что на соревнованиях важно все, в том числе и самый минимальный домашний уют, особенно ценный в сравнении с тем, что творилось наверху, на палубе.

Тео пришел обедать в составе последней смены. Быстро поглощая свою порцию, он попутно рассказал мне, что ряд экипажей, участвующих в гонках, приняли решение переждать непогоду, пришвартовавшись в разных портах вдоль южного побережья Великобритании.

– Ситуация только усугубится с наступлением темноты и когда мы покинем Ла-Манш и выйдем в Кельтское море, – добавил Тео, бросив взгляд на часы. Было уже восемь вечера. Стало смеркаться.

– А что думают ребята? – спросила я у него.

– Все за то, чтобы продолжить гонки и двигаться дальше. Я тоже думаю, что нашей яхте под силу выдержать подобное испытание.

В этот момент «Тигрицу» тряхнуло и швырнуло на правый борт с такой силой, что мы оба свалились со своих скамеек, а я даже вскрикнула от боли, ударившись животом о край стола. Тео, который, как я искренне верила, мог ходить даже по волнам, с трудом поднялся с пола.

– Ладно! – пробормотал он, глянув на меня, скрючившуюся пополам от боли. – Как ты правильно заметила накануне, это всего лишь гонки. А потому держим курс на порт.

И прежде чем я успела что-то возразить, он помчался наверх, перескакивая сразу через две ступеньки.

Часом позже наша яхта вошла в порт Уэймут. Все мы промокли до нитки, несмотря на свои высокотехнологичные водонепроницаемые костюмы. К тому же страшно устали. Бросив якорь и спустив паруса, мы принялись проверять оборудование, нет ли каких повреждений, вызванных столь трудным переходом. Потом Тео собрал нас всех в кают-компанию. Мы сгруппировались в тесном помещении, сидя чуть ли не на головах друг у друга. Облаченные в ярко-оранжевую форму, мы в эту минуту были очень похожи на полумертвых омаров, попавших в рыбацкую сеть.

– Ночной переход в такую штормовую погоду крайне опасен, – начал Тео, – и я не стану рисковать вашими жизнями. Но есть и хорошая новость. Практически все яхты, участвующие в гонках, тоже встали на прикол. Так что у нас еще есть шанс не превратиться в аутсайдера соревнований. Сейчас Алли и Мик приготовят нам на ужин пасту. А пока они будут заниматься стряпней, вы все по очереди примите душ. Снимаемся с якоря с восходом солнца. Кто-то вскипятит воду, чтобы заварить нам по чашечке чая на дорогу. Надо хоть немного согреться, прежде чем выходить в море. Нам потребуется вся наша смекалка и опыт, чтобы должным образом справиться с тем, что ждет нас завтра.

Мик и я с трудом распрямили ноги и, слегка пошатываясь, снова проследовали на камбуз. Пока я выкладывала на большую сковороду пасту и готовые, слегка разогретые колбаски, Мик занялся чаем. Я с наслаждением отхлебнула из своей чашки, чувствуя, как горячая жидкость мгновенно разлилась по всему телу вплоть до окоченевших пальцев ног.

– Пожалуй, я бы не отказался пропустить глоток-другой и чего-нибудь покрепче, – бросил мой напарник. – Теперь-то ты, надеюсь, понимаешь, почему в былые времена моряки так налегали на ром, правда?

– Эй, Ал, твоя очередь мыться, – позвал меня Роб.

– Я пока пропущу свою очередь, ладно? Пойду в числе последних.

– Хорошая девочка! – одобрительно хмыкнул он. – Тогда я пойду вместо тебя.

Наконец-то пробил мой звездный час, и мои весьма скромные кулинарные способности были оценены по достоинству. Еще никогда в жизни я не слышала столько похвал в свой адрес, как в тот вечер за ужином. Отужинав, мы перемыли всю пластиковую посуду, и ребята стали разбредаться кто куда в поисках места для ночлега. Яхта никак не была рассчитана на то, чтобы разместить на своем борту двадцать ночующих. А потому все устроились как кто смог. Кто-то улегся на скамьях, кто-то залез в свой спальный мешок и повалился в нем прямо на палубу.

Я пошла мыться последней, прикидывая по пути, сможет ли ледяная вода, а это все, что оставалось на тот момент в баке, хоть немного взбодрить меня. Или же, напротив, от такого душа мне станет еще хуже. Я наскоро ополоснулась, а выйдя на палубу, увидела, что меня поджидает Тео.

– Алли, мне надо поговорить с тобой.

Он взял меня за руку и снова повел в кают-компанию. Внутри царил страшная духота. Переступая через тела спящих, мы устроились в крохотном уголке, в котором были свалены в кучу навигационные приборы и карты. Этот уголок Тео гордо именовал своим кабинетом. Он жестом приказал мне сесть и взял за обе руки.

– Алли, веришь ли ты, что я люблю тебя?

– Конечно, верю.

– А веришь ли ты, что я считаю тебя первоклассным яхтсменом?

– Вот в этом я не вполне уверена! – Я вымученно улыбнулась. – Но почему ты спрашиваешь?

– Потому что я снимаю тебя с соревнований. Через несколько минут за тобой подойдет ялик. Тебе уже зарезервировали койку на берегу и завтрак. Прости, но иначе я не могу.

– Что не можешь?

– Не могу рисковать тобой и дальше. Прогноз погоды на ближайшее время ужасный. Я уже переговорил с капитанами многих яхт. Некоторые вообще хотят сойти с дистанции. Думаю, наша «Тигрица» справится, но я не могу и дальше оставлять тебя на борту. Понимаешь?

– Нет, не понимаю! Почему меня? Почему не кого-то другого? – возразила я с горячностью.

– Потому что потому... Прошу тебя, дорогая, давай прекратим эти напрасные споры. Ты прекрасно знаешь почему. И потом. – Тео немного помолчал. – Если хочешь знать правду, то мне намного сложнее концентрироваться на обязанностях капитана, пока ты находишься на борту. Ты меня отвлекаешь от моей основной работы, понимаешь?

Я уставилась на него ошарашенным взглядом.

– Нет, не понимаю! Я... Пожалуйста, Тео! Разреши мне остаться, – взмолилась я.

– Нет и еще раз нет. У нас еще будут впереди совместные гонки. Надеюсь, не одна. Но на сей раз – нет! Многое ведь зависит не только от моря. Не будем рисковать понапрасну.

– Значит, тебе можно рисковать, а мне – нельзя, да? Тогда почему ты не последуешь примеру других? Раз они хотят досрочно прекратить соревнования, сделай так и ты!

Я чувствовала, как во мне нарастает злость по мере того, как я начинала осознавать всю серьезность той новости, которой Тео буквально огорошил меня.

– Потому что для меня, Алли, Фастнет – это судьба. И я никому не позволю сломать ее. Все! Разговор окончен. Ступай и собери свои пожитки. Шлюпка будет здесь с минуты на минуту.

– А мою судьбу, значит, можно ломать, да? Что ты хочешь сказать? Что это я ломаю твою судьбу, да? – Мне хотелось кричать от бессилия прямо ему в лицо, но вокруг спали уставшие ребята, и я боялась разбудить их. – А я ведь предназначена быть твоей защитницей. Это ты хоть понимаешь?

– Ты действительно сломаешь меня, если будешь ругаться и дальше, – резко оборвал меня Тео. – Собирай свои вещи, и попрошу на выход. Это приказ капитана. Приказываю подчиниться.

– Слушаюсь, капитан, – раздраженно ответила я, понимая, что должна смириться с собственным поражением.

Я отправилась паковать свой рюкзак, пребывая в полном бешенстве и сама до конца не понимая, за что и почему я так сильно разозлилась на Тео. Потом снова вскарабкалась на палубу. Вдалеке уже замелькали огоньки стремительно приближающегося ялика. Вот он подошел вплотную к корме, чтобы удобнее было спустить трап.

Я приготовилась покинуть яхту, даже не попрощавшись с Тео. Ухватив носовой фалинь, который сбросил мне шкипер с ялика, и закрепив его за крьюсов, пока сам ялик продолжал маневрировать вдоль борта яхты, я уже приготовилась поставить ногу на первую ступеньку трапа, но тут сверху меня ослепил свет фонарика.

– Тебе забронирована комната в гостевом доме «Варвик», – услышала я голос Тео.

– Хорошо, – бесстрастно ответила я, швырнув свой рюкзак в мечущуюся на волнах шлюпку, и сделала еще один шаг вниз. И в ту же минуту была схвачена крепкой рукой Тео. Вцепившись в мою руку железной хваткой, он приподнял меня к себе.

– Алли! Ради бога! Я люблю тебя! Я люблю тебя... – пробормотал он вполголоса, сжимая меня в своих объятиях и держа почти на весу, так что я едва касалась кончиками пальцев верхней ступеньки трапа. – Помни об этом всегда! Ладно?

Несмотря на всю злость и обиду на него, я почувствовала, что уже готова растаять и забыть все плохое.

– Буду помнить, – пообещала я и, взяв фонарик из рук Тео, посветила прямо ему в лицо, навеки запечатлев в своей памяти черты любимого. – Береги себя, дорогой, – прошептала я.

Тео неохотно разжал объятия, приготовившись отстегнуть фалинь, а я проворно спустилась вниз по трапу и запрыгнула в поджидавшую меня шлюпку.

Несмотря на трудный день и усталость, а измотаны мы все были сверх всяких сил – лично мне еще никогда не доводилось участвовать в столь экстремальных гонках, – всю ночь я промучилась без сна. В довершение всех неприятностей я впопыхах оставила свой мобильник на борту яхты, тем самым лишившись на некоторое время возможности связаться с Тео напрямую. Я готова была убить себя за собственную расхлябанность и глупость. Возбужденно меряя шагами комнату, я разрывалась между все еще кипевшим во мне негодованием за то, что меня так бесцеремонно списали на берег, можно сказать, выставили вон, и почти животным страхом, который тут же овладевал мною, стоило мне лишь глянуть в окно. Свинцовые тучи неслись по небу куда-то вдаль, дождь, переходящий в ливень, хлестал как из ведра, образуя сплошную завесу над бухтой. А сквозь шум дождя долетал рев ветра невиданной силы. Все вокруг свистело и грохотало. Я отлично понимала, что значат эти гонки для Тео. Но понимала и другое. Не помешает ли ему страстное желание выиграть Фастнет любой ценой? Сумеет ли он сохранить умение профессионально оценивать ситуацию и делать из нее правильные выводы? Не изменит ли Тео его врожденная интуиция в угоду мальчишескому желанию победить во что бы то ни стало? Впервые я взглянула на море, что называется, открытыми глазами и увидела перед собой ревущую бездну, неуправляемую стихию, мощную, сокрушающую все на своем пути, способную раздавить и поглотить любого человека, словно щепку носимую по волнам.

Едва только занялся тусклый, угрюмый рассвет, как я разглядела в окно «Тигрицу». Она покидала бухту Уэймут, взяв курс на открытое море.

Я крепко сжала пальцами цепочку с кулоном, подарок Тео по случаю нашего обручения. Что я могла сделать? Чем помочь? Только пожелать доброго пути.

– До свидания, любовь моя, – прошептала я, неотрывно глядя в окно до тех пор, пока «Тигрица» не превратилась в маленькую точку, затерявшуюся среди свирепых морских волн.

Следующие несколько часов я провела в полном одиночестве, чувствуя себя полностью отрезанной от остального мира. Ну и что за смысл торчать мне здесь одной, дошло наконец до меня. Надо перебираться в Каус. Там располагается центр управления регатой Фастнет, там я хоть буду в курсе всех последних новостей, как говорится, из первых рук. Не надо будет выуживать данные из интернета. Я быстро побросала вещи в рюкзак и поспешила на поезд и к паромной переправе. Я знала, что на всех яхтах, участвующих в регате Фастнет, установлены специальные навигаторы с обратной связью, однако в таких экстремальных погодных условиях толку от них мало. Они крайне ненадежны в штормовую погоду.

Спустя три с половиной часа я снова заселилась в ту же гостиницу, в которой мы с Тео жили, пока шла подготовка к соревнованиям, и сразу же побежала в Управление Королевского яхт-клуба разузнать самые последние новости. Сердце упало, когда я увидела, сколько знакомых лиц крутится вокруг. Все эти спортсмены начинали гонки вместе с нами, а теперь уныло слоняются толпами по всем помещениям яхт-клуба.

Я заметила физиономию Паскаля Лемара, француза, с которым несколько лет тому назад выступала в составе одной команды. Подошла, чтобы перекинуться с ним парой слов.

– Привет, Ал! – поздоровался он со мной немного удивленно. – А я и не знал, что «Тигрица» тоже сошла с дистанции.

– Нет, она продолжает гонки. Во всяком случае, пока, насколько мне известно. Это я списана на берег. Вчера капитан приказал мне покинуть яхту. Сказал, что это очень опасно.

– И он абсолютно прав. Десятки яхт уже вполне официально заявили о том, что прекращают свое дальнейшее участие в гонках, другие пережидают в портах, ждут, когда наконец наладится погода. Наш шкипер тоже принял решение сойти с дистанции. Для таких небольших яхт, как наша, первый день соревнований превратился в самый настоящий ад. Никогда еще не видел такого разгула стихии. Впрочем, с твоими ребятами все будет нормально, я думаю. Мощная яхта, сто футов в длину. Капитан, твой друг, тоже один из лучших. На такой яхте победа им гарантирована, – приободрил меня Паскаль, видно прочитав тревогу в моих глазах. – Хочешь чего-нибудь выпить? Тут сейчас многие топят свое разочарование в вине.

Я согласилась, и мы двинулись в сторону бара. Там тоже толпился народ. Некоторые оживленно обсуждали события давней гонки Фастнет 1979 года. Тогда во время шторма разбилось сто двенадцать яхт, погибло восемнадцать человек, в том числе и три спасателя. Пробыв в компании спортсменов с полчаса, хотя все мои мысли были заняты только «Тигрицей» и Тео, я извинилась и покинула бар. В фойе накинула на себя толстовку и двинулась по размытой дождями дороге в сторону Центра управления гонками, который размещался на территории Королевского клуба морских гонок и до которого нужно было еще пройти небольшое расстояние. В Центре управления я первым делом поинтересовалась, есть ли свежие новости с «Тигрицы».

– Да, – ответили мне. – На данный момент яхта находится в нескольких милях от Бишоп-Рок. Двигается вперед на хорошей скорости, – добавил оператор, неотрывно глядя на экран монитора. – На такой скорости, да еще с учетом того, что многие экипажи уже снялись с соревнований, у «Тигрицы» есть все шансы победить. – Мужчина подавил тяжелый вздох.

Полученная информация немного успокоила меня. По крайней мере, пока все идет хорошо и Тео жив-здоров. Я снова вернулась в Управление Королевского яхт-клуба, заказала себе бутерброд и стала медленно жевать его, наблюдая за тем, как в помещение входят все новые и новые люди. Экипажи, сошедшие с дистанции. Вид у всех был изможденный, костюмы мокрые, заляпанные грязью. До меня долетали отдельные обрывки фраз. Кто-то говорил, что

ветер снова усилился и стал шквалистым. Но я сама чувствовала себя хуже некуда, не было даже сил, чтобы поучаствовать в разговорах, а потому я вернулась к себе в отель, улеглась в кровать, пытаясь заставить себя поспать хотя бы пару часиков, и тут же отключилась. Я проснулась в пять часов утра. Еще один серый, безрадостный рассвет. И сразу же ринулась в Центр управления. Когда я вошла, в комнате вдруг стало тихо.

– Какие новости? – спросила я прямо с порога.

И перехватила испуганные взгляды, которыми обменялись операторы.

– Что случилось? – Я почувствовала, как сердце уходит в пятки. – С «Тигрицей» все в порядке?

Еще один быстрый обмен взглядами.

– В половине четвертого утра мы получили тревожное сообщение. Человек за бортом. Береговая спасательная служба уже приступила к поискам. Задействован вертолет.

– Они знают, кто именно? Как все произошло?

– Простите, милая, но на данную минуту мы пока не располагаем никакими подробностями. Ступайте, выпейте чашечку чая. Как только у нас появятся какие-то новости, мы тут же сообщим.

Я молча кивнула в ответ, чувствуя, как внутри меня нарастает истерика. «Тигрица» – супер-пупер современная яхта, оснащенная самым новейшим оборудованием, в том числе и самыми передовыми системами связи. Я знала, что эти люди лгут мне, что они уже в курсе всех подробностей случившегося. А это может означать лишь одну-единственную вещь.

Сердце заколотилось с такой бешеной скоростью, что я подумала: еще мгновение, и оно разорвется на части. Я вышла из помещения и кое-как добрела до дамской комнаты. Там плюхнулась на пуфик возле туалетного столика, жадно хватая ртом воздух. Меня охватила паника. Но, может, я ошибаюсь? Может, они действительно не могут разглашать все подробности происшествия до тех пор, пока не прояснится вся картина случившегося? Однако в глубине души я уже все знала.

11

Вертолет доставил тело Тео на материк. Директор соревнований любезно предоставил в мое распоряжение машину. На пароме мы проследуем в Саутгемптон, а там меня, если я пожелаю, отвезут в госпиталь, в морге которого будет находиться тело.

– Вы, наряду с матерью, значитесь как его ближайшие родственники в анкетах, которые Тео заполнял накануне соревнований. А потому вам тоже, к великому сожалению, придется заполнить... некоторые бумаги... Таковы формальности, увы! Кто займется этим? Вы? Или мне связаться с миссис Фейлис-Кингс?

– Я... я не знаю, – ответила я, тупо глядя перед собой.

– Тогда я немедленно позвоню ей. Меня очень волнует, что она может узнать эту страшную новость по радио или по телевидению. К великому огорчению, новость наделала много шума во всем мире. Я очень сожалею, Алли, о том, что случилось. Не стану говорить вам всякие банальности о том, что Тео занимался делом, которое любил. Я скорблю вместе с вами, вместе с членами его команды. Невосполнимая утрата для всего мирового парусного спорта.

Я молчала. У меня не было слов.

– Тогда вот так, – промямлил чиновник, явно не зная, что еще сказать и как поступить с особой, сидевшей перед ним в полной прострации. – Давайте я отвезу вас в отель, Алли, – наконец нашелся он. – Отдохните немного.

Я обреченно повела плечами. Конечно, этот человек старается помочь мне, сделать как лучше. Но неужели он не понимает, что мне сейчас не до отдыха? Да и смогу ли после всего случившегося отдохнуть когда-нибудь? Я с трудом разлепила рот.

– Нет, не надо. Все хорошо, спасибо. Пойду немного прогуляюсь пешком.

– Алли, я сделаю все, что в моих силах. Только, пожалуйста, будьте со мной на связи, ладно? У вас есть номер моего мобильного. Немедленно сообщите мне, когда вам понадобится машина. Команда «Тигрицы» возвращается в Каус. Наверняка они захотят встретиться с вами, рассказать, что и как было, если, конечно, вы будете готовы к такому разговору. А я сейчас срочно звоню матери Тео.

Я бездумно зашагала в сторону своей гостиницы. Пошла вдоль бухты, в какой-то момент остановилась и стала глядеть на холодные свинцовые волны, набегающие на берег. И вдруг из самых глубин моего естества вырвался леденящий душу крик, и я взвыла во весь голос, подобно тем привидениям-плакальщицам, чье появление предвещает скорую смерть. Я вопила и изрыгала проклятия в адрес жестокой, безжалостной стихии, отнявшей у меня сначала отца, а потом и Тео.

И в этот миг я дала себе клятву, что больше никогда моя нога не ступит на борт яхты. Никогда!

Потом в моей памяти на несколько часов наступил провал. Что я делала, чем занималась в это время, не помню. Скорее всего, просто тупо сидела у себя в номере, не в состоянии ни думать, ни чувствовать.

Одно я знала наверняка: больше у меня ничего не осталось.

Ни-че-го!

Зазвонил телефон, стоявший на прикроватной тумбочке. Я, словно робот, поднялась с постели и сняла трубку. Администратор сообщила, что внизу меня поджидают несколько моих знакомых спортсменов.

– Среди них некто мистер Роб Беллани, – добавила женщина.

Несмотря на полнейшую отрешенность от всего и вся, в которой я пребывала, я понимала, что как это ни тяжело, но мне придется встретиться с ребятами. Должна же я услышать из

первых уст, как и почему погиб Тео. Я попросила администратора проводить членов экипажа в комнату отдыха на первом этаже, я спущусь к ним через пару минут.

Когда я вошла в комнату, то увидела поджидавших меня Роба, Криса, Мика и Ги. Вид у всех был потерянный. Они тоже еще не успели оправиться от пережитого шока. Стараясь не глядеть на меня, парни стали по очереди бубнить свои соболезнования.

– Мы сделали все, что смогли...

– Он нырнул, чтобы вытащить Роба. Такой героический поступок...

– Никто не виноват... Трагическое стечение обстоятельств...

Я кивала головой и даже выдавила из себя пару слов в ответ на их сочувственные возгласы, стараясь всем своим видом показать, что во мне еще что-то осталось от живого человека. Наконец Мик, Крис и Ги поднялись со своих мест, но Роб сказал, что еще останется и побудет со мной немного.

– Спасибо вам, ребята, – поблагодарила я своих коллег и слабо махнула им на прощание.

– Ал, прости, но мне необходимо выпить, прежде чем начать рассказывать, что именно у нас произошло, – сказал Роб, когда мы остались с ним одни, и сделал знак официантке, маячившей у стойки в углу зала. – Пожалуй, и тебе тоже не помешает.

Стиснув пальцами стакан с бренди, Роб сделал глубокий вдох. Я увидела, как на его глазах выступили слезы.

– Ну же, Роб, рассказывай! – нетерпеливо воскликнула я.

– Ладно! Мы легли в дрейф, хотели немного переждать ненастье. На море творилось ужас что. Я находился как раз на верхней палубе, точнее, на баке, была моя очередь вести наблюдения. И тут появился Тео, чтобы сменить меня. Только я отстегнул от леера свои ремни безопасности, как огромная волна накрыла меня с головой и буквально смыла за борт, в открытое море. Наверняка я бы утонул, потому что меня сильно потрянуло и сбilo с ног. Но Тео сразу же подал сигнал тревоги, потом швырнул вниз поплавков ставной сети, а следом сиганул сам. Я все еще бултыхался в ледяной воде, все остальные ребята мгновенно высыпали на палубу. Они-то и рассказали мне, что каким-то чудом Тео удалось подплыть ко мне, потом он привязал меня к буйку и даже затолкал внутрь сети, но тут на нас обрушилась еще одна громадная волна, оттянула его в сторону от меня и утащила под воду. Больше они уже его не видели. К тому же было темно, море штормило... ну ты прекрасно понимаешь, в таких условиях разглядеть человека в открытом море практически невозможно. Вот если бы ему удалось хоть как-то зацепиться за буюк, тогда бы все пошло иначе. – Из груди Роба вырвался громкий всхлип. – Ребята сразу же вызвали по рации вертолет. Меня быстро обнаружили и подняли на борт, потому что к буйку была подсоединена сигнальная лампа. А вот Тео... В конце концов спасатели нашли и его... точнее, его тело... Запеленговали сигнал бедствия с его передатчика... Господи боже мой! Ал, если бы ты знала, как мне тошно... Прости! Никогда не смогу простить себя... Никогда!

Впервые за все время с тех пор, как я узнала о гибели Тео, я почувствовала некий живой отклик в своей душе. Словно волна прокатилась по моим жилам. Я накрыла своей рукой руку Роба.

– Роб, мы оба знаем все опасности, которые подстерегают яхтсменов в открытом море. Наверное, Тео они были знакомы еще лучше, чем нам.

– Умом, Ал, я все понимаю... Но... И зачем я только отстегнул в ту минуту ремни безопасности? Черт меня дери! – Роб поднес руку ко лбу и закрыл ею свои глаза. – Вы двое, вы были созданы друг для друга... А теперь... Это никак не должно было случиться... Ты должна возненавидеть меня!

Роб разрыдался. Я механически положила руку ему на плечо и принялась гладить, успокаивая. Самое ужасное, что какая-то часть меня действительно *ненавидела* его в этот момент. Потому что Роб уцелел и выжил, а Тео – нет.

– Успокойся, Роб. В гибели Тео нет твоей вины. Он поступил так, как на его месте поступил бы любой капитан. Другого поступка я от него и не ждала... Некоторые поступки вообще не...

Я прикусила губу, боясь расплакаться, если буду и дальше утешать его.

– Прости меня, Алли. Сажу тут перед тобой, хныкаю... – Роб виновато вытер слезы с глаз. – Я просто захотел излить тебе душу... Рассказать, что я чувствую...

– Спасибо тебе за откровенность, Роб. Спасибо, что ты рассказал мне все как было. Понимаю, это далось тебе непросто.

Какое-то время мы оба сидели молча, каждый думая о своем. Потом Роб поднялся со своего места.

– Пожалуйста, звони мне, если что... Кстати, о звонках. – Роб выудил из кармана джинсов мой мобильник. – Вот нашел это на камбузе. Твой?

– Мой. Спасибо. – Я взяла из его рук свой телефон.

– Тео спас мне жизнь, – едва слышно прошептал Роб. – Он настоящий герой. Я... я... мне очень жаль, что все так вышло.

Я молча смотрела вслед безутешному Робу. А потом подумала, что сейчас, когда я уже повстречалась с ребятами из своего экипажа, меня здесь больше ничто и никто не удерживает. Наверняка Селия захочет, и в этом я не сомневалась ни минуты, поучаствовать в процедуре опознания тела своего сына. Я поднялась со стула, готовая бежать прочь с места, превратившегося в некое подобие театрального задника, на фоне которого разыгралась моя личная трагедия. Бежать, да, но куда? Наверное, домой, в Женеву. Но и в Атлантике меня встретит еще одна зияющая дыра, еще одна невосполнимая утрата.

И нет уголка на всем белом свете, где я могла бы отдохнуть душой.

Вернувшись к себе в номер, я стала машинально укладывать вещи в рюкзак. И снова намеренно отключила свой мобильник, но совсем по другой причине, чем тогда, когда была на яхте вместе с Тео. Я была слишком раздавлена горем, чтобы прямо сейчас вести разговоры со своими друзьями и близкими. К тому же никто из сестер ничего не знал о моем романе с Тео. Я ведь самонадеянно посчитала, что впереди у нас еще уйма времени для того, чтобы в будущем познакомить каждую из них с Тео. И потом, ведь наша связь с ним длилась всего ничего... Как было объяснять девочкам, что за такой короткий промежуток времени Тео стал для меня всем? Всего лишь несколько недель физической близости, но мне их вполне хватило для того, чтобы понять и почувствовать родство наших душ. Мне всегда казалось, что я знаю Тео всю свою жизнь.

Когда умер Па Солт, я пыталась успокаивать себя тем, что таков естественный порядок вещей в круговороте жизни: новое рождается, старое уходит. И потом, рядом со мной на тот момент был Тео, который как мог утешал меня. Более того, он подарил мне надежду на новое начало в нашей с ним жизни. Теперь, оглядываясь назад, я осознала, как всего лишь одним своим присутствием Тео заполнил ту зияющую бездну, которую оставила в моей душе смерть Па Солта. Но вот и Тео тоже ушел. А вместе с ним ушли и все мои мечты о будущем. В течение всего лишь нескольких зловещих часов от меня не только навсегда ушел Тео. Вместе с ним я похоронила в морской пучине, и тоже навсегда, свою страсть к морю и к парусному спорту. Любовь всей моей жизни была одномоментно, грубо и бесцеремонно, с корнями вырвана из моей души.

Я уже приготовилась покинуть комнату, взяв в руки свой рюкзак, но в эту минуту зазвонил телефон, стоявший возле кровати.

– Аллю? – небрежно бросила я в трубку.

– Алли, это Селия. Директор-распорядитель регаты сообщил мне, что ты остановилась в отеле «Нью-Холмвуд».

– Я... Здравствуйте, Селия.

– Как ты? – спросила она.

– Ужасно! – едва слышно пробормотала я, не в силах более притворяться. Да и зачем мне притворяться перед этой женщиной? – А как вы?

– То же самое. Я только что из госпиталя.

Мы замолчали, каждая по-своему переживая все то страшное и уже окончательное, что означали ее последние слова. Я физически *чувствовала*, как Селия борется с подступившими к горлу слезами. Но вот после некоторой паузы она снова заговорила:

– Алли, куда ты сейчас?

– Сама... Я не знаю...

– Тогда подходи к паромной переправе на Саутгемптон. А дальше вместе поедem в Лондон. Поживешь у меня несколько дней. Вокруг всего этого такая шумиха началась. Папарацци превратили мою жизнь в сплошной кошмар. А вдвоем мы с тобой забаррикадируемся у нас дома и ляжем на время на дно. Согласна?

– Я... – Я сделала судорожный вдох. Из глаз брызнули слезы. Но то были слезы облегчения. – С удовольствием!

– Номер моего мобильного у тебя есть. Позвонишь мне, когда приедешь на вокзал в Саутгемптоне. Я там тебя встречу.

– Хорошо, Селия. И... спасибо вам.

Потом я не раз думала, что, если бы не этот судьбоносный для меня во всех отношениях звонок Селии в самый трудный, самый страшный момент моей жизни, я, скорее всего, бросилась бы с парома в бушующие волны за бортом, ушла бы из жизни вслед за Тео.

Мы встретились на вокзале. Свое мертвенно-бледное лицо Селия спрятала за огромными солнцезащитными очками. Я подбежала и упала к ней на грудь, точно так, как делала это при встрече с Ма. Мы долго стояли, обнявшись, в сущности, два чужих человека, которых объединило одно большое и неизбежное горе. Потому что оно было для нас общим и мы как никто понимали друг друга.

Мы прибыли на вокзал Ватерлоо, взяли такси, которое доставило нас в красивый белокаменный дом в Челси. Селия приготовила на скорую руку омлет. Мы вдруг поняли, что не притрагивались к еде с тех самых пор, как узнали о гибели Тео. Селия налила нам по большому бокалу вина. Мы уселись на террасе. Стоял теплый и тихий августовский вечер.

– Алли, я должна признаться тебе кое в чем. Можешь посчитать меня сумасшедшей, если захочешь... – Я увидела, как хрупкая фигурка Селии вдруг содрогнулась, словно через нее пропустили электрический ток. – Но, когда вы оба навещали меня здесь в последний раз, я уже все *знала*. Прощаясь с Тео, целуя его, я нутром чувствовала, что он уходит от меня навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.